

История Российской Церкви

Андрей Николаевич Муравьев

Предисловие

«Видите ли горы сия? – яко на сих горах воссияет благодать Божия».

Предисловие

История Православной Церкви нашего отечества, предлагаемая мною, есть только быстрый очерк великих событий, ознаменовавших начало и постепенное развитие сей цветущей отрасли Вселенской Церкви. По мудрому устройению Промысла Божия, когда мать всех Церквей, Церковь Иерусалимская, была обуреваема нашествием иноплеменных, тогда ярко просияла на Востоке Церковь Константинопольская и пустила отрасли во весь север. Когда же в свою черду, сама подверглась она бедствиям внешним, сохранив внутреннюю чистоту, то внезапно, как море, выступившее из берегов, распространилось православие по необъятным пределам России, и Восточная Кафолическая Церковь может ныне считать сынов своих от берегов Адриатических, до пучин Восточного океана и Американского поморья, и от льдов затирающих Соловецкую обитель, на диком острове ее, до внутренних пустынь Аравии и Египта, на рубеже коих стоит лавра Синайская.

Картина сия, утешительная каждому Христианину, еще более отрадна сердцу Русскому, по тем великим судьбам, какие уже исполнила и какие еще совершит, на столь обширном поприще, отечественная Церковь наша. Пусть только с умилением обратится он к колыбели нашей веры, в древний Киев, или к сердцу православия, первопрестольной Москве; пусть мысленно последует за подвигами Святителей, подобных Кириллу, Петру, Алексию, Киприану, Ионе, Филиппу, Иову, Гермогену, Филарету, и отшельников, каковы были Антоний и Феодосий, Сергей, Зосима и Кириллы, и другие, имена коих неисчислимы в иноческом мире дремучих лесов наших, и Князей Владимиров, Михаилов, Невского, которых венец

земной просиял венцом райским. – А сонм мучеников, а лик жен и мужей, всякого возраста и звания, святою жизнью или страданиями, исповедавших имя Христово!.. И посреди столь разнообразного зрелища поразительно единство веры, соблюденной в такой неотступной чистоте, что, несмотря на все обстоятельства, временно нарушавшие внешнее общение между Церквями Восточного православия, все они составляют одно целое по духу. Когда еще недавно Церковь Грузинская, бывшая самостоятельной от четвертого века по Р. Х., вошла в состав Российской, то не нашлось между ними, чрез 15 столетий, ни малейшего различия, не только в догматах, но и в обрядах, подобно, как и с прочими Вселенскими престолами Константинополя, Александрии, Антиохии, Иерусалима, и с зависящими от первого Церквями Молдавии, Валахии, Сербии, Черногории, Трансильвании, Иллирии и вообще всей Славонии.

В обзоре быстром, обозначающем, главными только чертами, ход деяний церковных, не хотел я утомлять читателя беспрестанными указаниями на источники, большею частью всем известные, каковы летопись Нестора и его продолжателей, собранная Никоном под именем Воскресенской, и Степенные книги Митрополитов Киприана и Макария, и жития Святых. История церковная Платона и Иннокентия, драгоценный словарь Русских писателей Митрополита Евгения, с его иерархией Киевскою и Всероссийскою; и столь обильные сведениями примечания к истории Российской, незабвенного Карамзина, с творениями других еще живых писателей отечественной истории, служили мне источником и пособием, особенно до времен Патриарших.

С этой же эпохи прибежал я наиболее, или к рукописям Патриаршей Московской библиотеки, или к книгам, изданным Патриархами. Таким образом, описание пришествия Патриарха Константинопольского Иеремии, для поставления Иова и весь ход сего происшествия, заимствованы из современных актов, равно как и все дело о суде Никона Патриарха. Постепенное же исправление книг церковных описано подробно в предисловиях к требникам Филарета и скрижали Никона, жезла правления и увета Иоакимова. Древняя российская Вивлиофика,

извлеченная вся почти из рукописей Патриаршей ризницы, тщательно собранных Никоном, история Унии Каменского, собрание грамот Румянцева, археологические акты, вновь извлеченные из мрака, и благодетельное собрание законов империи, проливают обильный свет на столетие Патриархов, удовлетворяя требованиям истории.

Таковы были источники слабого труда, который, как малую лепту, повергаю в сокровищницу Российской Церкви.

Начало христианства в России

Церковь Российская, подобно другим православным Церквам Востока, имела также основателем Апостола. Св. Андрей Первозванный издали благословил грядущее начало Христианства в нашем отечестве, и, притекши вверх по Днепру в пустынную Скифию, водрузил первый крест на горах Киевских. «Видите ли горы сии? сказал он своим ученикам, яко на сих горах воссияет благодать Божия, и имать град велик быти, и церкви многи имать Бог воздвигнути». Так рассказывает, в повести временных лет, черноризец Печерского монастыря Св. Нестор, откуда есть пошла Русская земля.

Но только чрез девять веков, воссияли на Русь лучи божественного света, из стен Византии, где тот же Апостол поставил первого Епископа Стахия, и таким образом, как будто бы вверил его преемникам, в духе предведения, обширную страну, в коей сам проповедал Христа. Отсель неразрывный союз Церкви Российской с Церковью Греческою, и в течение шести столетий зависимость ее Митрополитов от Патриаршего престола Константинопольского, доколе, с его согласия, не получила она самобытности, в лице собственных Первосвященителей.

Болгары Дунайские, Моравы и Славяне Иллирийские были уже просвещены святым крещением, в половине IX века, при Царе Греческом Михаиле и Патриархе знаменитом Фотии. Два брата, Св. Кирилл и Мефодий, мужи ученые из Греков, переложили на язык Славянский Новый Завет и богослужебные книги, а по некоторым преданиям, и все Священное Писание. Перевод слова Божия впоследствии послужил спасительным орудием для обращения Руси, ибо проповедники могли излагать истины Евангельские язычникам, на природном их наречии, и тем удобнее действовать на их сердце.

Сколько нам известно, Князья Киевские из дружины Рюриковой, Оскольд и Дир, первые из Руссов, являются принявшими Христианство. В 860 году, подступили они с вооруженными судами к Царьграду; в отсутствии Императора

смутилась столица Греческая: по церковным преданиям, Патриарх Фотий изнес из церкви Влахернской девственную ризу Богоматери, погрузил в волны залива, и закипело море под судами языческими, и разбились суда; объятые ужасом Оскольд и Дир уверовали в карающего их Бога и были Господу начатками своего племени. Победный гимн Греческой Церкви в честь Пречистой Девы, «взбранной воеводе» остался памятником торжества и заключает поныне у нас каждую утренню на первом ее часе, ибо это был первый час спасения земли Русской.

По возвращении в отечество Князя Киевские вероятно посеяли там семена Христианства, потому что, спустя 80 лет, при мирном договоре Князя Игоря с послами Византийскими, уже упоминается о церкви Пророка Илии в Киеве, где присягали Варяги Христианские. Константин Багрянородный, и другие летописцы Греческие, повествуют даже, что во время Оскольда, послан был к Руссам Епископ от Императора Василия Македонского и Патриарха Св. Игнатия, который обратил многих, чудом Евангелия, вверженного в пламя и не сгоревшего; а в Кодиновом каталоге епархий, подвластных Патриарху Константинопольскому, с 891 года уже считалась Митрополия Русская. Конечно многие из Варягов, телохранителей Императорских, были Христианами, и Цари Греческие никогда не упускали случая обращать их к своей вере, чтобы смягчить жестокость нравов. Когда Император Леон договаривался о мире с Олегом, он показывал не одни сокровища свои послам Князя Русского, но и красоту церковную, и святые мощи и драгоценные иконы, и орудия страсти Господней, внушая им истинную веру.

Подобные внушения, среди зарождавшегося в Киеве Христианства, подействовали в благоприятное время на мудрейшую из жен Славянских, вдовствующую Княгиню Ольгу, которая правила землею Русскою, за малолетством сына своего Святослава. Она приплыла в Царьград (965)¹ – с желанием познать истинного Бога, и там прияла крещение от руки Патриарха Полиевкта; восприемником был сам Император Константин Багрянородный, удивленный ее мудростью.

Трогательно повествует Нестор, как предрекал Патриарх новопросвещенной Княгине благословения позднейших родов Русских, и как смиренная Ольга, во святом крещении Елена, именем и деяниями подобная матери великого Константина, стояла с поникшею главою, приемля, как губа напояемая, учение Святителя о церковном уставе, о посте и молитве, милостыне и воздержании, которые свято соблюдала она по возвращении на родину.

Там, хотя вопреки всем ее убеждениям, дикий и воинственный Князь Святослав, не хотел смирить кичливого сердца под кроткое иго Христово; однакоже, из любви к матери, не только не гнал ее единомышленников, но и оставлял им полную свободу исповедания под покровительством Княгини. Он поручал ей детей своих, во время беспрестанных походов, и дал возможность утвердить спасительное впечатление Христианства в уважавшем ее народе, и в малолетнем внуке Владимира; ибо ничто не западает так глубоко в сердце, как простое, нежное слово матери. Княгиня имела при себе пресвитера, именем Григория, пришедшего с нею из Царьграда, который и похоронил ее на заповеданном месте, во избежание тризны. Народ, прозвавший ее мудрою во дни жизни, ублажил святою по кончине, когда сам последовал спасительному примеру сей предтеческой денницы Русской.

Нигде Христианство не было менее гонимо при самом начале своем, как в нашем отечестве. Летопись говорить только о двух Христианских мучениках, Варягах Феодоре и Иоанне, умерщвленных яростью народною, когда один из них, по любви отеческой, не хотел выдавать сына, обреченного Князем Владимиром в жертву Перуну.

Вероятно, самое рвение Князя к богам языческим, коим воздвигал он кумиры и умножал требища, внушило соседним народам желание обратить мощного властителя к своей вере, и таким образом слепое его стремление к неведомому божеству получило истинное направление. Болгары Магометанские, первые прислали послов своих с предложением веры; но видимая благодать Провидения внушила ему решительный отказ, по несогласию на некоторые их уставы, хотя религия

чувственная могла обольстить человека, преданного страстям своим.

И Хазарские Евреи льстили себя надеждою привлечь Князя, превознося свою религию и древнюю славу Иерусалима. «Но где же земля ваша?» спросил их мудрый внук Ольги: «разорена гневом Божиим за грехи отцов» отвечали Евреи, и не захотел он принять закона отверженных. Приходили и учителя Западные из Немецкой земли, склонять к Христианству Владимира; но они казались ему чуждыми, ибо Русь знакома была только с Византией: «идите к себе, сказал он им, ибо отцы наши сего не принимали от вас».

Посольство Греческое было всех успешнее. Философ некий, или инок Константин, обличив недостатки прочих исповеданий, красноречиво изобразил Князю судьбы Божии по всемирной истории, и искупление рода человеческого кровью Христовой, и воздаяние в будущей жизни. Сильно подействовал рассказ его на язычника, обремененного тяжкими грехами бурного возраста, особенно когда инок показал ему, на иконе страшного суда, судьбу праведных и грешных: «добро сим одесную, а сим горе ошую!» воскликнул тронутый Владимир: но еще боролась в нем чувственная природа с небесною истиною. Отпустив посла с дарами, он медлил решиться, и хотел прежде испытать о вере со своими старцами, чтобы вся земля Русская участвовала в деле его обращения. Совет княжеский присудил послать избранных мужей, для наблюдения каждой веры, на месте ее исповедания, и это общественное согласие объясняет скорое впоследствии принятие Христианства на Руси: ибо, вероятно, и народ был в ожидании сей перемены.

Греческие Императоры не потеряли благоприятного случая, и сам Патриарх с чрезвычайным великолепием совершил божественную литургию, в храме Софийском, пред изумленными послами Владимира. Их поразило величие богослужения, но нельзя приписывать одному впечатлению наружному смягчение сердца язычников, от коих зависело обращение целого народа: ибо, от самых первых времен Церкви, чрезвычайные знамения всегда сопровождали убогую, по-видимому, проповедь Христианства. Так повествует и

летопись Византийская о послах Русских, что на божественной литургии, во время перенесения святых даров и Херувимской песни, отверзлись их духовные очи, и они, в некоем восторге, узрели светлых юношей, поющих трисвятую песнь. Убежденные в истине православной веры, они возвратились в отечество, уже Христианами в душе своей, и, не одобрив пред Князем других исповеданий, сказали о Греческом: «стоя в храме, мы не знали, где обретаемся, ибо нет на земле ничего подобного; там, поистине, пребывает Бог с человеками, и мы не можем забыть виденной нами красоты. Всякий человек, вкусив сладкое, уже не приемлет горького: так и мы не можем более оставаться в язычестве». И бояре сказали Владимиру: «если бы не хорош был закон Греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрейшая из всех человеков». Имя уважаемой Ольги решило ее внука; он только спросил: «где креститься?».

Но руководимый еще неочищенным чувством, Владимир предпочел следовать обычаю предков, ходивших войною на Царьград, и с оружием в руках добыть себе веру. Он подступил с судами к Корсуну Таврической, подвластной Императорам. Во время долгой неуспешной осады, некто пресвитер Анастас, стрелою, пущенною из города, известил Князя, что участь осажденных зависит от пресечения водопроводов, снабжающих их водою. Обрадованный Владимир дал обет креститься, если овладеет городом, и овладел. Тогда послал требовать от Царей Греческих руку сестры их Анны; они же предложили ему условием Христианство, желая союза с владельцем сильным, но следуя мудрой и набожной политике своих предшественников, которые всегда искали умирить верою страшных соседей. Князь изъявил согласие, потому что, по словам его, «он издавна испытал и полюбил закон Греческий».

Одна только вера могла побудить Царевну жертвовать собою спасению отечества и чуждого ей народа; она приплыла, с почетным духовенством, в Корсунь и убедила Князя ускорить крещение, ибо по устройению Божию, говорит благочестивый летописец, он разболелся глазами. Когда же Епископ Корсунский возложил руку на восходящего из купели, внезапно

прозрел Владимир, не только духовно, но и телесно, и воскликнул: «теперь видел я Бога истинного!»

Многие из дружины княжеской крестились также, пораженные его чудным исцелением и вероятно были впоследствии ревностны к водворению Христианства в отечестве. В церкви Пресвятой Богородицы совершились просвещение и брак Владимира, и это объясняет его особенное усердие к Пречистой Деве, в честь коей воздвиг он у себя главный храм. В Корсуни же соорудил церковь во имя своего Ангела, Св. Василия, и взяв с собою мощи Св. Климента, Епископа Римского, и ученика его Фива, церковную утварь и иконы, оставил Корсунь во власти Императоров, и возвратился в Киев, в сопровождении Царевны и духовенства Греческого.

Нестор упоминает в числе Епископов и священников Цареградских и Корсунских, последовавших за Князем, об одном только Анастасе пресвитере, ему благоприятствовавшем при осаде: а степенные книги называют **Михаила** (1. Митрополит Св. Михаил), родом Сириянина, и с ним шесть Епископов, присланных от Патриарха Николая Хрисоверха в Корсунь. Некоторые полагают даже, что Михаилом именовался Епископ времен Оскольда; но, несмотря на молчание Нестора, он стоит первым в списке Митрополитов Русских.

По возвращении в Киев Великий Князь крестил двенадцать сыновей своих и приступил к истреблению памятников язычества. Он велел низвергнуть в Днепр Перуна; народ следовал сперва за своим плывущим кумиром, но скоро утешился, видя бессилие истукана. Тогда Владимир, огражденный верою в кругу домашнем, и готовностью бояр и Дружины к ее принятию, провозгласил в народе: что «если кто не обрящется завтра на реке, богатый или убогий, тот будет ему противник». По зову уважаемого Владыки, бесчисленные толпы граждан, с женами и младенцами, стеклись на Днепре, и без всякого сопротивления всенародно прияли святое крещение от Епископов и пресвитеров Греческих. Трогательную картину сего всенародного крещения изображает Нестор: одни стояли в воде по шею, другие по перси, держа в руках младенцев; священники же читали с берега молитвы, называя общими именами целые

толпы. Виновник их спасения, объятый радостным восторгом при столь умирительном зрелище, воззвал к Господу, вручая ему себя и народ: «Боже великий, сотворивший небо и землю, призри на новых своих людей, дай им, Господи, уведать тебя, истинного Бога, как уведали страны Христианские, и утверди в них веру правую и несовратимую, и мне помоги, Господи, на супротивного врага, да в надежде на Тебя и на Твою державу побеждаю козни его». На самом холме Перуна близ своего терема, он воздвигнул первую церковь Св. Василия. Так просветилась земля Русская.

Столь внезапное и добровольное обращение Киевлян могло бы показаться невероятным, или насильственным, если не обратить внимания на постепенное просвещение Руси со времен Оскольда, в течение более ста лет, чрез торговлю и мирные договоры, и всякого рода сношения с Греками, Болгарами и Славянами нам единоплеменными, которые уже давно имели на языке своем Священное Писание. Постоянное стремление Императоров к обращению Руси, чрез послов своих и проповедников, терпимость Князей, пример и покровительство Ольги, и самая медленность Владимира, в избрании веры, должны были заблаговременно расположить к ней умы народные, особенно если справедливо, что Русь уже имела Епископа при Оскольде. Подобно сему, хотя и при других обстоятельствах, в обширной Римской империи, обращение Константина Великого внезапно сделало господствующим Христианство, ибо оно уже заранее проникло во все сословия государства.

Владимир ревностно занялся строением церквей по городам и селам, куда разослал священников для проповеди, и, заложив многие города около Киева, распространил и утвердил Христианство вокруг столицы, из которой выходили новые поселенцы. Он не замедлил также завести училища, где собирал детей боярских, иногда и против воли грубых родителей. Между тем Митрополит с Епископами странствовали по земле Русской до Новгорода и Ростова, повсюду крестя и поучая народ; а сам Владимир, для той же благой цели, ходил с другими Епископами в область Суздальскую и на Волынь.

Болгары Волжские и некоторые из Князей Печенежских, вняли, вместе с его подданными, спасительному благовестию и радостно приняли святое крещение.

Благочестивому Князю желательно было видеть и в своей столице благолепный храм, во имя Рождества Пресвятой Девы, на память Корсунского, где сам крестился, и на другой год после своего обращения, вызвав строителей из Греции, заложил он первый каменный собор в России, на самом том месте, где пострадали мученики Варяжские. Но первому Митрополиту Русскому не суждено было дожить до окончания храма; там были только погребены его святые мощи, впоследствии перенесенные в Печерскую Лавру. Другой Митрополит, **Леонтий** (2. *Леонтий 996 г.*), родом из Греков, присланный от того же Патриарха Николая, освятил новый храм к великому утешению Владимира, который клятвенно обрек ему десятину всех своих доходов, и потому собор был назван Десятинным.

Десятина сия, по уставу, приписываемому Князю Владимиру, состояла из определенной доли хлеба, скота и с торгового, для содержания духовенства и убогих; а сверх того собиралась еще десятая пошлина от всякого суда, ибо право суда было предоставлено Епископам и Митрополиту, которые судили по Номоканону. Правила Св. Соборов, и законы Греческие духовные, приняты были, вместе со Святым Писанием, при самом начале, как основание управления церковного, а с ними вместе пошли в употребление и некоторые гражданские законы Греческие, под сенью Церкви. Анастасу Корсуняпину, пользовавшемуся доверенностью Князя и его преемников, поручено было наблюдение за новым храмом и собираемою в него десятиною.

Хотя свет Христианства проливался уже по всей земле Русской, но еще нигде не утвердилась вера, ибо не было по городам Епископов. Митрополит Леонтий учредил (996 г.) пять первых епархий, и поставил Иоакима Корсунянина Епископом в Новгород, Феодора в Ростов, Неофита в Чернигов, во Владимир Волынский Стефана, и в Белгород Никиту.

С помощью дяди В. Князя, Добрыни, давно управлявшего Новгородом, Иоаким низвергнул в Волхов истукан Перуна, и

сокрушил требища идольские, без сопротивления со стороны граждан; потому что и они, подобно Киевлянам, по степени своего образования и по сношениям с Греками, были уже вероятно расположены к принятию Христианства. Предания говорят, что даже, со времен блаженной Ольги, обретались отшельники Сергей и Герман, на диком острове Ладожском Валааме, и что оттоле вышел св. Авраамий проповедовать Христа в диком Ростове.

Но не столь успешно было основание епархии Ростовской. Первые два Епископа, Феодор и Иларион, были изгнаны суровыми обитателями лесистой области Мери, которые упорно стояли за своих кумиров, несмотря на ревность Авраамия. В течение многих лет, чрезвычайных трудов и усилий стоило двум последующим Епископам, святым Леонтию и Исайи, претерпевшим много гонений, утвердить, наконец, Христианство в дикой стране сей, отколе распространилось оно постепенно и во все окрестные области.

Таким образом, во время долгого своего правления, Владимир, свято соблюдавший заповеди Христовы, имел утешение видеть, еще до кончины, плоды собственного обращения по всей обширной своей державе. Он отошел с миром в Киеве, и скоро причтен был к лику заступников земли Русской, вместе с бабкою своею Ольгою. **Иоанн** (3. Иоанн. 1019 г.), третий Митрополит, присланный из Царьграда, по смерти Леонтия, похоронил Князя в созданном им Десятинном храме, близ гроба Греческой Царевны, его супруги, куда перенесены были и нетленные мощи Св. Ольги.

Утверждение веры, первые обители

Семейная вражда возгорелась между детьми Св. Владимира. По кончине его, старший из братьев Святополк, домогаясь присвоить себе уделы младших, успел злодейски умертвить трех; но мученическая смерть Бориса и Глеба пала на главу его и сокрушила под ним окровавленный престол, который перешел к Ярославу Князю Новгородскому, мстителю за кровь братьев. Умилительно описана Нестором безвременная кончина юных Князей, нежно любивших друг друга. Обоих сразил меч убийц на молитве: оба, как чистые жертвы, облитые своею невинною кровью, предстали Господу, и Церковь, удостоверяет в их святости, нетлением девственных телес и многими знаменами, вскоре начала просить их содействия в молитвах.

Долгое правление великого Ярослава, несмотря на внешние войны с Королем Польским Болеславом, с Греками, Печенегами и другими соседними народами, и несмотря не междоусобие с братом Мстиславом Тмутараканским, было самым цветущим временем первобытной Руси, которая вся соединилась, наконец, под одну его мощную руку. Христианство утверждалось в обширных пределах, ибо сам он исполнен был благочестия и радел о благе Церкви. Две его грамоты, об освобождении духовенства от всяких пошлин, и о подтверждении Епископам права, предоставленного им Св. Владимиром, судить дела брачные, наследственные, святотатные, и касающиеся до внутреннего и внешнего благочиния Церкви, свидетельствуют о духовном расположении Ярослава. Ревнуя утвердить благосостояние народа законами гражданскими, он заботился и о законах церковных, и по воле его был переведен с Греческого Номоканон, дабы могли оным руководствоваться наши природные Епископы, начинавшие заступать места пришельцев Византийских. Сам он тщательно занимался чтением и преложением священных книг, которые собирал в хранилище при митрополии, и завел училища в Киеве

и Новгороде, для образования детей священнослужительских и мирян, готовившихся к духовному званию.

Три величественные памятника остались нам от славных времен Ярослава: собор Св. Спаса, основанный в Чернигове Князем Мстиславом, древнейший из всех священных зданий в России; храм Св. Софии в Новгороде, сооруженный сыном Ярослава Владимиром, умершим в юности и там погребенным вместе с матерью; храм сей не пострадал от войн и столетий и сохранился в неприкосновенном своем величии, как драгоценнейшее сокровище земли Русской; наконец, в Киеве, митрополия Софийская воздвигнута Великим Князем, на месте одержанной им победы над Печенегам. Громкое имя Св. Софии льстило Князю, который хотел подражать памятникам Византийским в своей столице, радуясь, что она уже слыла в его время вторым Царьградом. Он назвал златыми одни врата ее, как бы на память тех Цареградских врат, на коих повесил свой ратный щит предок его Олег; еще ближе было сердцу Ярослава, чтобы тот храм Премудрости Божией, в коем посланники отца его уверовали в истинного Бога, повторился хотя именем, если не совершенным подобием, в двух его престольных городах Киеве и Новгороде, как и Владимир, воздвигнул собор Пресвятой Девы в память Корсунского, где крестился. Митрополит **Феонемпт** (4. *Феонемпт 1037 г.*), присланный от Патриарха Алексия Студита, освящал собор Софийский, и он устоял до наших времен, вместе с мраморною гробницею основателя, сквозь бурю нашествия Монгольского и частных разорений Киева, хотя не в такой целостности, как Новгородский, однако же в прежнем виде, по крайней мере до сводов, когда напротив того Десятинная церковь скрыта до основания.

Феонемпт, первый из Митрополитов, у поминается в летописи Нестора, который умалчивает о трех его предшественниках, говоря только о Епископах, быть может потому, что имя Митрополита сделалось народнее со времени основания митрополии при Св. Софии. Должно относить к неудовольствию Ярослава, против Императора Константина Мономаха, ослепившего наших пленных, тот случай, что по

окончании последней войны с Греками, Великий Князь созвал Епископов Русских, для поставления из среды их Митрополита, на место умершего Феонемпта, мимо Патриарха. Благочестивый пресвитер **Иларион** (5. *Иларион 1051 г.*) был избран и посвящен соборно; но сие временное нарушение церковного порядка скоро исправлено благословенною грамотою, которую испросил Иларион у Патриарха Михаила Керулария. В бытность сего Митрополита на святительском престоле, пришли три певца Греческие из Царьграда и завели церковное демественное пение на восемь гласов, которое местами доньше сохраняется в древней простоте своей. – Ярослав основал также при нем два монастыря в Киеве, мужеский во имя своего Ангела Св. Георгия, при златых вратах, и женский Св. Ирины, во имя Ангела своей супруги.

Но хотя еще Митрополиту Михаилу приписывают, основание Выдубицкого монастыря, и хотя были другие обители в Киеве, созданный усердием бояр, – однакоже простому безвестному отшельнику суждена была слава быть отцом иночествующих в России и сделать свою убогую пустынь рассадником жития монашеского, и все сие во время крамол внешних и внутренних междоусобий, трех сынов Ярослава, которые обагрjali землю Русскую, спасаемую молитвами Св. Антония и Феодосия. Ибо многие монастыри, говорит Нестор, описывая начало Печерской лавры, от князей и бояр и от богатства поставлены, но не таковы они, как те, которые поставлены слезами и пощением и молитвою и бдением; Антоний не имел, ни злата, ни сребра, но все стяжал молитвою и постом.

Замечательно, при начале иночества в нашем отечестве, повторение самых имен великих отшельников: Илариона, Антония и Феодосия, коими некогда процвели пустыни Палестины и Египта, и которые, как в зеркале, отразились в чистом житии своих Русских подражателей. Митрополит Иларион, когда был еще пресвитером церкви Св. Апостол на Берестове, любимом селе Князей Владимира и Ярослава, ходил уединяться для молитвы в дремучий лес, на красном берегу Днепра, и там, полюбив живописное место на холме,

ископал себе тесную пещеру, колыбель будущей лавры и всех обителей Русских. Скоро поселился в ней другой отшельник, ибо место уже освящено было подвигами Илариона.

Некто Антоний, родом из Любеча, странствуя посетил Афонскую гору, и там, в иночестве пожелал окончить дни свои: но игумен его постригавший, прозри в высокое его назначение, велел возвратиться в отечество: повиновался смиренный Антоний и принес с собою благословение святой горы. Он обошел все монастыри Киева, но душа его, жаждавшая созерцания, могла найти себе отрадное упокоение только в оставленной пещере Илариона; там основался Антоний, хотя в течение сорокалетнего духовного подвига, дважды изгоняем был по смутам бояр и князей, скоро уведавших житие его в близких Киеву лесах. Сам Великий Князь Изяслав, сын Ярослава, посетил его с дружиною, и отшельник предрек ему, и двум его братьям, несчастное их поражение Половцами на берегах Альты. Когда собрались к нему двенадцать учеников, он дал им игуменом Варлаама и благословил поставить деревянную церковь во имя Успения Богоматери, на место прежней подземной церкви; а сам, избегая молвы начальственной, уединился в другую ближайшую пещеру, им ископанную, где окончил дни свои на молитве. Но еще прежде, когда Великий Князь взял игумена Варлаама, в основанный им Дмитриев монастырь, Антоний предложил братии в начальники смиренного Феодосия, которому предлежала слава окончательно устроить обитель и довершить благословенное начало Антония.

Видя вокруг себя умножающуюся братию уже числом до ста, он списал для нее устав Студийской обители, строжайший из всех в Константинополе, который принес оттоле инок, пришедший с новым Митрополитом **Георгием**. Образ монашеского пения, поклоны, чтение и весь чин церковный, и самая пища были определены сим уставом; его дополнил Феодосий своими духовными назиданиями, о непрестанной молитве, хранении от помыслов, взаимной любви, покорности и трудолюбию, и как образцовый, перешел он во все обители нашего отечества, ибо многие из них были основаны выходцами

Печерской лавры, другие же искали подражать ее высокому примеру; таким образом, распространилось из нее повсюду благословение Афона с правилами Студийскими. Летописец Нестор, сохранивший нам, в искреннем своем рассказе, священные предания старины Русской, был очевидцем подвигов Феодосиевых при начале лавры, в которую сам уединился с семнадцатилетнего возраста, сделав ее колыбелью истории нашей.

Князья Изяслав, Святослав и Всеволод, попеременно вступавшие на престол Киевский, исполнены были благоговения к святому отшельнику Феодосию и внимали его искренним назиданиям, хотя он не страшился упрекать Святослава за несправедливое обладание братним престолом. С помощью его вызвал он из Греции искусных строителей и заложил обширную церковь Успения, на место убогой деревянной. Но по примеру почти всех великих основателей, коим не суждено видеть наружное благолепие своего создания, Феодосий удовольствовался также одною внутреннею красотою лавры и упокоился в пещерах, ископанных им вместе с Антонием. Преемники его, Стефан и Никон, великий сподвижник Антония, продолжали строение, которое было окончено игуменом Иоанном и освящено уже при Великом Князе Всеволоде, Митрополитом Иоанном. По воле того же игумена, летописец Нестор отрыл в пещере нетленные мощи Феодосиевы, и собор Епископов и Князей торжественно перенес их в новый храм. Имена же Антония и Феодосия начали призываться в молитвах, со времени княжения Святополкова, как покровителей Киева и отцов всех пустынножителей наших, ибо лавра далеко пустила корни свои в Русскую землю, и благотворное ее влияние оказалось не в одних пустынях, но и в чертогах княжеских и на кафедрах святительских. Она дала своих иноков: Стефана Епископом в Белгороде, и Св. Исаию просветителем в Ростов, и Св. Никиту владыкою Новгороду, а по некоторым преданиям Ефрема в Митрополиты всея Руси. Одни иноки проповедовали имя Христово язычникам и скончались мученически, подобно Герасиму просветившему дикую Весь, в пределах севера, подобно Кукше и Пимену, пострадавшим за слово Божие на

берегах Оки, при обращении Вятичей; другие, имена коих неизсчетны, и доныне населяющие своими нетленными телесами пещеры, в затворничестве подавали пример всех добродетелей, и в числе их сын Князя Черниговского Никола, прозванный Святошею, по своей святости и смирению. Не он однакоже был первым из Князей восприявших монашеский образ: несчастный сын великого Владимира, Судислав, посаженный братом Ярославом в Псковскую темницу и после двадцативосьмилетнего заточения, освобожденный племянниками, прежде всех постригся в монастыре Киевском, и был начатком державных иноков нашего отечества. Но увлеченный славою Печерскою, я отклонился от постепенного хода деяний церковных.

Митрополия в Киеве

Митрополит **Георгий** (6. *Георгий. 1072 г.*), присланный от Патриарха Иоанна Ксифилина, еще в начале княжения Изяслава, переносил с великим торжеством св. мощи Князей Бориса и Глеба, в новый для них сооруженный храм Вышгорода. Святитель, сперва колебавшийся в вере о святости царственных мучеников, твердо убедился, чудом совершившимся над их мощами, и устоял праздновать их память. При этом перенесении, в первый раз упоминаются в летописях Епископы: Юрьевский Михаил, Переяславский Петр и Холмский Иоанн, и должно предполагать около того времени учреждение сих трех новых епархий, потому что непрестанно распространялось Христианство в южной России.

Кроткий Георгий удалился в Царьград, от междоусобия Изяслава с братьями, во время которого паства его подвергалась нашествию Короля Болеслава Польского и притязаниям Рима, ибо властолюбивый Папа Григорий VII, обещая вооруженную помощь Изяславу, требовал от него покорности, и это было первое покушение западных Первосвятителей на Россию. Но Изяслав, восшедший опять на престол, отклонил замыслы Григория, и утверждаемый в вере отцов своих, ревнителем православия, игуменом Феодосием Печерским, соблюдал оное до конца своей тревожной жизни. Другой великий светильник готовился в Митрополите **Иоанне II** (7. *Иоанн II. 1080 г.*), который поставлен был Патриархом Евстратием и девять лет пас Церковь Российскую. С особенною любовью изображает его Нестор, как мужа искусного в учении, милостивого к сирым и вдовицам, равно ласкового к богатым и убогим, смиренного, молчаливого и книгами святыми утешавшего печальных. В рукописных кормчих книгах осталось его сочинение, называемое церковным правилом, на многие случаи совести. «Такова не будет в земле Русской», восклицает современный летописец, может быть, по сравнению с его преемником **Иоанном III** (8. *Иоанн III. 1089 г.*), простым и неученым, которого привезла с собою из Царьграда, от

Патриарха Николая Грамматика, дочь Великого Князя Всеволода, Анна, основавшая женскую обитель и училище в Киеве. Другая сестра ее Евпраксия скончалась также инокиней, и отец их был сам исполнен благочестия и любви к духовенству, воздвигая монастыри и жертвуя богатыми вкладами церквям.

Имя Митрополита **Ефрема** (9. *Ефрем. 1096 г.*) стоит в каталоге Киевском вслед за Иоанновым, который умер на другой год своего пришествия, но летописи разногласят о Ефреме. Одни полагают его Греком, присланным от того же Патриарха, другие Русским из дружины Изяслава, постригшимся в пещерах Антония. Нестор же, умалчивая о Митрополите Ефреме, говорит только о Епископе Переяславском сего имени, как о старшем из Архиереев, переносивших соборно мощи св. Феодосия, и строителе знаменитого Михайловского собора в Переяславле. Может быть, по скорой кончине Иоанна III, не был долгое время присылаем Митрополит из Царьграда, и Ефрем, живя в соседнем Переяславле, управлял епархией Киева, уважаемый по своим Христианским добродетелям и нищелюбию: он завел больницы и врачей безмездно по городам. Год смерти его предполагается в 1096 году, когда Половецкий Хан Боняк, нечаянно приступив к Киеву, разорил его окрестности и выжег Печерскую лавру.

И другие недоразумения являются в летописях касательно Митрополита Ефрема: по Никонову списку, Епископ Новгородский Лука Жидята, избранный еще великим Ярославом, вызван был, по клевете своих домашних, на суд сего Митрополита в Киев, и там задержан, в течение трех лет до совершенного оправдания. Но, по счислению времени, происшествие сие должно относиться еще к правлению Илариона, так что некоторые предполагают даже, будто он скончался в схиме с именем Ефрема. Во всяком случае, суд над Епископом Новгородским, который уже в те времена имел исключительный титул Владыки, по участию своему в правлении сего независимого города, показывает сколь велика была власть Митрополита над подчиненными ему Епископами всея России. Избрание их зависело иногда от Князей, великого или удельных, иногда же от произвола Первосвященителя, но все

они были лично им посвящаемы, и подлежали его суду и надзору, подобно как сами Митрополиты, будучи всегда поставляемы в Константинополе, зависели в делах духовных от Патриарха, и содержали юную Церковь Российскую в неразрывном союзе с Греческою.

Княжение Святополка, сына Изяславова, старшего между внуками великого Ярослава, ознаменовалось уже теми горькими междоусобиями удельными, которые впоследствии были причиною совершенного разъединения Руси и покорения ее Монголами. Однако же, несмотря на слабый и коварный характер Святополка, еще сохранялось между Князьями уважение к первопрестольному Киеву и правам старшего в роде. Когда же Олег Черниговский, беспокойный сын Святослава, восставал с братьями против Великого Князя, он был укрощаем мужественным сыном Всеволода, Владимиром Мономахом, который мирил удельных властителей на съездах княжеских. Его победоносный меч отражал и диких врагов южной России, Половцев, которые, кочуя в степях Донских и Черноморских, беспрестанно тревожили набегами восточные пределы, доколе сами не были истреблены Монголами. Но вероломное ослепление Князя Василька, Святополком, по навету родственного ему Князя Волынского Давида, подвигло на мщение Мономаха и всех Святославичей; они подступили к Киеву, в стенах коего трепетал В. Князь. Тогда явился примирителем, в стане раздраженных, новый Митрополит **Николай** (10. Николай. 1098 г.): «Молимся, Княже, тебе и братии твоей, сказал он, не можете погубить землю Русскую, ибо, если начнете рать между собою, поганые будут радоваться и возьмут землю нашу, которую стяжали деда и отцы ваши, трудом великим и храбростью, поборая по Русской земле, и иные земли приискивали, вы же хотите погубить Русскую землю».

Памятником княжения Святополка остался в Киеве златоверхий Михайловский монастырь, сооруженный им во имя своего Ангела, и в его величественной церкви положены были мощи Св. великомученицы Варвары, привезенные из Греции первою супругою Князя, Царевною Варварою; там сохраняется

и поныне сия драгоценная святыня. Митрополит **Никифор** (11. *Никифор I. 1108 г.*), родом Грек, поставленный Патриархом Николаем, освящал новый храм и, в течение пятнадцатилетнего своего правления, был достойным сотрудником Мономаха, к которому сохранились его красноречивые и назидательные послания. Оба они сияли просвещением и величием духа над всеми современниками, как два образца Христианской добродетели, поставленные на престолах царском и святительском; слава Владимира, далеко прошедшая, доставила ему и венец царский: по сказанию степенной книги, Император Греческий Комнин, прислал ему в дар венец, св. бармы, и животворящий крест, которые теперь хранятся в оружейной Московской палате, и Митрополит Ефесский Неофит, принесший сию царственную утварь из Константинополя, впервые совершил над Момахом, в Софийском соборе, священный обряд, во образ грядущих славных венчаний Государей Российских.

Никифору приписывают учреждение новой епархии в Полоцке, куда поставил он Епископом Мину; нельзя однакоже утвердительно назвать его первым, ибо сомнительно, чтобы Полоцкое княжение, более других независимое от Киева и управляемое сильными Князьями удельными, старшими из всего рода детей Св. Владимира, дотоле не имело своего отдельного Епископа. Тоже самое должно предполагать и о Смоленске, одном из древнейших городов Русских, которого Епископы начинают считаться еще позднее, и летописи разнствуют даже в их именах: одни называют первым Михаила или Мануила, поставленного Митрополитом Михаилом II; другие же полагают двух Епископов, Игнатия и Лазаря, еще до Мануила, а Нестор говорит об учреждении первых епархий неопределительно. Бытосказательные уста его смежились около 1116 года, и другой просвещенный черноризец Сильвестр, игумен Выдубицкого монастыря, был продолжателем его летописи до 1124 года; тогда уже наследовавшие сей благочестивый труд сделались сами неизвестными миру, а история Русская продолжала писаться, незнаемою иноческою

рукою, в тиши келейной, посреди бурь и переворотов гражданских.

Около сего же времени, при Св. Епископе Никите, постриженнике Печерском, две знаменитые обители основаны были в великом Новгороде: одна Юрьевская, усердием Князя Мстислава, хотя некоторые предания относят основание ее Ярославу великому; другая Св. Антония Римлянина, который приплыв с Запада по Волхову, уединился на берегах его, близ созданной им церкви Рождества Богоматери. – Подобно как в Новгороде и Киеве, так и во многих удельных городах, куда только проникала заря просвещения духовного, постепенно сооружались монастыри, которые распространяли оное по окрестным пределам, и вместе со святыми отшельниками западало слово Божие во глубину дебрей и лесов, как животворное семя грядущей жизни, долженствовавшее принести плод в свое время.

Преемник мудрого Никифора Митрополит **Никита** (12. *Никита. 1124 г.*), посвященный Патриархом Иоанном, погребал в Софийском соборе великого Мономаха, посреди плача земли Русской, и был свидетелем другого ее бедствия, – страшного пожара, который истребил в Киеве до 400 церквей, по сказанию летописей, что доказывает цветущее уже состояние столицы. Правление его было кратковременно, и **Михаил II** (13. *Михаил II. 1127 г.*), присланный тем же Патриархом, в княжение Мстислава, сына Мономахова, тщетно желал угасить возникшие междоусобия. Сперва, поставив великого мужа церковного Нифонта, Епископом Новгороду, укротил он мятеж народный, запрещением святительским, и сам приходил удерживать беспокойных граждан от войны с Суздальскою областью; но угрозы и предсказания Михаила, о поражении в битве, не были уважены шумным вечем и только исполнение оных на самом деле могло временно усмирить Новгородцев. Потом, по смерти мужественного В. Князя Мстислава, с коим угасла сила Мономахова, мирил он его слабых преемников: брата Ярополка с враждовавшими племянниками, и Вячеслава с сильным Князем Черниговским Всеволодом Ольговичем, исторгшим из рук его престол великокняжеский; наконец утомленный

беспрерывною враждою единокровных Князей, удалился в Царьград, где окончил дни свои, не преставаая быть Митрополитом Киевским.

Грустную картину всеобщего разъединения представляла тогда на всем своем пространстве обширная Россия. Столетняя вражда возгорелась между царствующим домом Мономаха, который поддерживали любовь Киевлян и память народная о подвигах великого Владимира, и между домом Олега Черниговского, имевшего на своей стороне права старшего в роде Князей Русских. Удельные властители, мешаясь в распри за великое княжение, ослабили благодетельное его влияние на прочие части государства, а набеги Половецкие содержали южную Русь в непрестанном волнении воинском, доколе все не замерло под ужасом разорения Монгольского. Между тем, новые и независимые княжения образовались на западе и на севере, усиливаясь по мере падения Киевского. Сын Володаря Волынского, Владимирко, оружием и хитрою политикой, основал себе сильное княжение Галицкое, которое процвело в долгое правление его преемника Ярослава. Слабые лучи Христианства начинали проникать в Литву, из соседнего Полоцкого княжения, которое было постоянным предметом вражды дома Мономахова, и постепенно сокрушалось под его ударами. Новгород, борясь со Шведами на рубеже своем, распространял Христианство в северных пределах, и на шумных вечеах менял Князей своих, судя по успехам враждующих домов, призывая к себе то детей Олеговых, то Мономаховых.

Другой зародыш грядущего могущества России начал сосредоточиваться в самом сердце обширного государства. Сын Мономаха, Юрий Долгорукий, наскучив долгим ожиданием Киевского престола, занялся распространением и устройством родовой своей Суздальской области, обращением язычников и строением городов, в числе коих впервые явилось тогда имя Москвы; а Владимир на Клязьме, возвеличенный в правление его доблестного сына Андрея Боголюбского, сделался скоро столицей независимого княжения, которое приобрело все преимущества великого, при другом его сыне Всеволоде. – И посреди сего разрыва политического, одно только исповедание

той же православной веры, во всех пределах государства, служило залогом общего единства; Епископы, как судии духовные своих епархий, и игумены обителей, умножаемых благочестием Князей, которые сами нередко оканчивали в келлии бурные дни свои, – служили посредниками и миротворцами между враждующими и, в качестве посланников, безопасно странствовали по станам воинским. Зависимость их от Митрополита невольно обращала к Киеву внимание всяя Руси; а сами Первосвятители, посылаемые к нам из Царьграда, почерпали из сего источника просвещение, коим отечество наше превышало тогда современную Европу. Но гражданские неурядицы имели также влияние и на дела церковные.

Преемник Всеволода Ольговича, Изяслав, внук Мономаха, узнав о кончине Митрополита Михаила, в то время, как был празден патриарший престол Константинополя, не хотел более иметь Митрополитом Грека, потому что негодовал на удаление Михаила из России. По примеру Ярослава он созвал в Киеве соборе Епископов Русских: Онуфрия Черниговского, который председательствовал, Феодора Белгородского, Дамиана Юрьевского, Феодора Волынского, Мануила Смоленского, а по летописи Печерской еще: Евфимия Переяславского, Косму Полоцкого и Иоакима Туровского, что доказывает существование новой Туровской епархии. Все были согласны на самовольное избрание Митрополита без участия Патриарха; один только Св. Нифонт Новгородский сильно воспротивился нарушению союза церковного и законной зависимости иерархии нашей, без коей не могла бы правильно существовать юная Церковь Российская. Он напомнил о рукописании данном Михаилу, вероятно при его отшествии, не служить даже соборно в Св. Софии без Митрополита: но его увещания были тщетны, и как в последствии он не хотел иметь общения с новым Первосвятителем, то претерпел и краткое заточение в Печерской лавре.

Выбор пал на **Климента** (14. Климент. 1147 г.), затворника и схимника Смоленского, и Епископ Онуфрий предложил заменить, при его рукоположении, патриаршее посвящение, наложением руки Св. Климента Папы, коего мощи были

принесены из Корсуни Владимиром. Замечательно, что оба природные Митрополита Русские, Иларион и Климент, избраны были из строгих отшельников, но благочестие их не могло исправить незаконности поставления. Мнение Св. Нифонта, друга Князей Долгорукого и Святослава Черниговского, и представителя могущественного Новгорода, который употреблял его во всех своих политических сношениях с Князьями обоих враждующих домов, было сильно, тем более, что и новый Патриарх Константинопольский, Николай Музалон, ободрял его похвальными грамотами за ревность к Церкви. Девять лет продолжалась борьба сия посреди смятений гражданских, во время коих не был пощажен и сан иноческий Князя Игоря Ольговича, растерзанного Киевскою чернью, за восстание его рода против Изяслава. Но когда Изяслав, в свою череду, принужден был бежать на Волынь, он взял с собою и Климента; а Долгорукий, отпустив с честью Нифонта, просил другого Митрополита у Патриарха Луки Хрисоверха, и в краткое его княжение пришел из Царьграда Митрополит **Константин** (15. *Константин. 1156 г.*), который осудил действия Изяслава и Климента, и запретил даже на время всех, посвященных им в сан духовный. Великий Нифонт не имел однакоже утешения видеть в Киеве законного Первосвященителя, на встречу коего поспешал из Новгорода: он преждевременно скончался и погребен был в пещерах Киевских, причтенный к лику святых, со славным именем поборника всей земли Русской.

Но тем не кончилась распря церковная. Когда, по смерти Долгорукого, враждовали за Киев Изяслав Ольгович и Мономахович Ростислав, тогда Князь Мстислав Волынский, не прощая Митрополиту Константину соборного осуждения отца своего, изгнал его в Чернигов, где некогда был Епископом. Там он скончался, показав пример чрезвычайного смирения, ибо оставил завещание, чтобы извергли его тело вне града, как недостойное погребения; не смели послушаться усопшего Князь Святослав и Епископ Антоний; но на третий день, видя неприкосновенность мертвенных останков, погребли с честью в Спасском соборе.

Еще при жизни его и Климента, третий Митрополит **Феодор** (16. Феодор. 1160 г.) прислан был Киеву, от того же Патриарха, по взаимному согласию дяди и племянника, Князей Ростислава и Мстислава; потому что первый не признавал законным Климента, а последний негодовал на Константина. Между тем Андрей Боголюбский, стараясь всеми средствами, возвысить над прочими княжениями престольный свой город Владимир, где воздвигнул великолепный собор Богоматери, для чудотворной ее иконы, принесенной из Греции, воспользовался несогласием церковным, чтобы просить себе особенного Митрополита из Царьграда. Но Патриарх Лука благоразумно отклонил его просьбу, опасаясь нарушить единство Российской Церкви; он дозволил только Епископам Ростовским иметь пребывание во Владимире, и в угождение набожному Князю праздновать намять его победы над Болгарами, одержанной в один день с другою победою Императора Мануила над Сарацинами: торжество сие доселе совершается первое Августа.

Нестор, Епископ Ростовский, лишенный своей епархии Митрополитом Константином, находился тогда в Царьграде для оправдания, ибо по несчастным обстоятельствам времени, к распрям иерархическим присоединились еще лжеучения. Нестор был несправедливо обвинен в нарушении постного устава, будто бы запрещал разрешать пост в праздники Рождества и Богоявления, если случались они в среду или пятницу. Сие неправильное учение, не им начатое, возобновлено было Епископом Леоном, пришедшим в его отсутствие, и Боголюбский, вступаясь за правые догматы, послал Леона сперва на суд Митрополита Феодора в Киев, а потом в Царьград, где осудил его сам Патриарх. Но вслед за Леоном явился самозванец на епархию Ростовскую, Феодор, инок Печерский, испросивший себе обманом сан Епископа в Константинополе; однакоже хищничество его вскоре обличилось и жестокости были прекращены Князем, который отправил преступника в Киев, и там он предан смерти за соблазн церковный.

Митрополиту Феодору приписывают учреждение архимандрии в Печерской обители, названной им лаврою и ставропигиею, по грамоте патриаршей, и, от первого Печерского архимандрита Акиндина, сей новый сан вошел в употребление в монастырях Русских. С его же благословения Князь Боголюбский начал праздновать память первого Епископа Ростовского Леонтия, коего мощи обретенны им были при заложении нового собора.

Климент, бывший Митрополит, жил еще на Волыни, когда скончался Феодор, и В. К. Ростислав, снисходя на просьбу своего племянника Мстислава, хотел уже просить Патриарха о возведении его опять на митрополию, но послы княжеские встретили на пути нового Митрополита, идущего в Россию из Царьграда, **Иоанна IV** (17. *Иоанн IV. 1164 г.*). Одни только дружественные моления Императора Мануила и страх нового церковного раздора могли убедить оскорбленного Ростислава принять сего Первосвятителя, который однакоже, в два года своего краткого правления, оставил по себе благую память. Нам сохранилось увещательное его послание к Папе Римскому, вероятно Александру III, о мире церковном, ибо тогда еще, по недавнему разрыву, с обеих сторон делались взаимные усилия к восстановлению союза. В Новгороде священна также память Иоанна: Владыка Илия, в иночестве Иоанн, муж жизни праведной, первый из всех Епископов Русских, был возведен Митрополитом в сан Архиепископа, и титул сей перешел брату его Григорию, столь же добродетельному, при коем преподобный Варлаам основал на берегах Волхова свою знаменитую Хутынскую обитель, а потом и ко всем Владыкам Новгородским.

Ересь Леонова возобновилась в Киеве при Митрополите **Константине II** (18. *Константин II. 1167 г.*), избранном из Епископов Русских, по желанию Ростислава; ибо новый Святитель, по неопытности, сам держался мнения Леонова о постах, и даже созывал собор в Киеве для поддержания сего учения. Но два мужа, известные своими писаниями, Св. Кирилл, красноречивый Епископ Туровский, и Поликарп, архимандрит Печерский, продолжатель Патерика Несторова о угодниках

Киевских, были твердыми защитниками правоверия; сей последний претерпел даже заточение за слово истины. Благочестивая современная летопись говорит, что и Киев пострадал за неправду Митрополита, ибо при нем и В. К. Мстиславе Волынском, преемнике Ростислава, одиннадцать Князей, признавшие своею главою Боголюбского, взяли приступом и разграбили сию мать городов Русских, которая утратила с тех пор свою независимость; Князья ее, с одним лишь титулом великих, сменялись, большею частью, по прихоти Князей Владимирских или Галицких, а между тем Ольговичи Черниговские и Мономаховичи Смоленские не преставали домогаться призрака великокняжеской власти.

Митрополия Киевская около десяти лет оставалась праздною по смерти Константина. **Никифор II** (19. *Никифор II. 1185 г.*), родом Грек, поставленный Патриархом Василием, пастырь исполненный всеми добродетелями первого тезоименитого ему Никифора, и любви к своему новому отечеству, тщетно старался умирить раздоры властителей: он даже брал на свою душу клятву, данную В. К. Рюриком зятю Роману Волынскому, чтобы нарушением ее удовлетворить сильного Всеволода Владимирского, который требовал себе городов, обещанных Роману. Впоследствии, сей Роман, будучи уже Князем Галицким, овладел Киевом и явил первый пример в России насильственного пострижения, над тестем своим В. К. Рюриком, а Рюрик единственный пример сложения с себя сана иноческого, ибо он взошел опять на престол после смерти врага своего. По причине сих междоусобий, еще однажды пострадал Киев, и таким образом дважды разоренный уже не восставал до конечного падения при Монголах.

Свидетелем сего разорения был новый Митрополит **Матфей** (20. *Матфей. 1201 г.*), присланный из Константинополя, еще до взятия онога Крестоносцами, и в свою чреду сделался посредником между Князьями, примирив В. К. Всеволода Чермного и всех Ольговичей с Всеволодом Владимирским: — в сию бедственную годину раздоров, должность миротворца была неразлучна с саном первосвященническим. При нем, в первый раз, вмешались

Новгородцы в дела церковные, изгнав своего Архиепископа Митрофана и прислав к Митрополиту для посвящения инок Хутынского Антония, но и Антоний не угодил народу; оба Владыки пришли на суд Митрополита, и первый был утвержден, а последнему дана епархия Перемышльская, которую однакоже он оставил для кафедры Новгородской, и опять был изгнан, и снова возведен, но кончил дни свои в обители Хутынской: – таково было непостоянство и буйство Новгородцев. Здесь впервые упоминается о епархии Перемышльской, вместе с другими, Галицкою, Минскою, Луцкою и Острожскою, неизвестно когда основанными, по цветущему состоянию южной России.

И на севере образовались новые епархии; хотя Рязань зависела от Черниговского престола, но летопись говорит о некоем Епископе Рязанском Арсении, взятом в плен вместе с Князьями сего города, братом Боголюбского, Всеволодом. Область Муромская, подвластная в последствии Святителям Рязанским, уже просвещалась тогда святым крещением, ревностью Св. Князя Константина, из рода Черниговских, и детей его Михаила и Феодора. И два сына Всеволодовы, несогласные между собою по кончине родителя, Константин и Георгий, не захотели иметь одного Епископа в Ростове и Владимире; каждый желал его пребывания в своей столице. Митрополит Матфей удовлетворил обоих, учредив новую епархию во Владимире, куда посвятил игумена Рождественской обители Симона, знаменитого своими добродетелями и описанием жития Печорских отшельников.

Преемник Матвея, Митрополит **Кирилл** (21. *Кирилл I. 1205 г.*), был уже прислан из Никеи, где временно основались Императоры и Патриархи, изгнанные Латинами из Царьграда. Бедственное иго, тяготевшее на Греческом царстве, отозвалось и в нашем отечестве; ибо Первосвященники Римские, оружием Христиан западных, начали действовать на наши пределы. Еще Князю Роману Галицкому предлагал легат папский покровительство меча Апостольского, но витязь, указав на собственный, гордо спросил: «такой ли меч у Папы?», а юные сыновья его были уже изгнаны Коломаном, Королем Венгерским, и архиепископ Латинский посажен в Галиче.

Мстислав, удалой сын храброго и святого Князя Новгородского Мстислава, взяв приступом Галич, изгнал духовенство Римское, но скоро оно опять водворилось в сей порубежной области Русской. И в Новгороде преемники Св. Мстислава, вместе с Князьями Пскова и Полоцка, принуждены были бороться с новым врагом, поселившимся на соседнем поморье Балтийском. Алберт Епископ основал в Риге орден Меченосцев (1205 г.), который соединясь впоследствии с Тевтоническим сильным братством, громил наши западные пределы и оружием обращал дику Литву, иными кротчайшими средствами просвещаемую со стороны Русской.

Другая, ужаснейшая туча восходила с востока над Русью, обреченную на двухвековые страдания: – явились Монголы! Бежавшие Половцы возвестили нашествие варваров на их степи, и сошлись южные Князья наши, чтобы отразить неведомого врага. На реке Калке произошла кровавая сеча; три Мстислава поддерживали ее отчаянным мужеством, но два, Великий Князь и Черниговский, пали в битве, а третий Галицкий принужден был бежать с юным сыном Романа, славным Даниилом, в Галич, и там окончил бурные дни свои в иноческом образе. Варвары удалились; это был только передовой отряд их; другие несметные полчища собирались во глубине Азии, под предводительством Батыя, Чингисханова внука, чтобы хлынуть на Россию, чрез двенадцать лет после побоища при Калке. А между тем продолжались внутренние раздоры южных и северных княжеств, и добродетельный Митрополит Кирилл дважды ходил во Владимир мирить Великого Князя с владетелями Киева и с Князьями Курскими. Нашествие Батыя все умирало под пеплом развалин.

Первая пострадала Рязань, которой Князья, Олег и Феодор, прияли мученическую смерть. В осажденном Владимире Епископ Митрофан, с супругою В. Князя, ее снохами и боярами, заключились в соборную церковь; там все они прияли св. тайны и схиму от руки Святителя, от Господа же мученический венец, в дыму и пламени зажженного храма. Сам Георгий пал, сражаясь на берегах Сити, а племянник его Князь Василько сделался мучеником за имя Христово. Разорены были все

города области Ростовской и Суздальской, невидимая десница охранила Новгород и Псков. Козельск, защищаемый юным своим Князем, последний пострадал на обратном шествии Батыя из северного разорения.

Чрез год наступила очередь южной России: Переяславль погиб со своим Епископом Симеоном, Порфирий Черниговский отпущен был завоевателем из разоренной его епархии. Монголы обложили Киев, и пораженные древнею его красою, предложили спасти, если сдастся; но в отсутствии всех Князей Русских, он защищаем был мужественным боярином Даниила Галицкого, Димитрием. Как мать и глава городов Русских, Киев предпочел постыдному игу славную кончину, в назидание всея Руси. После кровопролитной осады, стены его и каждый храм, обратились в крепость, отчаянием граждан; постепенно пали Софийский собор, церковь Десятинная, и Михайловская обитель и лавра Печерская; они преданы были запустению и вероятно, посреди сего страшного разорения, погиб сам несчастный преемник Кирилла, Митрополит **Иосиф** (22. *Иосиф*. 1240 г.), о коем с тех пор безмолвствуют летописи.

Митрополия во Владимире

23. Кирилл II

Когда бедствующее отечество наше повсюду представляло взорам одни дымящиеся развалины, из коих жители бежали по лесам, тогда, по благости Провидения, два доблестные Князя бодрствовали на севере и на юге: брат погибшего Великого Князя Всеволода, Ярослав Новгородский, и Даниил Галицкий. Они начали собирать народ, обстраивать города и воздвигать из пепла храмы, и пробудили Россию от тяжкого оцепенения, которое оковало ее после ужасов Монгольских. Даниил, в области не столь разоренной и далее от Золотой Орды Батыя, которая основалась на Волжских берегах, мог действовать смелее и, непрестанно думая о свержении ига, последний из Князей явился Хану. Но Ярослав, почти все города коего обратились в пепел, должен был первый признать над собою тяжкое иго соседних Монголов и исходатайствовать себе в Орде звание В. Князя. Там нашел он и прочих властителей Русских, и, посреди невольного их уничижения, отрадно видеть Христианское мужество Михаила Черниговского и верного его боярина Феодора, прявших венец мученический от гневного Хана, за смелую исповедь имени Христова. Чрез несколько лет и другой подобный исповедник Роман, Князь Рязанский, пострадал в Орде, мученическою своею кровью искупая отечество и прославляя Бога.

Сын мудрого Ярослава, еще более мужественный и добродетельный, ему наследовал, Александр, витязь Невский, который княжа в Новгороде, был твердым оплотом России и отразил в кровавой сече Шведов, на берегах Невы, и Меченосцев под стенами Пскова. Но когда покушения обратить Русь, силою оружия, оставались тщетными, Папа Инокентий IV употребил другие средства. Видя бедственное положение Восточной Церкви, Патриархов Константинопольских, живущих изгнанниками в Никеи, и Россию уже десять лет без Митрополита, Первосвященник Римский послал к Даниилу Галицкому венец королевский, с предложением союза церковного и крестового похода против Монголов. И к

Александру приходили со льстивыми речами легаты папские, но святой Невский решительно отверг их грамоты и увещания; Даниил же, по соседству Венгрии и Польши, действовал осторожнее. Он принял венец и звание Короля Галицкого, но отложил соединение церковное до Вселенского собора; а между тем послал избранного им Россиянина **Кирилла** (1250 г.) в Никею к Патриарху Мануилу II, для посвящения в сан Митрополита Киевского.

Никогда выбор пастыря не мог быть удачнее. Одно только истинно Русское сердце Кирилла могло с любовью принять в себя все язвы отечества и заботиться с такою ревностью о их исцелении. В течение тридцатилетнего своего правления, странствуя по опустевшим городам, он устраивал Церковь не только наружную, но и внутреннюю; сам же не обрел себе упокоения на престоле разоренного Киева и, от его времени до разделения митрополии, продолжалась труженическая жизнь Первосвятителей Русских, которые соединяли странствованиями своими разрозненные части обширного государства

Из развалин древней столицы пришел Кирилл в опустошенные Чернигов и Рязань, и в новую едва оправлявшуюся столицу. В уцелевшем Новгороде нашел он В. Князя и там совершил первое действие своей власти, посвятив Далмата в Архиепископы, на место умершего нищелюбивого Спиридона. Потом, и в самой столице, имел он утешение торжественно встретить Александра, когда он возвращался из великой Орды, кочевавшей по глубине Азии, и принес с собою мир, который продолжался только в его краткое и мудрое княжение.

Предвидя, что Сарай, столица Волжская Золотой Орды, на многие годы сделается местом собрания Князей Русских, Митрополит воспользовался благорасположением языческих Ханов к духовенству, которые не велели вносить оное в перепись народную и даже избавили от налогов всех, кто на Господа Бога зрит и служит Божиим церквам. Он назначил в Сарай Митрофана, первым Епископом Сарским и Подонским, а преемнику его Феогносту присоединил еще звание

Переяславского, дабы не погибла память сей древней епархии Русской, уже не существовавшей со многими другими после разорения. Феогност умел до такой степени снискать доверенность ханскую, что Мангу-Темир, властвовавший после Батыя, избрал его от себя посланником к Патриарху Константинопольскому, когда Митрополит Кирилл со своей стороны отправлял его в Царьград; но цель сего посольства осталась неизвестною.

После блаженной кончины Св. Александра, променявшего в час смертный мантию княжескую на смиренную схиму, Митрополит Кирилл, посреди плача всей земли, встретил нетленные останки любимого Князя, принесенного обратно из Орды, в ту же столицу, где некогда столь радостно его приветствовал. Ярослав Тверской наследовал брату, и, удовлетворяя желанию В. Князя, Святитель учредил новую епархию в Твери, его отчине, посвятив туда первым Епископом добродетельного Симеона. И другую государственную заслугу оказал он Ярославу, примирив с изгнавшим его Новгородом, уже могущественным, по своей обширной торговле и союзу с Ганзою; страх запрещения святительского смирил мятежное вече.

Но важнейшим и самым благодетельным подвигом долгого правления Кириллова был собор (1274 г.), созванный им во Владимире, по случаю посвящения архимандрита Печерского Серапиона в Епископы столицы, и для устройства благочиния церковного, которое пострадало от бедствий гражданских. Владыка Новгородский Далмат, Св. Игнатий, знаменитый пастырь Ростова, Феогност Епископ Сарский и Симеон Полоцкий, присутствовали на соборе и единодушно положили строго испытывать образ жизни и лета причетников и мирян, прежде посвящения в сан духовный, и искоренять корысть при их поставлении. Собор, занимаясь также исправлением некоторых богослужебных обрядов, коснулся совершения самых таинств, и запретили смешение св. мира с елеем, и обливание вместо тройственного погружения, при святом крещении, вероятно, вкравшееся к нам из запада чрез Галицию.

Митрополит Кирилл, как искренний Россиянин, желал также, чтобы правила Св. Отец, основание управления церковного, не были омрачены для нас облаком мудрости Эллинского языка, по собственному его выражению, но чтобы сияли ясно, все просвещая светом разумным, и тщательно трудился о их переводе; полезный труд его достиг нашего времени. Сей мудрый пастырь, исполненный дней и деяний, скончался в Переяславле Залеском, уже в бедственное княжение сына Невского Дмитрия, и там был отпет собором Епископов, но священные его остатки перенесли в древнюю столицу. Последний из Митрополитов всея Руси, Кирилл II, был погребен в Софийском соборе и достойно заключил ряд святительских гробниц, начавшийся от Св. Михаила.

24. Максим

Два года сиротствовала Церковь после Кирилла, избегая сношений с Патриархом Иоанном Векком, ибо хотя, с 1264 года, Император Михаил Палеолог отнял столицу свою у крестоносцев, но сам он и Патриарх благоприиятствовали учению Рима. Наконец Иосиф, возвратясь опять на святительский престол Царьграда, послал в Россию Митрополитом **Максима** (1283 г.), родом Грека, который в течение 22-ух летнего правления старался, подобно предместнику, о устройении Церкви и мире между Князьями. Кровавые вражды детей Невского, Димитрия и Андрея, навлекли тогда новые полчища Татар на бедствующее отечество, и междоусобия возгорелись в других отраслях того же дома, напоминая долгую вражду Ольговичей и Мономаховичей.

Максим, первый из Митрополитов Русских, ходил в Орду, и хотя не сохранилось льготных грамот ханских на его имя, должно полагать однакоже, что он принят был с честью. Монголы, еще в состоянии язычества, благоприятнее смотрели на Христианство, нежели дикие последователи Корана, и даже обратившись впоследствии к его учению, держались той же мудрой политики. Чрез покровительство духовенства, они приобретали сердца народа, которому внушаемы были покорность и терпение, для избежания тягчайших бедствий. Возвратясь из Орды, Максим созывал в Киев собор Заднепровских Епископов, коего деяния нам не сохранились, вероятно, дабы приготовить их к совершенному своему отшествию во Владимир. Видя запустение Киева и южного края, он перенес древний престол митрополии в новую столицу (1299 г.), сохранив прежний титул Киевского и всея Руси, и взял даже в свое управление самую епархию Владимирскую, а бывшего ее Епископа Симеона перевел в Ростов; Суздаль же, принадлежавший ко Владимиру, и Нижний Новгород составили особую епархию. Но пребывание митрополии во Владимире было кратковременно; один только Максим из всех Первосвятителей Русских погребен (1305 г.) в славном соборе

Боголюбского; его преемники уже основались в Москве, ибо Владимир перестал быть столицей, нелюбимый Князьями Великими, которые оставались жить в уделах стараясь, каждый о возвеличении собственной отчины.

Таким образом, Князь Даниил Александрович Московский, получив от отца своего слабый удел, в течении долгого и тихого правления, украсил Москву храмами и обителью Св. Даниила, своего Ангела, где сам скончался схимником. Он оставил сыну Георгию уже цветущее княжение, и уверенность в собственной силе внушила сему надменному Князю, зятю ханскому, ту жестокую вражду к законному владельцу и дяде, Михаилу Тверскому, которая разрешилась только пролитием многой крови княжеской в Орде, и истреблением рода Тверских до третьего их колена. Первый, по наветам Юрия, пострадал мученически Михаил и причтен Церковью к лику святых; потом пал Димитрий, сын его, поразивший пред лицом Хана Узбека самого убийцу своего отца, Юрия; наконец и другой сын Михаила, Александр с отроком своим Феодором, казнен тем же Ханом, ибо дерзнул истребить в Твери Шевкала, его вельможу, и Татар, искавших водворить там Магометанство. Хитрый брат Георгия, Иоанн Калита, воспользовался падением Тверских Князей, чтобы милостью Хана утвердить в своем роде престол великокняжеский.

25. Святой Петр

Когда иго Монгольское наиболее тяготело над Русскою землею (1308 г.), и меркла слава Князей ее в постыдных междоусобиях, Св. Митрополит **Петр** был истинным блюстителем и утешителем своей паствы. Волынец родом, он с юных лет облекся в иночество и правил малою, им основанною обителью Ратскою на родине; там слава его добродетелей достигла до внука Даниилова, который с титулом Короля Русского, обладал всем юго-западом Руси и землями Литовскими, ибо сын языческого властителя Миндовга, Воишелг, против воли отца приняв и распространив Христианство в своей земле, сам заключился в монастырь, и уступил свое наследие родственным Князьям Галича. Но могущество их державы было кратковременно: другой сильный язычник, Гедимин, утвердился в Вильне и скоро исторг Киев и всю восточную часть княжения из рук слабых сыновей Юрия, с коими пресекся славный род Романа Галицкого; а западные его области сделались достоянием Польши, и оттоле влияние Римской Церкви, при языческом равнодушии Гедимина и сына его Ольгерда, распространилось на Заднепровские пределы.

Юрий, подобно великому деду, желал иметь у себя Митрополита, и услышав, что некто игумен Геронтий, самовольно пошел из Владимира в Царьград, искать посвящения в сан первосвященнический, убедил смиренного Петра, для блага Церкви, идти также с его грамотою к Патриарху. Избранный Юрием был посвящен святейшим Афанасием в Митрополиты всея Руси. Но пришедши на свой престол, Св. Петр увидел древнюю столицу забытую Князьями, всю же жизнь государства сосредоточенную на севере, и не предпочел частной пользы своей родины общему благу Церкви. Подобно предместнику Максиму переселился он во Владимир, хотя и не преставал странствовать по России, чтобы устроить дела церковные, ставить Епископов и мирить Князей. Ревность его к утолению междоусобия Князей Брянских едва не стоила ему жизни; он спасся в соборном храме.

Скоро по своем пришествии Митрополит Петр имел случай вполне оказать высоту Христианского смирения. Епископ Тверской Андрей, сын Литовского Князя, завидуя его возвышению, оклеветал пред Патриархом, который прислал своего сановника судить Петра. В Переяславле Залесском открылся собор, на коем присутствовали Епископ Ростовский Симеон с обвинителем, почетным духовенством и Князьями. Мало заботясь о временном величии, Митрополит сказал собору: «я не лучше Пророка Ионы, если меня ради сие волнение, изгоните меня и молва утихнет». Когда же просияла его невинность, кроткий Святитель отмстил клеветнику сими словами: «мир тебе, чадо! не ты сие сотворил, но изначала завидующий роду человеческому диавол; ты же храни себя отныне, а мимошедшее да простит тебе Бог».

Однако же в тех случаях, когда могло пострадать не его лицо, но самая Церковь, Св. Петр действовал с твердостью ее защитника. Так он лишил сана виновного Епископа Сарского Исмаила и, страхом отлучения, удержал Князя Димитрия Тверского от нападения на Владимир. И в самую Орду ходил он с несчастным его отцом Михаилом, как истинный пастырь, сопутствуя детям: там приобрел общее уважение Хана Узбека и Монголов, недавно принявших лжеучение Корана: ярлык ханский, свидетельствуя о расположении к нему Узбека, послужил залогом благоволения всех последующих Ханов: «Никто да не обидит на Руси церковь соборную, Петра Митрополита, архимандритов, игумнов, попов; земли их свободны от всякой дани и пошлины, ибо все то есть Божие, и люди сии молитвою своею блюдут нас, да будут они подсудны одному Петру Митрополиту, согласно с древними их законами: да пребывает Митрополит в тихом и кротком житии, да правым сердцем и без печали молит за нас и детей наших. Кто возьмет что-нибудь у духовных, заплатит втрое; кто дерзнет порицать веру Русскую, кто обидит церковь, монастырь, часовню, – да умрет».

Уважение, коим пользовался Первосвятитель, посреди междоусобий удельных Князей, было спасительно для всего государства, соединяемого в одно целое только лицом

Митрополита Всероссийского. Великий Князь Иоанн Московский постиг всю важность его духовной власти, когда ласками и молением убедил Митрополита переселиться в свою любимую отчину Москву, которая с того времени сделалась столицей. Но, не без высшего побуждения, исполнил Св. Петр желание Иоанна; он предвидел грядущую славу еще убогой тогда Москвы, и убедил Князя положить в ней основание каменному собору Успения. «Если ты успокоишь мою старость, говорил он, если воздвигнешь здесь храм достойный Богоматери, то будешь славнее всех прочих Князей и род твой возвеличится; кости мои останутся в сем граде, Святители захотят обитать в нем, и руки его взыдут на плечи врагов наших»!

Так, словами древнего труженика Патриарха Иакова, в час смертный предрекшего львиную силу племени Иудова, Св. Петр, отходя с миром от многотрудного своего странствия, в духе предведения говорил Иоанну, и сбылось его заповедное слово: – в том храме, где сам он приготовил себе в стене гробницу, в виду нетленных мощей его, как бы пред лицом самого Святителя, венчаются преемники Иоанновы, уже не Московские только и Владимирские, но владея мира девятою частью, которая едва в себе вмещает одну Русь!

Умилительно для каждого сына Церкви и отечества созерцать благословение Богоматери, постоянно пребывающее над Русскою землею, притекшею навсегда к ее покрову. Священный собор Апостолов на Сионе, при ее успении, служит основанием всем престольным соборам нашего отечества. В Корсунском храме Богоматери крестился Св. Владимир и в честь ее воздвиг первый собор Десятинный; в храме Софийском Царьграда, празднующем успению Девы, которая была Храмом воплощенной Премудрости Божией, уверовали в Господа послы Владимировы, и Ярослав великий соорудил два Софийских собора, в Киеве и Новгороде, своих столицах. Пустынный Антоний, устрояя, по подобию Св. горы, свою пещерную лавру, колыбель обителей Русских, посвятил ее также успению Богоматери. Боголюбский хотел создать новую столицу северу, и положил первый камень великолепного собора Успенского во Владимире, в честь ее иконы, написанной Евангелистом Лукою.

Таким же храмом красуется древний Ростов; Полоцк и Смоленск празднуют пречистой Деве. Наконец, по воле Провидения, Москва долженствует сделаться главою Руси, и старец Петр идет в ней основаться, младенчески держась за покров Владычицы, и только в храме ее успения ищет упокоения себе и могущества России. Именем ее укреплял себя в битвах и народ Русский; воины Киева, Новгорода и Полоцка бились за Св. Софию; Владимирцы и ратники Ростова, Смоленска, Москвы, за дом Пресвятой Богородицы. Сей воинственный клич свидетельствовал о благочестии предков; сердцем каждого их города был соборный храм, и его имя служило залогом победы: «за Св. Софию! за дом Пресвятой Троицы!» страшно раздавалось в рядах Новгорода и Пскова, когда святые витязи, Невский и Довмонт, разили Шведов и Меченосцев.

Вместе с собором Успенским основал еще Иоанн в своей новой столице храм Спаса на бору, почитаемый древнейшим из всех Московских, и Архангельский собор, где сам опочил с миром. Вокруг сей первой великокняжеской гробницы стали гробы его долгого племени, в родословном порядке, как могильная летопись царства Русского. Деревянный Кремль, начатый тем же Князем, обнес тогда же, своею зубчатою стеною, зарождающуюся силу Руси, как свиток, в коем должна была вписаться вся ее святыня.

Митрополия в Москве

26. Феогност

По кончине Св. Петра, который как незыблемый камень, положен был в основание митрополии Московской, пришел, от Патриарха Исаяи, Митрополит **Феогност** (1328 г.) и поселился по дворе своего предместника. Один только Калита мог дать ему пристанище в мирном своем княжении: Галич пал, Киев был уже в руках Гедимина. Грек родом, Феогност постиг однакоже взаимные отношения В. Князя с удельными, и в двадцатилетнее свое правление постоянно содействовал Иоанну и сыну его Симеону гордому, во всех их предприятиях, чем много способствовал к возвеличению княжения Московского; ибо власть духовная, бывшая всегда на стороне В. Князя, давала ему сильный перевес. Так, сопутствуя Иоанну в походе его на Псков, который не хотел отпустить Князя Тверского Александра, требуемого в Орду, Феогност одолел граждан страхом запрещения церковного и тем предупредил новые разорения Монголов; в других обстоятельствах и мятежный Новгород примирился с В. Князем чрез его посредство. Но странствования его, по отдаленным епархиям Русским, были обременительны для духовенства и даже возбудили впоследствии жалобы Владыки Новгородского Моисея к Патриарху.

Наипаче в делах церковных оказал Феогност чрезвычайную твердость. Когда Св. Архиепископ Моисей, несмотря на моление веча народного, оставил престол Софийский, Новгородцы послали избранного на его место Василия, для посвящения во Владимир Волынский, где тогда находился Митрополит. И Псковитяне, желая иметь особенного Епископа, отправили туда с тою же целью некоего Арсения. Но, несмотря на все их убеждения и на требования сильного язычника Гедимина, обладавшего Волынью, Феогност не решился нарушить порядка церковного. Князь Литовский уважил сан Митрополита, хотел однакоже схватить Архиепископа; но он спасся бегством и деньгами от погони.

Василий был один из знаменитейших владык Новгорода, столько же искусный в делах гражданских, как и духовных; он много украсил Св. Софию, и чрез дружественные сношения с Митрополитом огражден своею областью от В. Князя. Магнус, Король Шведский ревнуя обратить Новгород к церкви Латинской, просил Василия совещаться о вере с его послами; но владыка благоразумно отклонил прение, обратив их к Патриарху. Сам Патриарх Филофей, уважая его достоинства, прислал ему в благословение крещатые ризы и белый клобук, как посвященному в сан архиерейский из белого духовенства, и употребление клобука сего перешло впоследствии к Митрополитам, вероятно, когда некоторые из них поступили в Москву из владык Новгорода.

Митрополит, стараясь искоренить злоупотребления, вкравшиеся в монастыри от ига татарского, сам твердо стоял в Орде за права духовенства и даже испытал там гонения. Случай странный: – сын Узбека, Чаинбек, требовал у него разрешения от льготных грамот, дарованных отцом его Св. Петру; ибо хотел наложить дань на духовенство, но не смел преступить слова родительского. Митрополит поддержал и здесь свое достоинство, личными дарами избавился от ханского гнева, но сохранил на будущее время преимущества Церкви. Черная смерть, язва, свирепствовавшая в России и по Европе, в один год поразила и В. Князя Симеона, с его семейством, и Митрополита Феогноста и Архиепископа Василия, на место коего граждане возвели опять схимника Моисея.

Три Епископа погребали Митрополита Феогноста близ гроба его святого предместника, в успенском соборе: Афанасий Волынский, изгнанный из своей епархии Литовским Князем, другой Афанасий, первый Епископ вновь учрежденной Коломенской епархии, и Св. Алексей, рода боярского Плещеевых, уже двенадцать лет бывший наместником Митрополита, сперва в Киеве, потом во Владимире и Москве, на время частых его отлучек.

27. Святой Алексей

Провидение, с юного возраста, избравшее **Алексия** (1353 г.) на подвиги духовные, в мастистой старости укрепило его для спасения отечества, обуреваемого при слабом княжении Иоанна II и в младенческие годы сына его Димитрия. Орда, еще грозная на востоке, с запада возрастающая сила Литвы, при Ольгерде, постепенно отторгавшем древнее достояние наше; внутри же мятежная независимость Новгорода, Пскова, и соперничество трех сильных княжений, Тверского, Рязанского и Суздальского, которых Князья принимали титул Великих, – такова была политическая буря, которой противустал Алексей, и в течение двадцатичетырехлетнего святительства, можно сказать, был правителем государства. Он сохранил возмужалому Димитрию то, что гордый его дядя оставил слабому его отцу.

Нечаянное пришествие **Феодорита**, самовольно присланного Патриархом Болгарским на митрополию Русскую, еще при жизни Феогноста, побудило сего Святителя, с одобрения В. Князя, просить Патриарха Цареградского Филофея о назначении себе преемником Алексия; согласие патриаршее пришло уже по их кончине. Но едва новый Митрополит успел возвратиться из Константинополя, куда звали его на поставление, как услышал, что, по воли того же Патриарха, посвящен в Россию еще другой Митрополит Роман, и снова принужден был предпринять трудное путешествие в Грецию. Однакоже ни одна епархия Русская не хотела признать Романа; он оставался на Волыни, где Князья Литовские с неудовольствием смотрели на подчинение завоеванного ими края духовной власти Митрополитов Московских.

Скоро промяла святость Алексия в самой Орде. Хан Чанибек просил Иоанна прислать к нему главного пастыря Русского, молитвам коего никогда не отказывал Бог, для исцеления своей супруги Тайдулы, и помолясь над гробом чудотворца Петра Митрополита, Алексей с твердою верою пошел в Орду и исцелил болящую. Чрезвычайные милости и

новые льготы духовенству были знаком признательности Ханской; но вслед за тем смятения, возникшие в Орде, по случаю убийства Чанибека сыном его, заставили Митрополита опять идти к Монголам. Там, пред свирепым Бердибеком, не убоаясь он стоять за права княжения Московского, и, по ходатайству исцеленной им ханской матери, опять был отпущен с честью.

С тех пор уже Св. Алексей не отлучался из пределов государства, но внутри его был строгим исправителем нравов духовенства и мирян, между коими старался распространить просвещение, и вместе с тем делался примирителем Князей, или в отсутствие Дмитрия, всегда прибегавшего к его мудрому совету, управлял думою боярскою, давая перевес великому княжению над прочими уделами. Тщетно Князь Суздальский Дмитрий, временно назначенный Великим, звал к себе во Владимир Святителя, который не захотел оставить гроба чудотворца и юного сына Иоаннова. Он возбудил упавший дух граждан юной столицы, при грозном нашествии Ольгерда, и сею нечаянною твердостью сокрушил его честолюбивые замыслы: и древнюю столицу Киев, подвластную иноплеменному Князю, искал воздвигнуть Алексей от запустения развалин, под коими погребена была ее многолетняя слава. К его суду обратились враждующие между собою Князья Тверские, дядя с племянниками, будучи недовольны рассуждением собственного Епископа Василия, и на дворе своем держал он заложником их юного родственника, выкупленного из плена Ордынского Дмитрием. Столь же властительно вступился он в междоусобие двух братьев Князей Суздальских, из коих младший незаконно овладел Нижним Новгородом, и чтобы принудить их к миру, положил даже запрещение на их столицу, устами кроткого отшельника Сергия.

С именем Сергия, новый монашеский мир образуется на севере России. Начало его пустынной обители, в соседних лесах Московских, столько же важно, как ископание пещеры Антониевой на берегах Днепра, ибо подобно Антонию ему суждена была слава сделаться отцом иночествующих в России. Родом из Ростова, Сергей, с юных лет, оставил дом

родительский и, вместе с братом, Стефаном, поселился в дремучих окрестностях Радонежа, где скоро был им оставлен. В суровом уединении устоял он против всех искушений и делил пищу с дикими зверями, доколе молва о его святой жизни не привлекла к нему учеников; они принудили отшельника идти в Переяславль Залеский принять сан священства, от жившего там Епископа Волынского Афанасия. Собственными трудами Серий соорудил, посреди бора, деревянную церковь, во имя живоначальной Троицы, и она обратилась в ту знаменитую лавру, судьба коей сделалась неразлучна с судьбами столицы, и отколе столько раз истекало спасение всей земле Русской.

Святители и Князья обращались к Сергию, не только ради наставления духовного, но и дабы получать от него наставников, усовершенствованных в его уединенной беседе, которые в свою чреду могли бы действовать благим примером; ибо, с появлением Сергия, началась у нас как бы вторая эпоха жития иноческого, и полным цветом его оживилось печальное отечество, страдавшее от язв Татарских. Так, по просьбе брата великокняжеского Владимира, ученик Сергиев Афанасий основал в Серпухове монастырь Высоцкий, и другой ученик его Савва положил начало Звенигородской обители, а племянник Феодор обители Симоновской в Москве. Сам великий угодник Божий указал ему место на живописном берегу реки, в виду столицы, и благословил В. Князя устроить в Коломне Голутвин монастырь на память Донской победы. В самый час сей решительной битвы, впервые потрясшей владычество Монголов, Дмитрия подкрепляла молитва святого старца; два его схимника, Пересвет и Осляба, сражались в рядах, под броню воинскую поверх их схимы, и Пересвет начал битву поединком с исполином Ордынским. Кровью своею запечатлел он грядущее освобождение земли Русской и был началом тех витязей-инок лавры Троицкой, которые прославили себя в другие бедственные дни отечества; тела Пересвета и Ослябы положены в основание Симоновской обители, на старом ее месте.

Сам Митрополит Алексей, основавший многие монастыри: великолепный Чудов посреди Кремля, и вне стен его женский,

во имя своего Ангела, и Царя Константина в прежней столице Владимирской, и в Нижнем на берегах Волги Печерский, на память Днепровских пещер Антония, просил себе также ученика от Сергия, устроая в Москве обитель Андроньевскую, по обету данному им посреди бурного плаванья в Царьград. Когда же чувствуя приближающуюся кончину, восьмидесятичетырехлетний Святитель, бодрый до последнего часа, хотел благословить себе преемником Сергия, скромный инок со страхом отклонил от себя драгоценную святительскую панагию. «От юности моей, смиренно сказал он, я не был златоносец, в старости же наипаче хочу пребыть в нищете». Св. Алексей имел причину заранее избирать себе преемника, ибо еще при жизни его тот же Патриарх Филофей посвятил другого Митрополита **Киприана**, родом Серб, вероятно на место умершего Романа; но он не был принят Димитрием и оставался жить в Киеве до кончины своего предместника и во время неурядиц церковных, после нее возникших.

Едва нетленные мощи блаженного Алексея положены были в основанной им Чудовской обители (1378 г.), как духовник Великого Князя, недавно постриженный из белых священников, Архимандрит Симоновский Митяй, превозносясь его милостью, вошел самовольно во двор митрополичий и начал распоряжаться делами церковными, как настоящий владыка. Он требовал себе посвящения в Москве от собора Епископов; но Дионисий Суздальский и Св. Сергей восстали против сего нарушения порядка церковного, ибо и сам Алексей, несмотря на просьбы Димитрия, не решился благословить Митяя на митрополию.

Сергий указывал В. Князю на Дионисия, как на любимого ученика усопшего, которому он вверил некогда свою Печерскую обитель, и дабы избавить его от гонений самозванца Митяя и уз темничных, взял к себе на поруку; однако Дионисий не поберег святого старца и тайно бежал в Царьград. Тогда и Митяй, опасаясь, чтобы Патриарх не облек соперника саном Митрополита, отплыл с великою пышностью в Константинополь, но скончался на море, в виду столицы Греческой; а бывший при нем архимандрит Пимен, воспользовался грамотами княжескими, к Царю и Патриарху Нилу, и обманом

исходатайствовал себе посвящение. Димитрий, раздраженный столь коварным поступком, заточил его в Твери: в Киев же послал племянника Св. Сергия, архимандрита Феодора, звать Киприана на митрополию всея Руси.

28. Киприан

Это происходило в год знаменитого побоища Мамаева (1380 г.), покрывшего бессмертной славою витязя Донского. Победа Куликовская чрез полтора ста лет была мстительным отголоском несчастной сечи на Калке, но еще Россия не отдохнула от бедствий. Два года спустя губительное нашествие Хана Тохтамыша предало опять запустению ее пределы восточные, и дети изменника, Князя Олега Рязанского, ввели Татар в Кремль Московский, оставленный В. Князем и Митрополитом. Удаление Киприана из мятущейся столицы, пред самым нашествием, и пребывание в Твери у соперника Димитриева, Князя Михаила Александровича, возбудило против него негодование В. Князя и заставило опять поселиться в Киев. Пимен, вызванный из заточения, заступил его место, хотя ненадолго, будучи принужден идти в Константинополь по зову патриаршему, чтобы судиться там с Киприаном, который не хотел уступить ему своего права.

Явился и третий Митрополит: **Дионисий**, посвященный в Епископы Суздалю Св. Алексием, получил в Царьграде сан Архиепископа и хотя путешествие его было предосудительно, однакоже по своим пастырским добродетелям и красноречию, он пользовался уважением В. Князя и народа, которые набожно приняли от него св. иконы и мощи, принесенные им с востока. Он успокоил в Новгороде неудовольствия церковников и граждан, роптавших на большие издержки, требуемые от них при поставлении в сан духовный, и определил число денег, уставною грамотою Патриарха, которую принес Владыке Новгородскому Алексию: волнение сие уже обнаружилось однажды, ересью Стригольников, хуливших рукоположение священническое. – Дионисий вторично посетил Царьград с Феодором, духовником В. Князя, и вероятно с его согласия исходатайствовал себе сан Митрополита (1384 г.), ибо Пимена никогда не любил Димитрий; но на обратном пути его, сын Ольгерда, Князь Киевский Владимир, державший сторону Киприана, остановил Дионисия, как неправильно поставленного

при жизни другого Митрополита, и он скончался в Киеве, где погребен в пещерах.

Наконец Пимен, еще раз позванный в Константинополь на суд Патриарха Антония, скончался в Халкидоне, и соперник его объявлен был единственным Митрополитом всея Руси (1390 г.). Сын Донского, Василий, уже по кончине отца, принял Первосвятителя с великою честью в Москве, куда пришел он в сопровождении двух Митрополитов Греческих и семи Русских Архиереев; трое из них, Феодор, Евфросин и Исакий, посвящены были в Царьграде в сан архиепископский на епархии Ростова, Суздаля и Чернигова. Таким образом, прекратился на время разрыв единства церковного.

Киприан напомнил собою великое лицо Кирилла, собирателя земли русской; столь же опытный в делах церковных, как и гражданских, он в течение восемнадцати лет своего правления, был в полном смысле Митрополитом всея Руси, несмотря на резкое ее разделение между Литвою и Москвою. Прежнее пятнадцатилетнее пребывание в Киеве, привлекло ему любовь всех Заднепровских Епископов и уважение самого Ольгерда, обращенного в Христианство супругою своею Мариєю, Княжною Тверскою. Оно спасительно было для православия всего южного края, ибо Папа Григорий XI, по просьбе Короля Польского Людовика, учредил уже четыре Латинские епархии в Перемышле, Холме, Владимире и Львове. – Можно предполагать даже, что виною произвольного назначения Романа и Киприана в Митрополиты полуденной России, при жизни Св. Алексия, было опасение Патриархов за чистоту ее исповедания.

Хотя наместники Литовские в Киеве продолжали исповедовать веру православную, но сам Великий Князь Ягелло, сын Ольгердов, будучи избран на престол Польский, крестился со всем своим народом от Римских священников, и преемник его в Литве, могущественный Витовт, принял также исповедание Латинское, сильно содействуя распространению оного в Вильне и на Волыни; даже в Киеве устроен был монастырь Доминиканский. Однако Ягелло и Витовт уважали сан и характер Митрополита Киприана, умевшего угождать им

по мере возможности, и не старались отделить своих подданных от его власти духовной; ибо переселясь в Москву, он не престаивал посещать Киева и Литвы. Родственный союз Великих Князей способствовал к согласию церковному: дочь Витовта София вступила в супружество с Василием, и Киприан, сопровождая Великую Княгиню в Вильну к отцу ее, посвящал там Епископов, устроил дела церковные и предупредил своего Государя о замыслах Литовских, когда в другой раз опять имел свидание с Витовтом и Ягеллом.

Не менее благоразумно было его управление в пределах Московских. Чувствуя всю важность единства церковного, всеми силами старался он восстановить в Новгороде права иерархические, нарушенные во время слабого правления Пимена, самоуправством веча, которое отказалось от верховного суда Митрополитов, чтобы избавиться от судных пошлин, и предоставило окончательное решение в делах духовных своему Владыке. Но неудачно было первое покушение Киприана и без благословения оставил он непокорных граждан, не хотевших повиноваться даже грамоте патриаршей. Сам В. Князь вступился в дело сие, частью государственное, ибо подчинение Новгорода, власти духовной Первосвященника, делало его более зависимым от Москвы, в отношениях гражданских. Вече смирилось, хотя ненадолго; новые его смятения возбудили войну, и добрый Архиепископ Иоанн претерпел заточение в Чудов монастырь, за непокорность своей паствы.

Тверь и Рязань жили в согласии с Москвою, а Суздаль, еще со времен Донского, почитался уже ее областью. Киприан, по просьбе дружественного ему Князя Тверского Михаила, посвятил на место отрешенного Епископа Евфимия, Св. Арсения, прославившегося своим благочестием, который основал близ Твери Желтиков монастырь и там нетленно почивает. А Олег Князь Рязанский, после нашествия Токтамышева, был наконец умирнен убеждениями Св. Сергия, навсегда укротившего его враждующее сердце. Оба знаменитые соперника Дмитрия, Михаил и Олег, скончались в одно время,

иноками, и в союзе с его сыном, а с ними угасла и слава их княжеств.

В княжение Васильево преставился, в глубокой старости, и великий поборник своей земли Сергей, посреди благословений современников, которые скоро обратились в молитвы о заступлении, когда обретены были его нетленные мощи. Ученик его, святой игумен Никон, обрел их после разорения Эдигеева, созидавая каменный Троицкий собор, и положил во утверждение своей лавры, которую с тех пор не постигло ни одно из бедствий, поражавших соседнюю Москву. Другой великий залог спасения столицы перенесен был в ее Успенский собор, из престольного Владимира, когда угрожало иное страшное нашествие. Завоеватель Востока, Тамерлан, внезапно наступил на Орду и, сокрушив Тохтамыш, быстро двинулся во внутрь нашего отечества, все предавая огню и мечу. В. Князь с войском ждал его на берегах Оки; Митрополит сгражданами встретил в Москве древнюю икону Богоматери, и в самый тот день (1395 г.) обратился вспять Тамерлан. Монастырь Сретенский воздвигнут в Москве на память избавления России, празднующей с тех пор 26 Августа.

Многие обители начали возникать на севере, со времени Св. Алексея и в долгое правление Киприаново. В Суздале ученик Архиепископа Дионисия, Св. Евфимий, основал свой знаменитый Спасский монастырь; и в Москве благочестивая вдова витязя Донского Евдокия, под именем Евпраксии, постриглась в устроенной ею в Кремле Вознесенской обители, где рядом с ее гробницею начали погребаться все Великие Княгини и Княжны возвеличенного дома Московского. Более всех прославилась пустыня Белоозерская, которой положил начало собеседник Сергиев и постриженник Симоновский Св. Кирилл. Жаждавший совершенного безмолвия, уединился он на глухих берегах Белого озера; но не мог оставаться под спудом подобный светильник, и процветшая его обитель наравне с Сергиевою, сделалась предметом глубочайшего уважения Царей наших, наипаче Грозного. В свою чреду была она рассадником других окрестных и отдаленных пустынь. От белых вод ее озера перенес Св. Савватий зародыш иночества на

седые волны Океана; там, на безлюдных островах Белого моря, сотрудник его Герман и преемник Св. Зосима утвердили начало Соловецкой лавры, которая стала славною гранью нашего отечества на севере и просветила Христианством все поморье.

Подобно сим двум первостепенным обителям, другие, менее значительные, столь же благотельно действовали на дикую окрестность. Недалеко от Белозерска, один из Князей его открыл целое общество иноков, на пустынном каменном острове Кубенского озера, которые занимались единственно проповедью слова Божия народам Чудским. – И еще далее к северу простерлось благочестивое их рвение: инок Лазарь основал свою Успенскую обитель на берегах Онежского озера для обращения Лопарей, и в то же время монахи Валаамские просвещали святым крещением соседних Карелов.

Не только духовное образование, но и самое население северных и восточных пределов России, совершилось чрез размножение обителей, вокруг коих начинали селиться жители, привлекаемые льготами ханскими и несудимыми грамотами, дарованными от Князей духовенству. Таким образом, каждый монастырь, расширяя границы наши, делался средоточием нового края и даже оплотом в случае нападения диких народов. Великая Пермь, куда прежде ходили за рухлядью промышленники Новгородские, приобретена России одним иноком, чрез проповедь имени Христова: Св. Стефан, проникнутый ревностью Апостольскою, поболел сердцем о грубом язычестве Пермлян, и с детства изучив язык их, изобрел письмена. Один пошел он проповедовать Христа в глухие леса Перми и верою одолел все препоны враждебных жрецов; на реке Выми основана им первая убогая церковь, отколь распространилось мало-помалу спасительное учение. Сам он был посвящен Епископом в Пермь, руками Митрополита Пимена, и по многолетним подвигам опочил в Москве, где доныне соблюдаются святые мощи его в Спасском соборе.

Великий современник стольких святых подвижников, Митрополит Киприан, преставился (1407 г.), оплакиваемый В. Князем и всею обширною паствою, в любимом подмосковном селе своем Голенищеве, где в маститой старости искал

упокоения от молвы житейской. Там посвящал часы уединения описанию святого жития своих предместников Петра и Алексия, и собранию летописей нового своего отечества, которые нам сохранились под именем степенных книг; ибо сей великий муж Церкви был вместе мудрый ревнитель просвещения. Пред тихою кончиною написал он умиленное завещание к своей пастве, в котором, прощая всех, смиренно просил сам у всех прощения, и заповедал прочесть оное над своим гробом; по примеру его и все грядущие Митрополиты Московские оставляли после себя подобные завещания.

29. Фотий

Три года не было Митрополита в России после Киприана (1410 г.), доколе Патриарх Матфей не прислал **Фотия**, посвященного из строгих иноков страны Амморейской. Пришествие его, сперва в Киев, а потом в Москву, случилось в самую тяжкую годину разорений Татарских, каким опять подверглось отечество. Орда, разделенная междоусобием рода Тимура и Токтамыша, еще сильна была в руках правителя Эдигея, который подобно Мамаю располагал судьбою Ханов. Ему хотелось смирить В. Князя, ибо благоразумный Василий, пользуясь войнами Орды с Литвою, малою данью откупался от ига. Губительно было нашествие Эдигеево; все восточные пределы обратились в пепел; дядя В. Князя, знаменитый сподвижник Донского, Владимир Андреевич, едва отстоял Кремль Московский. Чрез несколько лет, и древний Киев, со всею южною областью, подвергся мечу Татарскому, и с тех пор еще более опустел.

Фотий нашел достояние митрополии, частью разграбленным, частью расхищенным от самих бояр, в отсутствие Первосвященителя, и горячо вступившись за имущество церковное, навлек на себя их неудовольствие, которое разделил В. Князь. Инок, привыкший к уединению пустынному, Фотий наскучил молвою в стране ему чуждой, он тщетно искал тишины в любимом приюте Киприана, где, подобно ему, предавался ученым занятиям, и на время удалился в лесистые пределы Владимирские; но и оттоле изгнало его новое нашествие Царевича Ордынского, разорившего престольный Владимир.

А между тем другое, давно предвиденное бедствие, поразило с запада Церковь Российскую. Ревнитель Рима Витовт, из уважения к Киприану, не нарушал единства митрополии: но неопытность Фотия в делах государственных, и строгость, с какою собирал он доходы церковные в областях Литовских, побудили Князя к разрыву, благоприятствовавшему его политическим видам. В Новгороде Литовском созвал он

всех своих Епископов: Феодосия Полоцкого, Исаакия Черниговского, Дионисия Луцкого, Герасима Волынского, Иоанна Галицкого, Севастьяна Смоленского, Харитона Холмского, Павла Червенского, Евфимия Туровского, представил им трудность управления церковного, под зависимостью чуждого Первосвященителя, и требовал особенного Митрополита Киеву. Долго колебались православные Епископы исполнить волю иноверного Государя; но угрозы и томленья принудили их приступить к избранию. Муж ученый из Болгар, **Григорий Самвлак**, отправлен был собором в Царьград для посвящения, с жалобою на Митрополита Фотия, дабы отклонить ответственность от избирателей за нарушение союза церковного; но Царь Мануил и Патриарх Каллист отвергнули прошения собора. Сам Митрополит Фотий, услышав о замыслах Литовских, хотел идти предупредить их к Витовту и далее в Царьград, но был ограблен на рубеже Московском и принужден возвратиться; а Витовт, изгнав его наместника из Киева, овладел всеми именьями митрополии в своих пределах.

Несогласие Патриарха Константинопольского на посвящение Самвлака, не остановило гордого Литовца, он созвал опять Епископов в Новгородок (1416 г.), и принудил рукоположить Григория Митрополитом Киевским и всея Руси. Чувствуя однакоже неправильность своего поступка, собор хотел оправдаться окружною грамотою, в коей обвинял не только корыстолюбие Фотия, но и Царей Греческих, будто бы из личных выгод посылавших Митрополитов в Россию, и вместе с тем изъявлял свое уважение к Патриархам Вселенским и догматам православия. Со своей стороны Фотий созвал Епископов области Московской, предал анафеме действия собора Новгородского и самого Симвлака, и всеми силами старался восстановить нарушенное единство Церкви; но не мог сего достигнуть при жизни соперника, утвердившего свою кафедру в Вильне.

Григорий, приверженный к догматам Восточной Церкви, равнодушно видел иноверие своего Государя и убеждал обратиться к православию; но Витовт, избегая сам состязания, принудил его ехать на Запад, где длился собор Константский.

Самвлак остался непоколебимым в преданиях отеческих и скоро скончался в Вильне (1420 г.). Тогда Митрополит Фотий, уже более опытный, по долгому пребыванию в России, воспользовался обстоятельствами, и провожая В. Княгиню Софию к отцу ее, восстановил согласие, которое не нарушилось до смерти обоих, ибо в последние дни Витовта, Митрополит имел еще раз дружественное свидание в Троках с ним и с Королем Польским Ягеллом.

Весьма чувствительна была кончина Фотия для благосостояния княжества Московского, терзаемого междоусобием единокровных, после мудрого правления Василия Дмитриевича. Брат его Юрий восстал на юного сына его Василия, законного В. Князя, которого поддерживал Митрополит властью святительскою, смиряя непокорных страхом отлучения. Но когда не стало в Москве главы церковного, вспыхнули опять раздоры, самые жестокие в летописях наших. Казалось, прежде нежели могла отдохнуть Россия, от двухвекового ига Татарского и внутренних распрей, чтобы возвеличиться в лице Иоанна III, – все сии долголетние бедствия должны были в последний раз обрушиться на отца его Василия. Чего не испытал он в тридцатишестилетнее правление? И суд в Орде пред Махмет Ханом с честолюбивым дядею, и пленение тем же Ханом, в час неудачной битвы, и дважды свержение с престола великокняжеского от единокровных, темницу и наконец, самое ослепление! Но страдальцу сему обязано отечество за его твердость в догматах православия, ибо никогда Церковь Российская не подвергалась подобной опасности.

Преемник Витовта Свидригайло, видя праздным престол первосвятительский, послал (1432 г.) любимца своего Епископа Смоленского Герасима в Константинополь, где поставлен был в Митрополиты Патриархом Иосифом: но он оставался жить в Смоленске, чтобы ближе действовать на Москву, хотя ни та, ни другая епархия никогда не хотели признать его; только Новгород невольно к нему обратился, по смерти своего Архиепископа Симеона; для посвящения на престол Софийский Св. Евфимия, одного из самых добродетельных пастырей сего города. Чрез

два года, пострадал Герасим от прежнего своего благодетеля: свирепый Свидригайло, узнав о его тайных сношениях с соперником по Литовскому княжению, Сигизмундом, к ужасу всех православных, сжег Митрополита в Витебске.

30. Исидор

Между, тем В. Князь Василий, скучая долгим лишением пастыря, соборно избрал Епископа Рязанского Иону, мужа просиявшего своими добродетелями в бурные дни отечества, и отправил его для поставления к Патриарху Иосифу; но Иона уже застал в Царьграде другого Митрополита всея Руси, **Исидора**, назначенного из Епископов Иллирийских. Эго было в самое бедственное время Греческой Империи, которая вся почти уже заключалась в стенах одной столицы, под ужасом возрастающей грозы Оттоманской. Император Иоанн, не видя спасения внутри государства, искал его от западных держав.

Опытный старец, Евгений IV, сидел тогда на Римском престоле, и хотя сам состязался с соборами Констанции и Базеля, о власти папской, предложил однакоже Императору созвать в Италии собор для соединения Церквей, обещая спасти Царьград от Турок. Иоанн, вместе с Патриархом Иосифом и почетным духовенством, отплыл в Венецию; но как Россия составляла уже великую половину Восточной Церкви, то Исидор, друг Папы, знаменитый умом своим и красноречием, был послан в нее Митрополитом. Киев и Москва встретили его торжественно, вся Россия признала; но через четыре месяца начал он проситься у В. Князя на собор, представляя ему, что все Государи и Иерархи востока и запада стеклись для состязания о вере, и не прилично одной России не иметь там представителя. С прискорбием отпустил Василий Митрополита, убеждая стоять твердо за догматы православия, и дал ему спутником Епископа Суздальского Аврамия с многочисленною свитою. Св. Евфимий Новгородский провожал Архипастыря до своих пределов, Магистр Ливонский с честью его встретил в Риге; оттоле морем отплыл он до Любека и прибыл в Феррару, где его одного ожидали Император и Папа для открытия собора.

Начались долгие прения о исхождении Св. Духа, о чистилище, опресноках, наипаче же о власти Папской. Император и Патриарх, удручаемые бедствием отечества и нищетою, боролись долго, красноречивый Марко, Митрополит

Ефесский, гремел против новых догматов и честолубия Рима; но Виссарион Митрополит Никейский и Исидор Русский сильно клонили в пользу Папы. Собор перенесли во Флоренцию, где скончался Патриарх Иосиф; наконец, Евгений одержал верх и провозгласил союз Церкви на условиях благоприятных Риму. Один Марк Ефесский не подписал соборных определений и скрылся, чтобы потом быть на Востоке ревнителем православия; ибо прочие Вселенские Патриархи отринули Флорентинский союз и, соединясь в Константинополе, осудили все его условия и акты. Император возвратился без успеха для упадающего царства; никто из западных Государей не подал ему помощи и даже не был во Флоренции, благоприятствуя мнениям Базельского собора. Виссарион и Исидор украсились багряницею Римскою, а последний титлом кардинала легата Апостольского в России. Торжественно возвращался он чрез Киев в Москву (1440 г.), с дружелюбными грамотами Папы Евгения к В. Князю; но на первом богослужении, когда в Успенском соборе стал поминать Римского Первосвященителя, вместо Вселенских Патриархов, и когда архидиакон возгласил с кафедры деяния Флорентинского собора, Василий с гневом обличил Исидора, называя его изменником православия и лжепастырем. Он созвал Епископов и бояр рассудить о новом учении; – никто не хотел признать в Папе заместителя Христова и все единодушно отвергли догматы западные о исхождении Св. Духа и от Сына, вопреки древнему символу, несмотря на хитрые убеждения Исидора, которого заключили в Чудов монастырь; он бежал из-под стражи и благоразумный Василий не велел его преследовать. Принятый с честью в Риме, Исидор был послан в Константинополь, где по случаю соединения Церквей возникли волнения в пароде, пред самым падением столицы; ибо два Патриарха, Митрофан и Григорий, один после другого держались Флорентинского собора. Когда же последний Константин пал, на развалинах своей империи, на коих основал новую державу завоеватель Магомет, тогда опять Исидор бегством искал спасения в Риме и там почтен титлом Патриарха Константинопольского. Ученик его **Григорий** посвящен был Митрополитом в Киев, где около сего времени учредилась

кафедра Латинских Епископов; но Григория не признавали, ни в России, ни даже в Литве, несмотря на покровительство Казимира, Государя Польского и Литовского. Так кончилось сие покушение подчинить Россию Римскому престолу; но чрез полтораста лет, тяжкими бедствиями отозвалось оно отечеству, чрез Самозванцев и Унию.

31. Святой Иона

После Исидора опять восемь лет сиротствовала Церковь Российская. В течение сего времени Князь Димитрий Шемяка, овладевший престолом ослепленного и заточенного им Василия, вызвал из Рязани Святителя **Иону** и предлагал ему сан Митрополита, если только примирит его с В. Князем; коварно убеждал он старца принести ему на воспитание двух державных младенцев Темного, которых верные бояре укрыли в Муроме, его епархии, обещая упокоить богатою отчиною их несчастного родителя, или разорить город в случае отказа. Сан первосвятительский не мог прельстить Иону, почитаемого уже законным преемником митрополии, но он надеялся облегчить участь Василия, ибо не предвидел ему возможности царствовать, и исполнил желание Шемяки. На свой омофор принял он в Муромском соборе сыновей Темного; когда же Шемяка, изменив данной клятве, сослал их в Углич в заточение к отцу, строгие увещания святого мужа заставили его исправить вероломство. «Ты посрамил мою старость, и ныне я весь во лжи: своди грех со своей души и с моей; что тебе слепой Князь и малые дети?» твердил он Шемяке, доколе не тронул его сердца. Вместо уз темничных, связав Василия словом крестным, пред собором Епископов, Шемяка отпустил его с детьми в Вологду. Но Темный, предательски взятый врагом своим в стенах Троицкой лавры, у раки чудотворца Сергия, в стенах другой обители получил разрешение от невольной присяги. Игумен Белозерский Трифон принял клятву на себя с братиею, и ко благу отечества побудил В. Князя искать себе и детям законного наследия. С радостью встретила Москва своего истинного Государя и первым его движением было послать опять Святителя Иону для поставления в Царьград.

Василий подробно описывал в своей грамоте Царю и Патриарху о смятении, произведенном изменою Митрополита Исидора, и о своей преданности древним благочестивым догматам; но слухи, о сношениях Константинополя с Римом, заставили В. Князя остановить свое посольство. В ожидании

более благоприятных обстоятельств, пять лет управлял Св. Иона Церковью, без соборного поставления; видя же наконец продолжающееся неустройство на Востоке, Василий созвал Епископов Российских. Ефрем Ростовский, Авраамий Суздальский, бежавший с Флорентинского собора, Варлаам Коломенский и Питирим Пермский, впоследствии умерщвленный дикими жителями своей паствы за имя Христово, поставили Митрополитом всея Руси Иону, а Св. Евфимий Новгородский и Епископ Тверской прислали утвердительные грамоты.

С тех пор (1153 г.), по случаю падения империи Греческой, все Митрополиты наши были поставляемы собором своих Епископов, ибо не имели возможности ходить чрез земли Литовские в Царьград, бедствующий под игом Оттоманским. Но союз духовный с Церковью Восточною и самое подчинение престолу Константинопольскому сохранились неприкосновенными; при всех возможных случаях Патриархи сообщались, грамотами или чрез приходящих архиереев, с Митрополитами Русскими, и прочие Вселенские Патриархи, снисходя к тягостным обстоятельствам времени, одобрили сей порядок посвящения, не нарушая союза, как явствует из кормчей книги.

Но Св. Иона последний носил звание Митрополита Киевского. Преемники его назывались уже Московскими и всея Руси: ибо в Киеве начался постоянный ряд своих Митрополитов подвластных Литве. Семь лет продолжал он являть пример всех пастырских добродетелей, на престоле святительском, утешал столицу во время пожаров и страшного нашествия Татар, едва не овладевших Кремлем, и еще при жизни прославился свыше, даром предведения и исцелений, подобно Св. Петру, предрекши освобождение от ига неверных и славу России.

Правление Митрополита Ионы кончилось (1461 г.) почти в одно время с Васильевым. Благое Провидение продлило святую жизнь великого мужа Церкви до славных времен Иоанна III, новым блеском озарившего Россию. Здесь с изумлением должно остановить взор на мимошедших веках рабства и

вознести благодарную молитву к Господу, который под сенью своей Церкви охранил юное царство, вверяя кормило ее, посреди раздоров и плена, в течение двухсот лет, славному ряду великих Святителей. Едва появились Татары и разорили отечество наше, как один за другим восстали, то из собственных недр его, то из Греции, – Кирилл и Максим, святые Петр и Феогност, Алексий, Киприан, Фотий и наконец Иона, которых всех причла Церковь к лику своих заступников, уверовав на опыте еще при их жизни, в ту небесную защиту, какую даровали ей по блаженной кончине. Время правления каждого было столь продолжительно, сила характера, приверженность к Церкви столь неколебимы, и так умирительна святая жизнь их, что внутренние бури, мало-помалу; утихали по кроткому слову Святителей и, как в некоей пристани, вокруг них умирялись Князья, а внешние волны часто разбивались о твердый оплот святительского сана. С благоговением должна памятовать Россия сих священных пестунов мятежных дней ее юности, наипаче же Кирилла, Петра, Алексия, Киприана и Иону.

С воцарением Иоанна III (1462 г.) изменились внешние и внутренние обстоятельства России, которая созрела в мощное государство в течение долгого и мудрого его правления. Золотая Орда, дотоле грозная, уже распадалась; последний Хан ее Ахмат едва собирал слабую дань с В. Князя. Из ее обломков образовались три отдельные царства: Казанское, более других враждебное Москве, хотя Цари его часто поставляемы были от Государей наших, как некогда наши от Ханов, – Астраханское, собравшееся на дальнем юге из многих кочующих Орд, и Крымское, основатель коего Менгли-Гирей, во всю жизнь свою, был верным союзником Иоанна, сокрушая племя Ахматово и тревожа набегами Литву. С другой стороны великое княжество Литовское, обнимавшее уже все юго-западные пределы России, еще более усилилось, когда стало давать Государей своих, племени Гедиминова, на престоле Польши. Оно заслоняло нам запад, хотя посольства Иоанновы ходили ко всем самодержцам Европейским, начинал с Папы и Императора Римского, и даже до Султана. Воинственный орден Ливонский, действуя за одно с Литвою, громил пределы

Новгорода и Пскова, которые начал называть своими отчинами Иоанн, к крайнему неудовольствию веча народного. Внутри государства междоусобия угасли; одна Рязань смиренно держалась на правах отдельного княжения, под влиянием Московского, а Тверь уже родственная по брачному союзу Иоанна с ее Княжною, была присвоена им, когда последний владетельный Князь бежал, обличенный в тайных сношениях с Литвою. Единодержавие сделалось целью всей жизни Иоанновой.

Сильно было влияние его и на дела церковные, ибо Церковь, собственно Российская, заключалась вся в пределах его державы, по отделении южных епархий от власти Митрополитов Московских. С Ионою окончился ряд великих Святителей, распространявших благодетельное влияние свое на древнее достояние нашей Церкви и соединявших все воедино, частыми странствиями по России и в Царьград, отколе приносили образование духовное. Чувствительно было впоследствии сие невольное отдаление наше от завоеванного Царьграда, когда мужи высокого образования, подобно Киприану и Фотию, перестали восходить на кафедру Московскую; – слабые погрешности, мало-помалу вкравшиеся в богослужебные книги Славянские и в некоторые обряды, по не сличению их с Греческими, укоренились неприметно, и послужили, наконец, источником несчастных раздоров.

32. Феодосий

Преемник Св. Ионы **Феодосий**, соборно поставленный из Архиепископов Ростовских (1462 г.), по старшинству своей епархии, в последний год княжения Темного, не более пяти лет был Митрополитом Московским. Усилившаяся тогда мысль о скором преставлении света, по истечении седьмой тысячи лет от сотворения мира, возбуждала усердие бояр к созиданию частных церквей; а умножение бесприходных священников, не допуская строгого выбора при их поставлении, произвело послабление в нравах духовенства. Строгий ревнитель благочиния Феодосий, исправительными мерами, возбудил против себя негодование и, уклонясь ропота общественного, удалился волею в Чудов монастырь. Там принял к себе в келлию расслабленного старца, служил ему до кончины, омывая его струпы, в образец Христианского смирения. За год до своего отшествия имел он случай участвовать в делах Палестинской Церкви. Патриарх Иерусалимский Иосиф, избегая гонения Египетского Султана, искал пристанища в России и скончался на пути в Каффе; брат его с грамотами прибыл в Москву и, собором Епископов Русских, рукоположен в Митрополиты Кесарии. Это было первое воззвание бедствующей Церкви Восточной к любви и милости единой России, после разорения Византийского.

33. Филипп I

Филипп, поставленный из Епископов Суздальских (1464 г.), наследовал сану и добродетелям Феодосия, в семилетнее свое правление оказав замечательную твердость характера. Имя Иоанна, уже известное в Европе, обратило на себя внимание Первосвященника Римского Павла, при дворе коего обрело приют семейство Деспота Морейского Фомы, брата последнего Константина. Пред самым падением Царя града возобновилось родство дома великокняжеского с императорским, и сестра Темного Анна вступила в супружество с Иоанном Палеологом. После же падения, Папа не мог избрать более достойного жениха Царевне Греческой Софии, как могущественного Государя Российского. Мысль о всеобщем крестовом походе против Турок и надежда присоединить отечество наше, чрез посредство Софии, воспитанной в правилах Флорентинского собора, возбудила Павла передать России сей остаток древней Византийской славы, и с радостью принял Иоанн последний залог ее в лице Софии. Но не исполнились надежды Римские. Царевна, при самом вступлении в пределы наши, показала себя ревнительницею исповедания православного. Когда же сопутствовавший ей легат Антоний хотел торжественно вступить в Москву, с преднесением креста по обычаю Латинскому, и колебался Иоанн, уважая в нем посланника, – тогда Митрополит Филипп вступился за преимущество отечественной Церкви: «кто хвалит и чествует веру чуждую, тот унижает свою, сказал он Иоанну, если же легат взойдет со крестом в одни ворота города, я выйду другими». После бракосочетания, Митрополит имел разговор о вере с легатом, но осторожный посланник Рима избегал решительного прения, отзываясь неимением с собою книг.

Усердствуя к соборному храму Успения, где покоились его блаженные предместники, Филипп, подаянием бояр и духовенства, начал созидать новый собор на место ветхого здания Калитина; но неопытность строителей была причиною скорого падения сводов, и заставила В. Князя вызвать из

Италии знаменитого зодчего Аристотеля. Он соорудил собор Успенский, в том величественном Византийском вкусе, в котором красуется доныне, как лучшее сокровище древнего Кремля, и два других великолепных собора, Благовещения и Архангела, воздвигнуты им вновь на тех же местах. Внутри же храма Успения, краеугольными камнями, положены были тела великих Святителей, подобно тому, как отдыхали они в древнем святилище: Петр и Феоност в придельном алтаре, Киприан и Фотий в юго-западном углу собора, и на противоположной стороне, Иона, обретенный нетленным во время строения. Но Святитель Филипп не видел, ни падения начатого им здания, ни сооружения нового; испуганный сильным пожаром Кремля, он внезапно заболел и скончался, и над гробом его повешены были тяжелые вериги, найденные на его постническом теле.

34. Геронтий

Преемник, Митрополит Геронтий (1472 г.), избранный из Епископов Коломенских, довершил начатое Филиппом и освящал собор Успения. Более двадцати лет пас он Церковь Христову, в самые славные дни княжения Иоаннова; ибо он был свидетелем покорения независимого Новгорода и свержения ига Татарского, и в обоих сих важных событиях являлись замечательные лица духовные. В первом – Феофил, избранный в последний раз народом на престол Софийский, после блаженной кончины Св. Ионы, памятного своими добродетелями в долгое правление. Вече не допускало нового пастыря идти ставиться в Москву, за то что Иоанн, в пригласительной грамоте, назвал Новгород своею отчиною, и хотело послать его для посвящения к Митрополиту Киева в союзную Литву; но Феофил, ревностный блюститель преданий отеческих, не согласился нарушить древний порядок иерархический. Он, во время первого похода Иоаннова, примирил с ним свою паству и принял законное рукоположение в Москве. Когда же вторично своеволие торговой республики, подстрекаемое Марфою посадницею, состязалось с единодержавием властного Иоанна, и войско его сломило дружины Новгородские, – Феофил, уже под стенами города, испросил пощаду жителям, хотя и с лишением всех народных преимуществ и с утратою собственных богатств, отнятых В. Князем. Сам Владыка, чрез короткое время пострадал за остальные искры вольности сограждан, хотевших передаться Литве, и кончил тревожные дни в заточении Чудова монастыря, будучи во всю свою жизнь жертвою волнений народных.

Падение Новгорода заранее возвещено было Архиепископом Св. Евфимием, в самый час рождения его грозного завоевателя, и предсказание повторилось честолюбивой Марфе, устами святого игумена Соловецкого Зосимы, гордо принятого в ее тереме, когда приходил в славные дни Новгорода, за милостынею для своей убогой обители на океане. Иоанн, заточив Феофила, не решился

однакоже, без соборного избрания, поставить нового Владыку; согласно с обычаем Новгородским, три имени положены были на престоле Успенского собора, и жребий пал на смиренного инок Троицкой лавры Сергия, которого посвятил собор Архиереев. Скоро, однако, удалился Сергей, избегая нелюбви народной к чуждому владыке и к новому порядку управления церковного. Он уступил место свое более опытному и просвещенному Геннадию, архимандриту Чудова монастыря, оказавшему впоследствии важные услуги Церкви, обличением ересей.

Наступило желанное время освобождения отечества нашего от позорного ига, тяготевшего над ним два с половиною века. Уже мудрая В. Княгиня София, воспитанная в величии царском, которым искала окружить двор Иоанна, испросила удаление послов Ордынских из недр Кремля, где на месте их подворья устроила церковь Святителя Николая Голстунского; уже послы Хана перестали быть принимаемы с честью, прекратилась и самая дань, хотя союз Литовский с Ордою мог тревожить Иоанна. Наконец, подвигся Ахмат; в последний раз ополчилась Златая Орда на Россию, напоминая полчища Мамаевы. В. Князь выступил с войском к берегам Оки, прозванной в народе поясом Богоматери, ибо не раз спасалась за нею земля Русская, и колебался. Его осторожная политика боялась доверить будущую судьбу всего государства случаю одной битвы, подобно отважному Донскому, и, оставив при войсках сына, сам он удалился в столицу, к общему негодованию народа. Мысль о непобедимости Татар давно исчезла; Казань, обломок царства Капчакского, приучила нас к победе над неверными; ропот усиливался. Тогда красноречивый старец Вассиан, Архиепископ Ростова, почерпнувший при раке преподобного Сергия, где был игуменом, наследственную любовь его к отечеству, смелою речью и убедительным посланием возбудил дух Иоанна: «Смерти ли страшиться? писал он, но и ты не бессмертен; без доли смертной нет ни человека, ни зверя, ни птицы; – дай мне сих воев в мою руку и хотя я стар, но не пощажу себя и не отвращу лица своего от Татар!» Митрополит Геронтий присоединил увещания свои к

речам Вассиана и возвратился в стан В. Князь. Ахмат бежал (1381 г.) без битвы и навеки освободилась Россия.

В последние годы святительства Геронтия взаимные неудовольствия возникли между ним и Иоанном, и огорченный Митрополит хотел удалиться в обитель Симоновскую, чтобы там в уединении окончить дни свои, а Иоанн предлагал место его Троицкому игумену Паисию; но инок, чувствуя всю тяжесть бремени правительственного, не пожелал, высокого сана, и Геронтий, убежденный В. Князем, остался на своем престоле до самой кончины.

Еще при начале его правления приходил другой Митрополит всея Руси **Спиридон**, родом из Твери, происхождения поставленный Патриархом Константинопольским; но он не был принят, ни в Литве, ни в Москве, и заточен на Белоозере. – Между тем в Киев продолжался свой ряд православных Митрополитов, чуждых Москве, которые принимали поставление лично в Царьграде, или чрез благословенные грамоты и экзархов патриарших (1471 г.), от времени до времени посещавших южные области наши. **Мисаил**, рода княжеского, первый отдельный Митрополит Киева, после Униата Григория; **Симеон**, при коем Менгли Гирей, Хан Крымский, опустошил древнюю столицу, ограбив лавру Печерскую и Св. Софию; **Иона**, пользовавшийся благосклонностью Казимира, Государя Литовского, и Св. **Макарий**, мученически убиенный на пути Татарами, (мощи коего нетленно почивают в Софийском соборе), короткое время управляли своею обширною епархией, имея пребывание в Вильне, где с трудом противоборствовали влиянию Рима.

35. Зосима

В Москве же, после смерти Геронтия (1491 г.), архимандрит Симоновский **Зосима**, рукоположен в Митрополиты без совещания соборного; но на сей раз выбор великокняжеский был неуспешен, ибо под личиною благочестия, злостный еретик таился в новом первосвястителе. Уже около двадцати лет распространялась неприметно в Новгороде богохульная ересь Жидовская, отвергавшая Христа Спасителя, и все его учение, которая будучи принесена из Литвы Евреем Схарию, смешалась с прежними заблуждениями Стригольников. Таинственными гаданиями и кабалистикою завлек Схария двух суемудрых священников Новгородских, Алексия и Дионисия, и чрез их посредство укоренил пагубное свое учение в невежественном народе, ибо они коварно соблюдали все наружные обряды Христианства, хотя сами ни во что их не вменяли. Молва о просвещении и добродетели обоих священников прельстила и В. Князя, во время первого его похода; он взял их в Москву и дал одному место протоиерея в Успенском соборе, а другому в Архангельском. С ними впервые проникла ересь в православную столицу, и хотя не скоро обнаружались гибельные плоды ее, однакоже приближенный дьяк царский Курицын и архимандрит Зосима были втайне учениками Алексия, чрез которого даже последний достиг митрополии.

Ревностный владыка Новгорода Геннадий, с ужасом открыл ересь Жидовскую в своей пастве, и первый обличил ее еще Митрополиту Геронтию, но удрученный годами и огорчениями старец не обратил должного внимания, полагая ее ничтожною. Второе, более сильное обличение, принудило Иоанна и Зосиму созвать собор Епископов; тогда явился другой красноречивый обличитель жидовствующих и Стригольников, Св. Иосиф, игумен Волоколамский, просвещеннейший муж своего времени и ученик Св. Пафнутия, знаменитого основателя Боровской обители. Пламенною ревностью к Церкви горело сердце Иосифово, уста его сильные словом и убедительные послания,

карая ересь, поддерживали чистоту православия, и лицо его было столь же страшно отступникам в Москве, как в Новгороде, лицо Геннадиево. Но покровительство соумышленника Зосимы укрыло на соборе некоторых преступников; главный ересиарх Алексей уже умер, Дионисий и другие его последователи преданы были собором анафеме и заключению. Однакоже следы их развратного учения истребились в Москве только чрез двенадцать лет, по новым настояниям Геннадия и Иосифа, когда уже и сам Митрополит принужден был В. Князем удалиться на смирение в прежнюю обитель, под предлогом нетрезвой жизни, чтобы скрыть от народа главную вину его, ересь. Тогда Иоанн предал торговой казни дьяка своего, архимандрита Юрьевского Кассиана и других виновных, которых не обратили на путь покаяния первые меры кротости церковной.

36. Симон

После бедственного для Церкви правления Митрополита Зосимы, Иоанн много занимавшийся делами духовными, нашел достойного пастыря (1496 г.) в его преемнике **Симоне**, посвященном из игуменов Троицкой лавры. Может быть, отступление от узаконенных обычаев, при избрании Зосимы, побудило на этот раз В. Князя, необычайною торжественностью, облечь поставление нового Первосвященителя. Передав нареченного в руки Епископов, у дверей храма, сам он приветствовал его речью, после совершения над ним таинства, по примеру Императоров Византийских, коим искал подражать во всех блистательных случаях, пышностью обрядов дворских и церковных, и Митрополит в свою чреду, с жезлом в руках, отвечал ему речью с кафедры.

Еще во время смут еретических, другое суеверное волнение умов, о скором преставлении света, было виною собора, который установил праздновать начало нового года, с первого сентября, вместо первого марта, и утвердил пасхалию на восьмую тысячу лет, исчисленную Архиепископом Геннадием; ибо прежняя кончилась 1492-м годом, т. е. седьмою тысячею от сотворения мира. Вскоре, после поставления Митрополита Симона, Иоанн обнаружил мысль отобрать земли церковные и отчины монастырей области Московской, подобно как в Новгороде, где частью роздал их детям боярским для ратного дела, частью же взял за себя. Но Митрополит представил В. Князю грамоты завещателей, Св. Владимира, Ярослава и иных Государей, равно как ярлыки Царей Ордынских, и Иоанн оставил свое намерение. На другом соборе (1503 г.) приняты были им, вместе с Митрополитом, строгие меры о соблюдении чистоты нравов в духовенстве, и для сего монастыри мужские отделены от женских, и устранены иноки от священнослужения в сих последних; даже чтобы удалить всякий повод к соблазну, вдовым священнослужителям запрещено было совершать тайны, и недостойных повелено лишать сана духовного. Не осталась без внимания и плата, требуемая за

рукоположение во священство, которая столько раз возбуждала неудовольствия в Новгороде, и впоследствии по нареканию в подобном злоупотреблении, невинно пострадал сам владыка Геннадий; лишенный престола Софийского, он кончил дни свои в той же Чудовской обители, отколе взят был на архиепископию.

Около сего времени и действуя в том же благочестивом духе, Митрополит Киевский **ИосифСалтан**, преемник Св. **Макария**, созвал в Вильне собор (1509 г.) всех подчиненных ему Епископов, для устройства благочиния духовного и для ограждения церковного достоинства от притязаний вельмож Литовских, веры Римской. Несмотря однакоже на ревность к пользе своей паствы, Иосиф подвергся подозрению послов наших в неправославии, даже обвинен был ими, пред лицом Государя, в потворстве зятю его Александру Литовскому, который не позволял супруге своей Елене, дочери Иоанна, иметь при дворе домовую церковь, что всего чувствительнее было для отеческого сердца. Тщетно скромная и добродетельная Елена, сохраняя закон свой, старалась скрывать гонения супруга, чтобы не поссорить с родителем, ибо свобода исповедания была первым условием ее брака. Александр, по слепой ревности к Риму, слишком явно не щадил ни подданных, ни супруги, и жестокая война была следствием его гонений на православных. Оружие Русское, поднятое за веру отеческую, увенчалось успехом, несмотря на все усилия Литвы, Ордена и самой Польши, на престол коей вступил Александр. Папа и Император заботились о водворении мира, но залогом побед Иоанновых осталась нам область Северская по сю сторону Днепра; Князья ее добровольно поддались единоверному Государю, и иерархия Русская приобрела еще две епархии, Черниговскую и Брянскую, вскоре однакоже упраздненную.

С падением Золотой Орды Ахмата упразднилась и другая древняя епархия Сарская и Подонская, потому что Епископы наши перестали жить в Сараях, столице Ханской: они перенесли кафедру свою в Москву, и действовали в качестве наместников Митрополита, в собственной его области; обитель

их, на крутом берегу Москвы реки, присвоила им название Крутинских.

Кроме горестного положения любимой дочери своей на чужбине, в самой столице, в стенах собственного дворца, семейные печали омрачили последние годы славного княжения Иоаннова. Старший сын его, надежда государства, разделявший уже бремя правления, скончался в молодых летах, оставив ему внука Дмитрия, рожденного от Елены, дочери великого Стефана, Господаря Молдавского. Тайная вражда о престолонаследии возникла между двумя матерями, Еленой и В. Княгиней Софией, которая хотела видеть преемником второго сына своего Василия. – Раздраженный их происками Государь взял сторону юного внука, по правам старейшинства, и решился торжественно возвести его на престол. Митрополит Симон впервые совершил обряд венчания, оставленный со времен Мономаховых; венец его и св. бармы возложены были на невинного отрока, но только для его бедствия, потому что хитрость Софии скоро превозмогла волю Иоаннову; еще при жизни отца, Василий был уже объявлен Государем всея Руси, а Дмитрий и несчастная мать его кончили дни в заключении.

Княжение Василиево (1505 г.) было только продолжением Иоаннова, по начертаниям коего шел он к той же цели единодержавия, хотя с большею кротостью в своих мерах. Неприметно слились при нем с государством Московским удельная Рязань и независимый Псков, неprimетно исчезли последние Северские уделы рода Шемякина, и уже не оставалось разновластия внутри России. Извне же почти беспрестанно продолжалась борьба: на восток с непокорною, исполненною мятежами Казанью, которой тщетно посылал Василий Царей ее племени; на юге с Ордою Крымскою, отколе сын Менгли-Гирея, враждебный Махмет, забыв союз отца своего с Россиею, разорял ее пределы и даже однажды приступил к Москве; на западе же с Сигизмундом Королем Польским и Литовским. Но последняя война сия была успешнее своими последствиями и упрочила завоевания Иоанновы; самый Смоленск, древнее достояние наше, сдался В. Князю, хотя Епископ Варсонофий клонил в пользу Литвы. Его заточили в

Чудове и, с назначением нового Епископа Иосифа, древняя сия епархия присоединилась к иерархии Московской. Обитель Новодевичья воздвигнута в столице памятником радостного события. Василий поддерживал также и дружественные сношения с Государями Европейскими, с Императором и Папою, а в Ордене Ливонском, дотоле всегда враждебном России, имел верного союзника против замыслов Сигизмунда.

Чрезвычайное благочестие было отличительным характером Василия, исполненного уважения к уставам святой Церкви, которая наслаждалась миром в тридцатилетнее его княжение, и подобно как при Иоанне славилась великими угодниками Божиими. Новгород и Псков, в последние годы своего величия, украсились новыми обителями, зиждителями коих были два соименные Саввы, Ефрем и Никанор, и двое владык, святые Евфимий и Иона, а на рубеже Ливонском ископана Печерская обитель, священнослужителями, бежавшими от гонений из Дерпта. Но наипаче процвел монастырями дикий север, который оживили своими пустынными подвигами выходцы Валаама и Белоозера, искавшие уединения в лесах новой Вологодской епархии, учрежденной на место Пермской. Уже издавна основались там Св. Дионисий Глушицкий и ученик его Григорий, и Павел Комельский; подражателями их были Корнилий и Феодосий Тотемский, и Антоний Сийский, и еще позже, при Грозном, три Александра, Комельский, Свирский и Ошевенский, и многие другие, чьи имена и деяния не могут взойти в краткий обзор сей. Знаменитые отшельники: Нил Сорский, писатель иноческого устава, и Кирилл Новоозерский и Нил Столбенский, спасавшийся в пределах Твери, где незадолго пред тем, просияла память Макария Колязинского, были также современниками Василия, а другом его и наставником великий Даниил, игумен Переяславский.

Однакоже, в отсутствие ересей, иные темные облака пробегали по небосклону Церкви: несогласие возникло между Серапионом, Владыкою Новгорода, и игуменом Волоколамским Иосифом, которого не ограждал он от жестоких притеснений удельного Князя. Митрополит Симон, с согласия

великокняжеского, покровительствуя новой обители, переписал ее к своей церковной области от Новгорода, за что Серапион наложил запрещение на игумена с братиею и горько выразился о лице Митрополита. Суд соборный лишил его престола, и в Троицкой лавре, прежней своей обители, блаженно окончил он дни свои на молитве, примиренный с Первосвятителем и с самим Иосифом.

Удаление Св. Серапиона было весьма чувствительно для Новгорода, который после него, в течении семнадцати лет, оставался без Владыки, до посвящения Макария. Сей будущий Митрополит всея Руси, показал еще у Св. Софии, чего могли от него надеяться Церковь и отечество. Он ободрил духовенство и народ, огорченные долгим отсутствием Святителей: все монастыри мужеские и женские приняли от него устав общежития, обновился и украсился при нем древний Софийский храм, и в самый отдаленный север проникли его пастырские заботы: – там посланный им для проповеди слова Божия, инок Илия, обратил к Христианству диких обитателей, и с благословения Макария устроил первую церковь, во имя Крестителя, по просьбе самих Лопарей.

37. Варлаам

Другим неприятным событием (1511 г.) для нашей Церкви, после несогласия двух святых мужей Иосифа и Серапиона, должно почитать несправедливое гонение благочестивого Святогорца Максима. Многие монашествующие начинали приходить с Афона и Синая, за милостынею в единоверную Россию, при Великом Князе Василии и кротком **Варлааме**, посвященном в Митрополиты по смерти Симона. Чудов монастырь, уже прославленный открытием мощей Святителя Алексея, служил для пришельцев гостеприимным кровом, и быть может, подобное общение любви, подало мысль Василию испросить у Патриарха Константинопольского одного ученого мужа из Греков, чтобы разобрать богатое хранилище Греческих рукописей, собранное в его палатах от предков и матери Софии. Инок Максим, получивший высокое образование в Италии, пришел с Афонской горы удовлетворить желанию Государя, и ласково им принятый занялся не только устройством книгохранилища, но и переводом толкования псалтыри, и исправлением некоторых церковных книг, в которые вкрались грубые ошибки неопытных писцов. Когда же Митрополит Варлаам, избегая молвы житейской, уединился в свою прежнюю Симоновскую обитель, и честолюбивый **Даниил**, игумен Волоколамский, вступил на его кафедру, тогда и полезные труды пришельца Греческого подверглись осуждению, и сам он сделался предметом ропота народного.

38. Даниил

Ученик просвещенного Иосифа (1522 г.), коего последователи, отличаясь особенною ревностью, назывались даже иосифлянами между прочими иноками, Даниил не мог равнодушно видеть книжных исправлений ученого иноземца, который имел также свободный доступ к В. Князю и немалое влияние при дворе. Максим, как бы предчувствуя свою участь, заблаговременно просил удалиться, но был удержан, и от одного из своих приближенных услышал горькую истину, что он слишком многое видел на Руси, чтобы возвратиться. Нечаянное обстоятельство решило судьбу его: бездетный Василий, после двадцатилетнего супружества, решился оставить добродетельную Соломонию за ее неплодие, и просил разрешения от Митрополита. Даниил, угождая В. Князю из видов политических, согласился, вопреки церковных правил, на нарушение священного союза, если только В. Княгиня удалится в монастырь. Насильственно было ее пострижение и Соломония скончалась инокинею в Суздале, а Василий вступил в брак с дочерью Князя Глинского Еленою. Многие втайне его осуждали, но два инока, Вассиан, роду княжеского, неволею постриженный Иоанном в Симонове монастыре за приверженность к юному Димитрию, и Максим Грек, не убоялись обличать беззаконие. Обоих заточили, первого в Волоколамский монастырь, второго в Тверский Отроч, где во все время правления Даниилова, безвыходно сидел он в келлии. Впоследствии облегчилась его темница, перемещением в Троицкую лавру; но несмотря на его убедительные послания и на предстательство Патриархов Вселенских, никогда уже не возвратился дряхлый страдалец на свою желанную родину, во святую гору.

Иоанн грозный был плодом воспрещенного брака. Обрадованный отец поручил его молитвам Св. Сергия, в чью раку положил державного младенца: крестил его игумен лавры **Иоасаф**, долженствовавший пострадать Митрополитом в бурные дни отрочества Иоаннова; восприемниками были три инока и в числе их Св. Даниил Переяславский (1533 г.). Чрез

четыре года, ранняя кончина постигла Василия, умильная благочестием умирающего. В. Князь, устроив дела государства и семейства, просил одеяния иноческого; бояре напротив предлагали ему пример Великого родителя и предков, преставившихся в величии царском: но Василий настоятельно требовал пострижения. – Тогда Митрополит с гневом сказал боярам: «никто не отнимет у меня души его; добр сосуд серебряный, еще лучше золотой!» и постриг В. Князя Василия, Варлаамом, на имя любимой им Белоозерской обители. С келаря Троицкого сняли мантию для царственного инок, и монашествующая братия Волоколамской и Троицкой обители вынесла из палат тело его, среди плача народного, в недавно украшенный им собор Архангельский, усыпальницу венценосных предков.

Митрополит поспешил привести к присяге, младенцу и матери, его беспокойных бояр и народ, но сам он недолго удержался на своем престоле. С преждевременною смертью правительницы кончилось и его правление; Дума боярская, распоряжавшая государством в младенчество Иоанна, все возмутила, своим междоусобием и крамолами, и первый пострадал Даниил. Могущественные Князья Шуйские принудили его написать отречение от митрополии, и сослали в прежний Волоколамский монастырь, где строгою жизнью загладил погрешности своего правления.

39. Иоасаф

Новый Митрополит **Иоасаф** возведен был (1539 г.) ими для той же бедственной участи. Предстательством его освободились из темницы родственные Государю Князья Бельский и двоюродный брат его Владимир, но благотельное влияние кроткого пастыря продолжалось только до времени падения Бельских. Те же Князья Шуйские, осыпав его поруганиями в присутствии малолетнего Царя, низвергли с престола, едва не лишили самой жизни и сослали на Белоозеро, отколе переселился он в лавру. Там гроб святого мужа, подле гроба Новгородского Владыки Серапиона; оба лишенные престолов, оба блаженные по кончине. Между тем, посреди десятилетних крамол боярских, возрастал отрок Иоанн, преданный на волю всех своих страстей, потворством и примером преступных пестунов: нрав его от природы крутой, еще более ожесточился и обнаружил склонность к тем ужасам, какими омрачилась его старость. Но к счастью России, средние лета его мужества неожиданно украсились добродетелями царственными, под спасительным влиянием иерея Сильвестра и Адашева, во дни Митрополита **Макария**.

40. Макарий

Вызванный из Новгорода, думою боярскою (1542 г.), которая низвергла двух его предместников, он принес на кафедру всея Руси достаточную опытность, чтобы устоять посреди крамол, и был мужем совета юному Царю. Шуйские уже пали; но дяди Государевы, Глинские, заступили их место, к позору отечества, обуреваемому внешними врагами при внутренних неурействах. Все изменилось неожиданно. Иоанн, по совещанию с Митрополитом, объявил намерение венчаться на царство, по примеру Мономаха, и вступить в союз брачный. Радостью исполнилась Москва; в Успенском соборе, с великим торжеством, Макарий возложил на него (1547 г.) св. бармы, цепь и венец, и крест великого Мономаха, по чину венчания Греческих Царей. Патриарх Константинопольский Иоасаф, благословенною грамотою, утвердил на царство Иоанна, как последнюю отрасль древнего императорского дома; тридцать шесть Митрополитов, Архиепископов и Епископов Восточной Церкви подписали сию драгоценную грамоту, донине хранимую в архиве Московском, за которую по сказанию Курбского, Соловецкий инок Феодорит был послан Иоанном в Царьград. Скоро другое, брачное венчание юного Царя с добродетельною Анастасиею, из рода Романовых, польстило новыми счастливыми надеждами Россию; набожные странствия державных супругов в лавру Сергиеву, любимое место молитв Иоанновых, на Белоозеро, в Песношь, Волоколамск и другие обители, запечатлели радостное событие государственное и семейное.

Внезапное бедствие совершенно обратило Царя с гибельного пути его юности. Страшный пожар опустошил столицу, на пепелище ее кипел мятеж народный; один из Глинских был умерщвлен чернью в соборе: на Воробьевых горах, трепетал в недоумении сам Иоанн. Тогда, как некий Ангел обличитель, предстал ему престарелый пресвитер Новгородский Сильвестр и сильным словом пробудил его совесть. Угрозы небесной казни, в минуту земной, потрясли не совсем еще

ожесточенное сердце: – Иоанн стал другим человеком. Он призвал Митрополита, всех Святителей, и торжественно каялся им в грехах своих, собрал и народ на лобном месте, оплакал пред ним свои заблуждения, слагал вину на недостойных пестунов. С чудным исправлением Царя все приняло вокруг него иной вид: удалились преступные бояре; Адашев, новый добродетельный друг Царев, незнатный родом, но деяниями, стал на ближней ступени престола, процвело государство; нашлись в думах мужи совета, в битвах вожди. Но если Адашев владел сердцем Иоанна, душою его правил Сильвестр. Странно нечаянное явление сего иерея Новгородского в палатах царских; можно предполагать, что Митрополит Макарий, узнав лично его достоинства в прежней своей епархии, искал приблизить к Царю в благоприятный час. Польза Церкви и отечества были единственною целью обоих, слава России отголоском их тридцатилетнего влияния. На законы гражданств вначале обратилось внимание нового правительства; опытная дума бояр, рассмотрев уложение Иоанна III, составила новый судебник.

Сам Иоанн, несмотря на порочную юность, получивший довольное образование и ревность к уставам церковным, усмотрел погрешности, вкравшиеся в богослужение, и беспорядки в духовном чине. Он созвал опять собор всех Епископов Русских (1551 г.), под председательством Митрополита Макария, и открыл заседание трогательною речью, в коей изложил бедствия первых лет своих. «Отцы наши, пастыри и учителя, говорил он, внидите в чувства наши, прося у Бога милости и помощи, изтрезвите ум и просветитесь во всяких богодухновенных обычаях, как предал вам Господь, и меня сына своего наказуйте и просвещайте на всякое благочестие, как подобает быть благочестивым Царям, во всех праведных царских законах, во всяком благоверии и чистоте, и все православное Христианство неленостно утверждайте, да непорочно сохранит истинный Христианский закон. Я же, единодушно всегда буду с вами исправлять и утверждать все, чему наставит вас Дух Святой; если буду вам сопротивляться, вопреки божественных правил, вы о сем не умолкайте; если же

преслушник буду, воспретите мне без всякого страха, да жива будет душа моя и все сущее под властью нашей».

Иоанн напомнил, как поручил он, в год своего венчания, всем Епископам и игуменам собрать жития Святых, спасавшихся в их областях или обителях, для воздаяния им общей хвалы, и что плодом их ревности было прославление двадцати новых угодников, соблюдающих молитвами Русскую землю. В числе их: Митрополит Иона и Новгородский Владыка Иоанн, пустынники Соловецкие Савватий и Зосима и другие отшельники: Дионисий Глушицкий, Павел Комельский и Александр Свирский; ученики Св. Сергия, Никон и Пафнутий Боровский, и Александр витязь Невский. Собор еще однажды утвердил праздновать их память, утвердил и предложенный ему на рассмотрение новый судебник.

Тогда Царь требовал разрешение на многие вопросы, касавшееся до благочиния внешнего и внутреннего, суда церковного, быта иноческого, обрядов, пения, икон, знамения крестного, исправления книг, нравственности духовенства, несудимых грамот, имуществ церковных, искоренения многих суеверий и проч. На все сии вопросы отвечал собор пространным писанием, разделенным на сто глав, что дало ему слишком известное впоследствии название Стоглава. Но хотя, казалось, все недоумения церковные того времени, разрешались сими правилами соборными, которые рассматривал еще в тиши келейной бывший Митрополит Иоасаф с иереем Сильвестром; хотя председательствовал Митрополит Макарий, красноречивый писатель жития Святых, собранного им в Четых Минеях, и хотя целью самого собора было истребление суеверий и беспорядков, – несмотря на то, предрассудки и невежество темного века Иоаннова отразились в некоторых деяниях собора; потому что некому было, просвещенным оком, беспристрастно поверять его решения: – образованный инок Максим Грек страдал в заточении и упал духом, к Патриархам Вселенским не обращались для утверждения Стоглава. Таким образом, некоторые суеверные обычаи и погрешности местные, облеклись признаком законности, и, укоренившись временем в народе, произвели те

пагубные расколы, какими доньше страдает Церковь; так и самое исправление богослужебных книг, предположенное на стоглавном соборе, отсрочено было, бедствиями государства, до времен Никона Патриарха, хотя его предшественники, мало-помалу, уже приступали к сему великому труду. Еще одно весьма важное обстоятельство бросает невыгодную тень на стоглавный собор: деяния его остались неутвержденными подписью Епископов Русских, и не только не сохранился его подлинник, но даже никакая летопись не упоминает о нем до Никона, и сам Митрополит Макарий безмолвствует о соборе в своей степенной книге, где изложил, события царственные и церковные; быть может, и он не соглашался на некоторые его правила, или за утрату подлинника, соборные деяния искажены в списках.

Между тем внутреннее благосостояние государства отозвалось победами врагам: царства и области постепенно падали к ногам юного Царя; обломки Золотой Орды, рассыпавшейся при Иоанне III, взошли в державу его внука. Еще недавно грозились Крым и Казань, взаимно поддерживая свои силы, и Хан Девлет Гирей, опустошительным набегом, приближался к столице, приводя в трепет думу боярскую и отрока Иоанна; в свою чреду бежал он в степи, при одном слухе о вооружении возмужавшего Царя. В последний раз взволновалась Казань против наместника Русского, данного ей, когда увезены были в Москву Царица Татарская Сумбека с малолетним сыном; из Астрахани вызвал себе народ Казанский Царем Эдигера и возбудил гнев Иоанна. Сильные приготовления воинские предшествовали величайшему из ратных подвигов сего времени. На пути к мятежному городу заложена была Свияжская крепость; увещательные грамоты Митрополита возбудили ее новых поселенцев и собравшиеся полки к святому исполнению своего долга. Наконец поднялся сам Иоанн; блистательный поход его имел совершенно подобие крестового; торжественность обрядов церковных мешалась с упражнениями воинскими; молебствия начинали и заключали каждый подвиг. В виду Казани расположился необъятный стан Русский и близ шатра царского разбит шатер церковный.

Отчаянны были приступ и отпор, под главную башню подведен подкоп, и когда во время литургии громко возгласил диакон слова евангельские: «и будет едино стадо и един пастырь» ужасным взрывом пали стены Казанские.

Торжествующий Иоанн, вступив в покоренный город, сам водрузил посреди него первый крест, и обойдя по стенам, с хоругвями и иконами, посвятил его имени Христову. В несколько дней создана им малая церковь Благовещения, начаток просвещения Востоку, ибо отселе отверзлась ему широкая дверь к услышанию спасительного благовеста. Неисчислимы были счастливые последствия взятия Казани, прославившей имя Иоанна в Европе и Азии – владетель Сибирский предложил ему дань, Князья Горские и Черкасские подданство. Скоро пало пред его оружием и другое царство Татарское Астрахань, хотя с меньшими усилиями. Казаки, новый народ, образовавшийся еще при его деде, из разнородных племен, с одним лишь условием православия, на верховьях Дона и на порогах Днепра, тревожили Крым и Литву, и соединились под предводительством вождей Русских, чтобы наступить на Хана. Стоило одной волн Иоанновой, и сей последний остаток силы Батыевой исчез бы в пределах наших, но Царь не послушал совета благоразумных вельмож, обратил честолюбивый взор на Ливонию, и Крым ожил для бедствия отечества.

Радостно возвращался юный Царь из-под Казани; рождение сына Димитрия усугубило его радость. Он направил путь в лавру, чтобы принести там благодарственное моление; два святые мужа, как жильцы иных времен, встретили его у гроба Сергиева: Иоасаф Митрополит, пострадавший во дни его юности, и Максим Грек, доживавший в заточении горькую старость. Другая, более торжественная встреча ожидала его в Москве: Митрополит Макарий со всем духовенством стоял у той обители, где некогда предместник его Киприан принимал икону Владимирскую залогом спасения от Тамерлана. В умиленной речи изложил Царь все свои победы, смиренно относя их молитвам Святителя и в избытке чувств простерся пред собором. В свою чреду приветствовал его Макарий, благодаря от лица всея земли Русской, и пал к ногам его с духовенством.

Последняя сладостная встреча была в Кремле: супруга Анастасия с младенцем. Крещение его ознаменовалось принятием в недра Церкви трех Царей Казанских: Сумбеки и ее сына, под именем Александра, и пленного Эдигера, нареченного Симеоном, по собственному их произволению; Митрополит сам испытывал искренность обращения.

Торжественно было открытие новой епархии Казанской. Митрополит Макарий, Архиепископы Новгородский Пимен и Никандр Ростовский, Епископы Афанасий Суздальский, два Гурия, Смоленский и Рязанский, Акакий Тверской, Феодосий Коломенский, Нифонт Сарский и Киприан Вологодский, в присутствии двора и послов иноземных, избрали и посвятили соборно игумена Селижаровского Гурия, архиепископом в Казань, и дали ему степень вслед за Новгородским, из уважения к царственной его епархии. Десятина доходов завоеванной области и многие волости царские определены для содержания Святителя, который отпущен из Москвы на судах, с крестами и хоругвями. Обращение многих тысяч язычников и Магометан, к свету Христову, было подвигом всей жизни Гурия, причтенного к лику святых. Около того же времени председательствовал Макарий на другом, менее знаменитом соборе, осудившем начала ереси, которая вкрадывалась к нам из Литвы. Отвержение церковных правил, обрядов и икон, и сомнение в Божестве Спасителя, обнаружили виновных, Бакшина и его немногих последователей; их предали анафеме, после тщетных увещаний игумена Троицкого Артемия, который впоследствии сам подвергся подозрениям и сослан в Соловецкий монастырь. Полагают, что и Кассиан, Епископ Рязанский, по той же причине лишен был своей епархии. – Преемник Артемия игумен Елевферий, впервые возведен в сан архимандрита, и лавра его почтена старейшинством пред всеми обителями Русскими, в залог особенного усердия Иоаннова к великому угоднику Сергию. Наружное его благочестие и благодарность Господу за дарованные победы ознаменовались, кроме щедрых милостынь и вкладов, строением великолепнейшего из храмов Московских, пред вратами Спасскими Кремля, во имя Покрова Пресвятой Девы. Храм сей,

более известный под именем Василия блаженного, в нем почивающего, поражает взоры своею необычайною, полувосточною, полу-готическою громадою, как славный памятник победы, как бы самый образ покоренной Казани, припавшей под сень древней Московской святыни.

Скоро жестокая болезнь, которая едва не свела во гроб Иоанна, послужила началом грядущих бедствий России: ибо на одре смертном испытал он опять смуты боярские своего детства; самые близкие вельможи не хотели присягать малолетнему сыну его Дмитрию, из страха безначалия, и клонили на сторону его двоюродного брата Владимира. Однакоже исцеленный Царь, казалось, забыл их своеволие и по данному обету отправился на богомолье в лавру, Песношь и Белоозеро. Инок Максим Грек, является здесь в последний раз уже на исходе своего тридцатилетнего страдания. Неизвестно, по каким тайным побуждениям, отклонял он Иоанна от дальнейшего пути, предрекая даже безвременную кончину Царевича, но не был послушан. В Песноше другое замечательное свидание ожидало Царя, пагубное для его душевного спокойствия; там жил на смирении бывший Епископ Коломенский Касиан, некогда друг В. Князя Василия и Митрополита Даниила; ожесточенный годами и затвором, старец, в беседе с Иоанном, дал ему совет по сердцу: не держать между близкими никого мудрее себя, чтобы свободно властвовать; и посеянное им слово принесло в свое время гибельный плод.

Умерший Дмитрий заменен был Царю двумя сынами, Иоанном и Феодором: но ничто не вознаградило ему ранней кончины добродетельной Анастасии, с которою рушилось все благосостояние; – жестокий нрав второй супруги Царя, Княжны Марии Черкасской, и происки вельмож погубили лучших его сподвижников: Сильвестра и Адашева обвинили в отравлении Царицы Анастасии. Оба, предвидя свою участь, искали удалиться; Сильвестр постригся на Белоозере, но вызван на суд в Москву и заточен в Соловецком. Адашев, заранее испросив себе сан воеводы в Ливонии, был лишен его и скончался в темнице Дерптской.

Еще пылала тогда война Ливонская, славная оружием нашему, ибо под ударами вождей, Курбского, Серебряного и Адашева, падали строи и города рыцарские, и взят самый Феллин, их столица, но она бесполезна была для государства: Иоанн с немногими городами удержал одно титуло Государя Ливонской земли. Орден сокрушился, его бывший Магистр и рыцари томились в темницах Московских; но последний В. Магистр Кетлер, не видя ни отколе спасения, поддался Королю Польскому Сигизмунду, сложив с себя воинские достоинства главы Меченосцев для получения герцогства Курляндского. Часть его приморских владений отошла к Швеции; отселе возникла продолжительная война с сими двумя державами. Но хотя Литва уже навсегда присоединилась к Польше и могла действовать общими силами против России, однакоже успехи Иоанна, до смерти слабого Короля Сигизмунда, были блистательны. Он сам взял Полоцк и тем окончилась его личная воинская слава: Епископ сей древней Русской епархии отослан с пленными в Москву, и Суздальский Трифон на краткое время назначен туда Архиепископом, до обратного завоевания Полоцка Поляками. Встреча, подобная Казанской, ожидала победителя, хотя уже перемена его характера убила в сердцах радость.

Митрополит Макарий опять приветствовал в Москве Царя и вскоре преставился. Свидетель первой славной половины царствования Иоанна, он был избавлен Провидением от кровавых ужасов второй, и еще отошел с миром, оставив по себе благую память опытного пастыря, руководившего его к добру. Любитель просвещения, со слабыми средствами своего века, он невинно причинил много вреда Стоглавом, но принес и великую пользу своими учеными трудами, продолжением летописи Киприановой, переводом греческих миней и заведением первой в Москве типографии, где напечатаны при нем деяния и послания Апостольские. Суемудрые толки против книгопечатания, возбуждившего нареkania писцов, остановили первые его успехи, по кончине покровителя Макария, и хотя еще было издано Евангелие, по воле Царя, он уступил однакоже знаменитому Князю Константину Острожскому,

наместнику Киева, пособия и славу напечатать у себя полную Славянскую Библию.

В Литве, после Митрополита Иосифа Салтана, продолжался ряд православных Митрополитов Киевских. Не уступал ему в ревности преемник **Иона II**, избранный по предстательству В. Княгини Елены, который утвердил в православии многих князей Литовских, и успех сей был причиною, что Король Польский, на Гродненском сейме (1522 г.), запретил назначать православных в сенаторы и высшие должности государственные, оставив им однакоже право избрания своих Первосвященителей. Последовавшие за ним Митрополиты, благословенные Патриархами Константинополя, – **Иосиф II**, из Епископов Полоцких, **Макарий II**, из придворных священников В. Княгини Елены, **Сильвестр**, **Иона III** (1569 г), при коем, конституцией сейма Люблинского, совершилось соединение княжества Литовского с королевством Польским, в лице Сигизмунда Августа, и **Илия**, с помощью побед Государей российских, сильно противоборствовали влиянию Рима и ереси Лютеровой, проникшей в западные пределы наши, где многих обольстило исповедание Латинское, даже из числа духовных.

41. Афанасий

В Москве, после Макария, избран Митрополитом (1564 г.) духовник царский, архимандрит **Афанасий** и соборною грамотою утверждено ему и преемникам ношение белого клобука, который имел его предместник, как владыка Новгорода. Но недолго оставался на своей кафедре Афанасий; испуганный нравственною переменою своего духовного сына, он чрез год удалился в Новоспасский монастырь, созданный Иоанном III, вместо первоначальной Спасской обители прадеда Калиты.

Внезапное удаление Царя, со всем семейством, в слободу Александровскую, под предлогом опасения от своих подданных, ознаменовало начало ужасов его царствования. Смятенная столица послала святителей и бояр умолять Государя о возвращении. Он смиловался с условием не вступаться за его жертв, – и пали головы первостепенных вельмож. В порыве непонятого иступления Иоанн разделил всю Россию на две части: одну назвал своею собственностью или опричиною, в которую включил многие города и участки самой столицы, под личным управлением; другую, с именем земщины, поручил боярам, жертвуя ею во всех случаях своей опрличине. Себя же окружил шеститысячною стражею буйных юношей, с коими обтекал города и села, предавая их огню и мечу и насилию, так, что страшные его опричники прослыли кромешниками в народе, от тьмы кромешной, из коей казалось исторглись.

Избегая столицы, в Александрове устроил он себе келлии, палаты с крестовою великолепною церковью, и обнес их оградой наподобие обители; там, в черной мантии инок, которою как бы на поругание, облек и свою кровожадную братию, ревностно исполнял он весь устав церковный, чтобы заглушить совесть, молясь и карая, из храма выходя на пытки: – странная игра человеческого сердца, благочестивые навыки детства, всосанные с молоком, набожность внешняя, обратившаяся ему в природу, без отчета и отголоска в сердце,

пробивалась всюду сквозь жестокую, грубую оболочку страстей, которая в свою череду сделалась второю природою Иоанна. Твердо изучив писания, владея пером сильным, из грозного своего приюта рассылал он язвительные послания по окрестным монастырям, обличая их в несоблюдении устава, в нарушении строгих правил жития иноческого, которого казался первым ревнителем.

Нашелся и ему отважный обличитель, венчанный также, но только венцом мученика, поверх пастырской митры. Робкий Афанасий удалился, не в силах будучи противостоять подобной буре; на Германа Архиепископа Казанского пал выбор царский. Тщетно отказывался святой старец; ему повелели занять покои первосвятительские в ожидании торжественного поставления. Чувствуя долг своего звания, Герман хотел однако же предварительно беседовать с Царем, и увещанием пастырским, дерзнул отклонять его от губительного пути, по коему стремился. Разгневанный Иоанн изгнал его из палат Кремлевских в прежнюю епархию и приступил к новому выбору.

42. Святой Филипп II

Он вспомнил знакомого ему в детстве св. игумена **Филиппа** (1565 г.), происходившего от рода боярского Колычевых. Давно уже, оставив суету мира, спасался он в дикой пустыне Соловецкой, где строгая жизнь инока не мешала ему заниматься устройством своей далекой обители и распространением света Христова вокруг Белого поморья. Молва о святой жизни Филиппа побудила Царя вызвать его к себе, под предлогом духовного совета. С горькими слезами оставил старец свое уединение и, испуганный предложением высокого сана, умолял не лишать его пустыни и святых отец. Он видел долг звания, предвидел и участь, и на первом шагу уже не хотел признать гибельной опричины, отторгавшей часть его паствы. Он убеждал Епископов стоять твердо против столь пагубного раздела; но одни безмолвствовали от страха, другие потворствовали из человекоугодия: все умоляли его не раздражать исступленного своим удалением, не предавать гневу его государство и Церковь, и, ради их будущих льстивых надежд, согласился Филипп, избегая нареkania гордости и упорства. Он знал, что новые бедствия скоро поставят его лицом к лицу с Иоанном и дадут изречь слово истины.

В самый день посвящения уже раздались с кафедры увещания его на приветственную речь Царя: ибо молчание, говорил ревностный пастырь, полагает на душу грех и наносит всенародную смерть. Иоанн, еще под влиянием первого впечатления, внимал спокойно Митрополиту, ласкал, или лучше сказать, терпел его, и временно престоли казни, но ненадолго. Они повторились с новыми ужасами в бедствующей столице и жалобы бояр, прибегавших к заступлению Филиппа, подвигли его душу.

Однажды в день воскресный, когда служил он литургию в соборе Успенском, взошел Царь в толпе своих опричников, облеченный сам в странные одежды, и стал у кафедры принять благословение; но Святитель, устремив взоры на икону Спасову, казалось, не заметил прихода царского: бояре

возвестили ему Иоанна. «Не узнаю Царя в такой одежде, возразил он, не узнаю и в делах царства: кому поревновал ты, о Царь, изменив образ твоего благолепия? убойся Божия суда; здесь приносим мы бескровную жертву Господу, а за алтарем льется неповинная кровь Христианская!» – Иоанн закипел гневом, угрозами хотел закрыть уста его, но они не страшны были святому мужу: «я пришлец, пресельник на земли, как и все отцы мои, тихо отвечал он, и готов пострадать за истину; где же вера моя, если умолкну?»

Вне себя от ярости вышел из собора Иоанн; однакоже, несмотря на внушения своих приближенных, некий тайный страх еще удерживал его возложить руку на святого. Он только избегал лица его, встречаясь с ним в одних храмах, но там гремели обличения. Крестный ход соединил обоих на стенах Девичьего монастыря, и Митрополит, обратясь к народу, увидел одного из опричников с покровенною головою. Он указал виновного Иоанну, жалуясь на сей Татарский обычай его дружины; но любимец царский уже успел снять тафью, и в свою череду обвинил в клевете Филиппа. Иоанн решился, наконец, свергнуть тягостное для себя иго его добродетели, и искал лишь законной вины. Он послал Суздальского Епископа Пафнутия в Соловецкую обитель испытать жизнь Филиппову, на самом том месте, где протекла большая часть ее в подвигах духовных; но никто из братии не дерзнул клеветать на бывшего настоятеля; один только игумен Паисий увлечен был лелью и угрозами к его обвинению. Обрадованный Царь призвал Митрополита, как подсудимого, на собор духовный, где в числе судей его заседал и владыка Новгорода, честолубивый Пимен, скоро восприявший достойную мзду, с Филофеем Рязанским, Пафнутием Суздальским и другими угодниками Иоанна; заточение было их наградой. Св. Филипп предрек его Пимену, и сам, слагая с себя мантию и белый клобук, радостно отдавал их Царю, прося опять пустыни и безмолвия, и убеждая Епископов твердо стоять за Церковь Христову. Но Иоанн хотел мщенья торжественного за обличения всенародные; он принудил Митрополита служить еще однажды литургию. Толпа опричников с воплем ворвалась в храм, когда Святитель стоял

уже пред престолом, спокойно принося последнюю жертву, готовый принести и самого себя за имя Христово; с него сорвали ризы, одели в рубище и повлекли в темницу. Старец, осеняя на пути народ, повторил только, «молитесь» и в дверях собора возгласил: «радуюсь, что все сие приобрел ради Церкви; но наступит время вдовства ее, когда пастыри ее будут презираемы, как наемники».

На другой день, в палатах царских, в присутствии Царя, объявлено Филиппу его низложение; со спокойствием выслушав приговор свой, он еще однажды умолял Царя, вспомнить пример своих предков и престать от убийств. В монастыре Никольском, куда временно был заточен, получил он дар от Иоанна – окровавленную голову своего племянника. Филипп благословил ее и возвратил пославшему. Через неделю отвезли его, под крепкою стражей в Тверский Отроч монастырь, где в тесной келлии пребывал на молитве до мученической своей кончины.

43. Кирилл III

Безмолвный инок, игумен Новинский **Кирилл**, посвящен был на его место (1568 г.), но Церковь и государство не приметили пребывания его на кафедре Московской. Он и преемник **Антоний**, избранный из Архиепископов Полоцких, скользнули как тени, во мрак последних, ужасных лет Иоанна; после Св. Филиппа они уже казались мертвыми!

На свой Новгород поднялся Иоанн, когда еще длилась без успеха внешняя война с Сигизмундом; – преданность Королю Польскому послужила предлогом разорения собственных городов. Все предано было огню и мечу, на пути его к Ильмену, начиная с Клина. Посреди опустошения Твери не забыл мучитель о прежней своей жертве; он послал достойного клеветника Малюта Скуратова, как бы за благословением, в Отроч монастырь. «Твори то, зачем прислан», спокойно сказал ему Св. Филипп, и был задушен в келлии, пострадав за истину как другой Предтеча. Многими великими Иерархами просияла Церковь Российская, но в числе их один только мученик, и слава его нетленна, как нетленны самые останки. Живое слово Филиппа, казалось, удержало жизнь и в мертвенном его теле, и не мог рассыпаться неколебимый столп сей, подпиравший Церковь. На четырех столпах покоится Церковь Московская и всея Руси: Петр, Алексей, Иона, Филипп, – кто потрясет подобную твердыню! В соборе Успенском мощи священномученика; тщетно обитель Соловецкая испросила их, в кроткие дни Феодора, чтобы упокоить, под шум своих белых пучин, избравшего некогда утес океана пустынным себе приютом. Пастырь добрый, положивший душу за овцы, должен был отдыхать на месте своего подвига.

От Твери продолжалась кровавая стезя Иоанна; дружина предупредила его убийствами в Новгороде: иноки, богатейшие граждане поставлены были на правеж и многие не перенесли ударов; одних духовных пострададо более пятисот; имущества обителей разграбили; простой народ свергали тысячами в Волхов. Владыка Пимен встретил с крестами на мосту; Царь

назвал его изменником и сурово велел идти служить литургию в Софийский собор; из храма зашел к нему на трапезу, и, по данному знаку, с воплем бросились на него опричники, схватили всех бояр и посадили под стражу. Сосланный в слободу Александровскую, он там лишен был сана и заключен в монастырь Тульский; а Новгород, исполненный смерти, которую умножили еще голод и мор, следствие казней, опустел после грозного посещения Иоаннова. Он собрал там великие богатства и побегал из Хутыня, пораженный тайным ужасом, когда хотел коснуться раки преподобного Варлаама. Расхищая святотатно одни обители, благоговейно украшал он другие: Троицкая лавра и Кирилов монастырь были исключительным предметом его усердия; два собора, Успенский и Сошественский, воздвигнуты им в лавре и обитель Белоозерская укреплена твердыми стенами, где думал найти спасение от набегов Татарских и от своих подданных, ибо там намерен был постричься и туда сложил сокровища, добытые им в Казани и Новгороде.

Псков едва не подвергся той же участи, как и древняя столица Рюрика. Уже грозный истребитель стоял под его стенами, и последняя ночь осенила трепещущий Псков; все граждане проводили ее на молитве; ударили в колокол к утрени и тихий звон смягчил жестокое сердце; умилился Иоанн и утих. С хлебом и солью встретил его народ, куском сырого мяса юродивый Салос в своей келлии. «Я Христианин и не ем мяса в великий пост», сказал ему удивленный Царь. «Ты пьешь человеческую кровь», отвечал смелый отшельник, и смятенный Иоанн остался безответен и поспешил из Пскова. Не радостный гость ожидал его в Москве: воинственный Хан Девлет Гирей, с Ордою Крымцев, обошел на Оке воевод и, подступив к Москве, выжег все ее посады. Митрополит Кирилл едва не задохся от дыма в Кремле; Иоанн бежал. Вторичное нашествие Хана было менее ему удачно; знаменитый воевода Воротынский, будущий мученик неблагодарного Иоанна, разбил совершенно Хана недалеко от столицы; а Царь опять удалился в Новгород, но на сей раз без пролития крови, смиренным богомольцем, на тех же

местах, где свирепствовал мучителем, и привез с собою в утешение гражданам нового Владыку Леонида.

Тревожимый совестью Иоанн, как бы невольно, теснился в Церковь, чтобы в ней найти приют от внутренней бури, и наполнял ее непрестанно своими ужасами, так, что на каждом шагу его жизни, деяние церковное стоит подле убийства, и в страшном смешении мелькают вокруг него то лица святительские, то опричники. После убиения Св. Филиппа и свержения Пимена, странно видеть того же Иоанна, преданного всему пылу страстей своих, смиренно просящего разрешения на четвертый брак у собора Епископов, которые разрешили брак, вопреки правил церковных, и возложили на него епитимью, безмолвствуя о потоках крови, им проливаемой. Это происходило уже по кончине Кирилла и в небытность Митрополита. **Антоний**, возведенный на его место, председательствовал на другом соборе, который, по требованию царскому, запретил (1572 г.) монастырям приобретать новые вотчины, и возвратил Государю те из них, которые пожертвованы были В. Князьями Московскими. Затруднительные обстоятельства России принудили прибегнуть к сей мере.

44. Антоний

Уничтожилась, наконец, ненавистная опричина, стоившая столько крови, но не перестала литься кровь сановников, мирских и духовных; в числе их пострадал Владыка Новгорода Леонид, и благочестивый игумен Печерский Корнилий, который встретил более счастливо Иоанна, в час опасности Пскова, нежели в собственной обители, во время Ливонского похода, и Феодорит муж праведный, принесший ему некогда благословенную грамоту патриаршую на царство, и с тех пор опять уединившийся на севере, где устроил обитель посреди крещеных им Лопарей. Когда же таким образом внутри враждовал сам Иоанн, извне восстали новые сильные враги. Несчастливая Ливония продолжала быть предметом и поприщем жестокой борьбы. С одной стороны опустошали ее войска Иоанновы, который сам домогался звания ее Государя, и дал мечтательный титул Короля Ливонского Принцу Датскому Магнусу, женив его на своей племяннице. С другой стороны вторгались Шведы, стараясь удержать за собою поморье: явился и третий могущественный воитель, сильнее и деятельнее своих соперников, новый Король Степан Баторий, избранный из Князей Седмиградских после бегства Генриха Валуа. Еще недавно чины Польские и Литовские предлагали корону юному сыну Иоанна Феодору; но честолюбивый отец, присваивая ее себе, утратил для обоих. Тоже самое должно было повториться чрез несколько лет с Сигизмундом и Владиславом Польскими, в отношении России. Витязь, поседевших в битвах, Баторий, славою побед своих, затмил оружием воевод наших. Древний Полоцк, несмотря на мужественную защиту жителей, ободряемых своим архиепископом Киприаном, сдался. Неприятель двинулся в самые пределы наши и поставил стан свой под стенами Пскова, но храбрый воевода Шуйский отразил все его приступы и сделал тщетною долгую осаду.

Непонятная робость, следствие внутреннего смятения, овладела душою Иоанна. Имея многочисленное войско, он

искал помощи в посредничестве чуждых держав, с коими, во все течение долгого царствования, находился в сношениях дружественных и торговых. Император и Папа вступились в дела Польские. Григорий XIII не упустил случая благоприятного для своих видов; он отправил иезуита Антония Посевина, к враждующим, который, в качестве посредника, переходя из стана в стан, способствовал к заключению перемирия невыгодного для России, ибо после стольких пожертвований она уступила Ливонию и Полоцк Литве. – Хитрый Антоний усиливался обратить Иоанна к союзу Флорентинскому, к каждой из политических бесед своих примешивал слова о соединении Церквей; но Иоанн, не менее тонкий, старался отклонять всякое состязание, чтобы оскорблением легата не повредить делам своим. Когда же уверен был в перемирии, решительнее давал ответы; иногда даже не в силах будучи умерить своего пылкого нрава, он выражался сильно насчет честолюбия и самовластия первосвященников Римских, и опять смягчался видя неудовольствие Поссевина. Несмотря однакоже на все его просьбы, он не дозволил купцам Венецианским строить Латинских церквей в государстве, и отпустил посла с честью и богатыми дарами. Но посещение Антония, недействительное в Москве, оставило по себе глубокие следы в Литве, где ревностные его увещания и хитрая политика произвели чрез несколько лет Унию, столь гибельную в летописях Церкви и отечества.

Покорение Сибири Ермаком было последним отблеском могущества Иоаннова, более славного на востоке, нежели на западе. Третье царство Татарское уже сокрушалось у подножия его престола; оставалась одна тревожная Орда Крымская для совершенного сотрения памяти Монгольской. А сам он преждевременно склонялся в могилу, испепелившийся внутренно пылом страстей целой жизни. Сильно потрясла его бедственная кончина царевича Иоанна; неистовый отец поразил его жезлом, в припадке ярости, и опомнился уже над трупом; богатые милостыни, по душу его, посланы были на Синай и Афон и к Св. гробу. Наследниками остались слабый Феодор и младенец Димитрий, рожденный от седьмого брака, горько

памятный России. Наконец болезнь душевная Иоанна сообщилась и телу; окруженный столькими теньями, им убиенных, он угасал как багровое солнце в тучах. В час кончины, Митрополит **Дионисий**, зная желание державного, стал постригать его на имя любимой им обители Белоозерской, и уже не грозный Иоанн, но смиренный инок Иона, предал дух свой небесному судье его страшного на земле царствования.

45. Дионисий

Настало мирное время Феодора (1582 г.), как тишина после бури; в лице его род Рюриков прощался с Россией, осыпая ее последними благодеяниями, и торжественно было сие прощание, между ужасов Иоанновых и мятежей Самозванцев. Пять думных бояр оставлены были могущественным отцом слабому сыну, Князя Шуйский, Мстиславский и Бельский и родственные Никита Романов, его дядя и шурин Борис Годунов, будущий Царь, заблаговременно принявший бразды правления и удаливший и прочих вельмож. Малолетнего Димитрия, с матерью Царицею Марфою и всем двором его, послали на воспитание в удельный Углич. По примеру родителя венчался на царство Феодор: Митрополит Дионисий, возложив на него венец Мономахов, помазал Св. миром, по чину венчания Императоров Греческих, которое получил Иоанн от Патриарха.

Мудрыми распоряжениями Годунова благоденствовало государство, мирное с соседними державами, Швецией и Польшею, где доживал, славные дни старец Баторий, расширяющееся к востоку. Строение Архангельска, Уральска, слободы Волжских Казаков, и крепостей на Тереке, обозначило наши дальние грани. Сибирь, покинутая после завоевания Ермаком, вторично покорила Воеводам царским, которые основались близ древней столицы ее Искера в Тобольске. Царь Кучум бежал в степи; пленные дети его стояли уже в рядах царедворцев, с бывшим Царем Касимовским, из рода Казанских, Симеоном, переименованным в В. Князя Твери. Еще одно царство покорилося, древняя Иверия, теснимая Персами и Турками. Царь ее Александр присягнул на подданство России, и Феодор послал в его области священников, для поддержания Христианства и просвещения между пострадавшими от долгих бедствий.

Одно только честолюбие Бориса нарушало временно спокойствие палат Кремлевских, возбуждая ненависть бояр, которым в свою чреду отмщал он заточением. Князь Шуйский, единомышленный Митрополиту, восстал против правителя, и

хотел убедить Феодора развестись с сестрою Годунова, Ириною, за ее неплодие, подобно как поступил дед его с Соломонией; но умысел открылся: тщетно мирил Дионисий Шуйского с Борисом: непрочен был мир, и знаменитый защитник Пскова скончался в темнице Белоозерской. Сам Митрополит, муж характера твердого, прозванный грамматиком по своей учености и красноречию, пострадал за славного друга. Он отважился обличать Царю своеволие и гонения Годунова и не устоял против его власти. Лишенный кафедры, вместе с преданным ему Архиепископом Крутицким Варлаамом, Дионисий был сослан в Новгород и там скончался, в прежней своей Хутынской обители. Согласно с желанием правителя, на престол Московский и всея Руси, возвели Архиепископа Ростовского, еще недавно бывшего Епископом Коломенским, **Иова** (46. Иов. 1587 г.). – Отселе разверзаются уже скрижали Патриаршие.

Патриархи

1. Иов

Важное событие совершилось тогда в Российской Церкви, важное по самой эпохе, ибо гражданское благосостояние уже клонилось к падению, с угасающим родом Рюрика, и предстояла долголетняя буря, во время коей Церковь спасла отечество, в лице своих первосвященников, принявших кормило, важное и по восстановлению внешнего, церковного порядка. Протекло уже около полутора столетий после падения Царьграда, и Митрополиты Всероссийские, поставляемые собором своих Епископов, не были утверждаемы Патриархами Константинопольскими, хотя продолжали числиться в их духовной области. – Первоначальное их на то согласие и бедственные обстоятельства Востока могли отчасти извинять сию неточность в подчиненности иерархической, столь необходимой для единства Кафолической Церкви; но продолжение подобного состояния могло бы сделаться опасным. Отдаленность и самая обширность Российской Церкви невольно устраняли непосредственную зависимость ее от бедствующего престола Константинопольского; но с другой стороны ей нельзя было сделаться самобытною, без общего согласия четырех Вселенских Патриархов, чтобы не впасть в пагубный разрыв единства.

Господь же Иисус Христос, промысляющий о той, которую стяжал своею драгоценною кровью, сам все устроил ко благу, такими средствами, которые по наружности кажутся иногда только счастливым стечением обстоятельств, в сущности же суть таинственные пути Провидения. В короткое время два Патриарха, Антиохийский и Константинопольский, пришли за милостынею в наше отечество, а набожный Царь Феодор, услаждавший душу благолепием обрядов церковных, пожелал возвеличить саном патриаршим Митрополитов Всероссийских, и сие произвольное стремление его сердца едва ли не было единственным самобытным действием всего его правления, в котором не участвовало честолюбие Бориса. – Учреждение соборное пятого Патриарха, на место отпавшего Римского,

представлялось столь великим событием в мире церковном, как явствуется из самых выражений современных актов, что оно никак не могло входить в расчеты политические людей и века, живших более жизнью церковною, нежели гражданскою. Самая постепенность в ходе сего дела показывает, с какою робостью к нему приступали, и что всего замечательнее, – Церковь Российская узнала о том, уже после согласия Царя с Патриархом Цареградским.

В 1580 году, еще при Митрополите Дионисие, когда приходил в Москву Патриарх Антиохийский **Иоаким**, встреча их в Успенском соборе подала первую мысль об учреждении патриаршества; ибо часто от малых начал проистекают великие последствия. – Митрополит Дионисий не хотел уступить первенства Патриарху Иоакиму и благословил его прежде, нежели сам принял от него благословение, что тогда же слегка заметил ему Патриарх. Вскоре после благочестивый Государь, изложив своей боярской думе, о древнем и новом образе поставления Митрополитов наших, рассуждал, что приличнее было бы учинить в России Патриарха, и послал боярина Годунова советоваться о том с Антиохийским Святителем; но Иоаким отозвался, что дело сие подлежит суду целого собора, и обещал только совещаться с Константинопольским и прочими Патриархами.

Два года спустя, уже при Митрополите **Иове**, посетил Россию сам Патриарх Цареградский **Иеремия II**, знаменитый своею ученостью и страданиями ради Церкви; – он даже был заточен Султаном Муратом в Родосе, за твердую защиту прав ее. Лишенный древнего патриаршего храма, Иеремия пришел просить вспоможения у Царя Феодора, будучи предварен Антиохийским о его желании, и принят был с честью, подобающей Вселенскому Архипастырю, от коего зависела и Московская Церковь. Обрадованный Государь предложил Святителю навсегда остаться в России, во избежание бедствий Востока, и утвердить престол патриарший в начальном городе Владимире: ибо Феодор, при всем желании иметь в России Патриарха, еще колебался, чтобы с одной стороны не нарушить прав Константинопольского престола, независимостью

Российской Церкви, с другой же чуждался видеть близ себя Первосвятителем иноземца, не знавшего ни обычаев наших, ни языка для совещаний; не хотел также оскорбить и Митрополита Иова, поддерживаемого Годуновым, и вот единственное участие личных видов боярина в столь важном деле церковном.

Опытный старец Иеремия, посевший посреди трудных обстоятельств Востока, и ревностный к поддержанию собственного престола, не мог согласиться на предложение царское; он ясно видел, что отдаленное жительство во Владимире сделает его равно бесполезным обеим Церквам, Константинопольской и Московской, и просил отпуска в Царьград; наконец, после новых настояний со стороны Государя, решился поставить избранного им Митрополита Иова в Патриархи Всероссийские. Торжественный собор всех Архиереев Русских был созван в столице: сам Царь предложил им совещаться между собою, об учреждении патриаршества Московского, и собор положился во всем на волю Государя, будучи твердо уверен в его благочестивом рвении ко благу Церкви. Приступили в Успенском храме к избранию трех духовных особ, с предоставлением окончательного выбора Царю; Патриарх Иеремия принес имена их в палаты и на имени Иова остановился Феодор.

Но когда однажды (1588 г.) уже испрошено было законное согласие от престола Цареградского, на самобытное существование Церкви Российской, Государь стал наблюдать, чтобы ни в чем не нарушались права братского равенства между обоими Первосвяtitелями, и чтобы с первой минуты, полною независимостью от Царьграда, пользовался **Иов** Московский. Таким образом, при наречении, ему велено целоваться братски в уста с Иеремиею, и не оставлять своего посоха, если сам он не оставит пастырского жезла; изменен был и чин наречения, предложенный Вселенским Владыкою. Иов, со свечою в руках, не произносил ему благодарственной речи посреди собора, по древнему чину Константинопольскому; оба только приветствовали взаимно друг друга, на амвоне, и разошлись с равною честью в разные врата; торжество посвящения совершил Иеремия соборно, повторив опять над

избранным весь чин рукоположения епископского, ибо сугубая благодать нужна была высшему пастырю Церкви; потом оба Патриарха сели рядом на возвышенном амвоне, и Государь вручил драгоценный посох Иову, вместе с богатою мантией и белым клобуком, украшенным камнями. Царская трапеза ожидала в палатах Первосвятителей, и сам конюший боярин Годунов водил коня под новым Патриархом Московским, когда по обычаю поехал он благословлять весь город вокруг стен; – великолепные взаимные дары Царя и Патриарха заключили торжество.

Чрез несколько дней, Иов поставил в присутствии святейшего Иереии, двух бывших Архиепископов, Новгородского Александра и Ростовского Варлаама, в Митрополиты тех же епархий, а потом еще двух: Епископа Геласия Крутицкого, как наместника области патриаршей, и архимандрита Казанского монастыря, знаменитого Гермогена, Митрополитом в Казань. Два первые были в числе кандидатов на патриаршество, при избрании Иова и после того каждый из них опять был представлен, с двумя архимандритами, для выбора царского на свою митрополию. Царь Феодор Иоаннович предварительно условился со святейшим Иереиею, чтобы Патриархи Московские поставлялись собором своих Епископов, с извещением только Цареградского престола, которое долженствовало быть взаимным, при перемене каждого из Вселенских Патриархов. А для соборного избрания положено было тогда же умножить, в Российской Церкви, число митрополий до четырех и возвысить шесть епископов в архиепископии: Вологодскую, Суздальскую, Нижегородскую, Смоленскую, Рязанскую и Тверскую, и прибавить к бывшим епископствам Коломенскому и Брянскому, еще пять во Пскове, Ржеве Володимировом, на Устюге, Белоозере и в Дмитрове.

Государь, для большей прочности, велел изложить на пергамене все сие новое учреждение, митрополий, архиепископств и епископств, равно и пришествие Иереии, посвящение им Иова и данное согласие на поставление впредь Патриархов Всероссийских, собором своих Архиереев. Он скрепил грамоту, царскою своею печатью и двумя патриаршими,

и печатями всех Архиереев наших и Греческих, а в рукоприкладстве участвовали большая часть архимандритов и игуменов Русских, с архимандритами Цареградскими, от святых гор Синая и Афона и от Св. гроба, пришедших с Патриархом. При наступлении весны отпущен был Иеремия с великими дарами и честью, обещав вскоре прислать утвердительную грамоту от Вселенского собора.

Между тем, перемена внешних отношений Первосвятителя Московского к Цареградскому, из подчиненного в равного ему Патриарха, не изменила внутренних его отношений к своей Церкви: возвысился только один титул, но Митрополит, сделавшись Патриархом, не приобрел новых прав над своими Епископами: – сохранился неприкосновенным церковный суд его над подчиненным духовенством и волостями ему принадлежавшими, исключая тех обителей, коим была предоставлена своя расправа, несудимыми грамотами В. Князей; сохранились и обычные пошлины за вершение дел судных, до него восходивших, о браках, наследствах, завещаниях, святотатствах, и других, и узаконенная подать, которую взимали Митрополиты с каждого прихода своей церковной области, и уставленные деньги при рукоположении диаконов, священников, и дары при поставлении Епископов. Не изменился и самый двор древних Митрополитов, состоявший из своих бояр, дворян и дьяков, детей боярских и людей приказных, наподобие великокняжеского. В отношении же Самодержца, Патриарх остался в том священном положении, в какое искони поставила Вселенская Церковь своих иерархов, пред лицом Константина, Феодосия, Иустиниана и других величайших Императоров Римских: как духовный отец и богомолец царский, Иов приглашаем был в его советы, не вступаясь в них произвольно, и с благословения его вершались дела, предлагаемые ему на усмотрение Государем, который доверял его опытности в трудные годы царства...

Спустя год после отшествия Иеремии, Митрополит Дионисий Тырновский и всея Болгарии, от роду императорского Кантакузинов и Палеологов, принес в Москву к Царю и Патриарху соборную утвердительную грамоту Вселенских

Святителей, которые признавая с любовью Патриарха Московского своим собратом, на место отпавшего Римского, давали ему пятую степень в чиноначалии Вселенской Церкви и в ее молитвах после Иерусалимского, хотя первое желание Феодора было, чтобы Московский Первосвященитель поминался третьим, уступая Александрийскому, только по его титулу Судии вселенной. Грамоту сию подписали три Патриарха, Константинопольский Иеремия, Антиохийский Иоаким и Иерусалимский Софроний, за смертью четвертого Александрийского, и сверх того сорок два Митрополита восточные, девятнадцать Архиепископов, и двадцать Епископов, с прочим освященным собором. Несмотря на то, Царь и Патриарх, продолжали настаивать о третьей степени, а святейший Иов, на торжественном отпуске Митрополита Дионисия Тырновского, не принял его предложения о избрании кого-либо из Митрополитов Греческих, в представители лица своего у Константинопольского патриаршего престола, по примеру прочих иерархов восточных. С великою честью и с богатейшими дарами, ко всем Патриархам, отпустил Государь Митрополита Дионисия и, в пространной грамоте, изложил опять всему собору и наипаче Константинопольскому Владыке, все дело о его пришествии, совете, избрании и самой степени Иова, и послал щедрую милостыню на сооружение новой патриаршей церкви, вместо древнего храма Пантократора, отнятого Султаном Муратом.

Когда таким образом устроялась православная Церковь в России, великая опасность угрожала ей в пределах Польских и Литовских, выбором нового Короля. Колебалась безначальная Польша на сейме Краковском, где между тремя искателями ее шаткого престола, Максимилианом Австрийским, Сигизмундом Шведским и самим Феодором, всенародное множество клонилось уже в пользу Царя; но решительный отзыв великих послов наших, о неизменном православии Государя, открыл путь Королевицу Шведскому, и с воцарением Сигизмунда, ревнителя Рима, началась та враждебная политика Западной Церкви против России, которая столь жестоко отозвалась в Унии и Самозванцах и наконец в бедственном разорении

Московском. Феодор, как бы предчувствуя грозу от Сигизмунда, всеми средствами убеждал Максимилиана не уступать ему короны Польской, но дружественные сношения с Цесарем и богатые дары царские, предназначенные для общего крестового похода, были единственным плодом желанного союза.

Начались пограничные распри со Швецией, за частые набеги ее в Карелии, где разоряла волости Соловецкого монастыря и малые беззащитные пустыни. Сам Государь, не получив удовлетворения, поднялся в поход под Нарву; однакоже приступом сего города окончилась война, доставившая России несколько порубежных крепостей и краткое перемирие; враждебные замыслы Швеции обнаружились при первом благоприятном для нее случае, во время смут самозванцев.

Но самым гибельным происшествием сей эпохи, которое искуплено было впоследствии столь многою Христианскою кровью, была несчастная кончина Царевича Дмитрия, восьмилетнего брата Феодорова, убиенного в Угличе. По сказанию всех летописцев и единодушному гласу народа, он пал от руки людей, подосланных Годуновым, из опасения нелюбви к нему Дмитрия, и, чтобы истреблением сей последней отрасли царской, держава Российская перешла в его род. Князь Василий Шуйский, отправленный Царем в Углич, для исследования кровавого дела, обвинил в мятеже граждан, умертвивших убийц Царевича, а дядей его Нагих и всех приближенных, в небрежном за ним смотре; по неправому розыску, укрепленному многими свидетелями, выведено было будто блаженный отрок, в припадке падучей болезни играя сам накололся на нож. В Углицком соборе погребли праведное тело; казни и ссылки постигли ревностных горожан, коими населили Пелым на тундрах Сибирских, и запустел многолюдный Углич; а тела убитых в нем ради смерти Царевича, пристава Битятовского, его сына, племянника, сына мамки Дмитриевой, и других оглашенных в убийстве, предали земле с честью. Трое Нагих, дяди отрока, были разосланы по дальним темницам; Царица мать пострижена неволею, под именем Марфы, в дальних пределах Белозерских, в убогой обители Св. Николая.

Молва народная временно утихла, под спудом благодеяний Бориса, после страшных пожаров, опустошивших Москву и другие города; наконец все меры предосторожности человеческой были приняты, чтобы заглушить вопль земли Русской и вопиющую из недр ее кровь неповинную; – тщетно, сам Господь явил себя мстителем за неправду.

Неожиданное нашествие Хана Крымского Казы Гирея, отвлекло на время общее внимание. Воеводы пропустили полчища Крымские на берегах Оки, и с вершины Воробьевских гор, хищный Хан уже пожирал взорами златоверхую Москву, как бы свою добычу, которую обступили несметные его рати. Но, с высоты своего Кремлевского терема, спокойно взирал набожный Феодор на враждебные полки неверных и почитал грехом боязнь. Он поднял икону Донской Божией Матери, которая некогда сопутствовала предку его Димитрию на побоище Мамаевом; Патриарх Иов, с молебнами, вручил ее духовному собору, чтобы нести вокруг стен и поставить под шатром в походной церкви Св. Сергия, всегдашнего заступника в час бедствий, среди стана ратных, ополчившихся наскоро у врат столицы. День целый бились со стен и под стенами, и Годунов с воеводами распоряжал битвой; день целый страшное ожидание волновало сердца осажденных, кроме одного Феодора, который тихо заснул под шум воинской бури, сказав: «завтра не будет врага» и наутро его не было; – он бежал испуганный вестью о приближавшейся помощи, оставив по себе богатую добычу. На том месте, где стоял шатер Сергиев с чудотворною иконою, воздвигнут был усердием царским монастырь, во имя Донской Божией Матери, избранной воеводы сего победного дня, и щедро наградил Государь вождей своих, наипаче же правителя Бориса златою гривною.

Но едва миновалась опасность, как опять пробудилась молва народная о смерти Царевича; говорили, что Годунов был виною пожаров, Годунов накликал Хана, чтобы заглушить память Димитрия, Годунов будто бы подменил сына, родившегося у Феодора, дочь (рождение коей ознаменовано было богатою милостынею четырем патриаршим престолом и горько оплакана ранняя смерть ее безутешными родителями).

Жестокая молва сия, непрестанно возобновляясь при каждом событии, преследовала Бориса во все царствование Феодора, доколе не возросла, при собственной его державе, в меру возраста, в страшное лицо человеческое, которое одним своим подобием с Дмитриевым, сокрушило престол его.

Между тем, в южной России, усилия хитрого иезуита Антония Поссевина, отринутого Иоанном, о восстановлении союза Флорентинского, возымели, наконец, желанный успех, под покровительством Сигизмунда. Притеснения вельмож, которые вопреки статуту Литовскому, данному при его коронации, силою приобретали себе имения православного духовенства, принудили Митрополита **Онисифора**, пастыря ревностного, испросить новые привилегии у Короля, для ограждения своей Церкви. Уже десять лет управляя ею, с трудом мог он, при Стефане Батории, отклонить введение нового календаря Григорианского, запрещенного окружною грамотою Патриарха Иеремии. С одной стороны беспрестанные гонения, и внушения тайные и явные, к измене православию; с другой слабость защиты и крайняя борьба за основные права свои, произвели послабление нравов в духовенстве и неправильность в избрании Епископов. Сам Митрополит, хотя жития непорочного, был женат дважды, вопреки канонов, равномерно и Епископ Луцка Кирилл Терлецкий, первый виновник Унии.

Патриарх Иеремия, посещая впервые паству, не мог равнодушно смотреть на подобные беспорядки: властью своею он отрешил Митрополита Онисифора, и посвятил на его место представленного ему в Вильне дворянами Литовскими, **Михаила Рагозу**, против своего желания, по свидетельству летописи, как бы предчувствуя его отпадение. К несчастью двоеженство и порочная жизнь Епископа Луцкого не были еще тогда известны Патриарху, обольщенному его притворною ревностью, но Иеремия лишил сана преступного архимандрита Супрасльского Тимофея, и отправляясь в Москву поручил новому Митрополиту созвать в его отсутствие собор для исправления церковного. Чувствуя необходимость просвещения, Патриарх Иеремия, по примеру той ставропигии,

какую основал он в Успенском монастыре города Львова, принял под свое особое покровительство и училище братской Святодуховой обители в Вильне, объявив ее ставропигиальной, а на обратном пути благословил в Киеве начало Богоявленского братства, впоследствии преобразовавшегося в академию; потому что он видел, какое преимущество имели над православными образованные ревнители западной Церкви, иезуиты. Архиепископ Елассонский Арсений, сопутствовавший ему в Москву с Митрополитом Монеувасийским, где остался и получил епархию Суздальскую, может быть не без цели, взят был Иеремиею, из ректоров училища Львовского, чтобы на пути своем распространять повсюду просвещение.

Но после годичного пребывания в столице Русской, Патриарх не нашел в Вильне желанного собора, и увлекаемый далее делами церковными, решился ожидать его сперва в Замостье, потом в Валахии, хотя с тратою драгоценного времени и с большими издержками, тягостными для его убогого престола. – Но ожидания Иеремии были тщетны, слишком много обличений предстояло на соборе, а слабый Митрополит Рагоза опасался последствий. Между тем слух о порочной жизни Епископа Луцкого уже достиг до Иеремии, и он послал из Замостья иеромонаха Григория, с грамотою для его обличения, к Митрополиту; но Епископ Кирилл велел силою отнять ее у Григория, на пути чрез свою область; а сам исполненный дерзости, не устрасился ехать прямо к Патриарху для оправдания, взяв с собою ревностного в православии Епископа Львовского Гедеоны Болобана, и снова обольстил коварными уверениями Первосвященника; в знак своей приверженности он даже проводил его, вместе с Гедеоном, до границ Валахии.

Однакоже насильственный поступок Кирилла, с посланным патриаршим, не мог долго таиться; пробудилась новая молва, и Епископ Владимирский, Мелетий Богуринский, обличил опять Кирилла пред Патриархом. Тогда Иеремия, назначив своим экзархом на собор архимандрита Дионисия, вручил доверительную грамоту Мелетию для созвания сего собора, потому что не надеялся более на Митрополита; с него же требовал, как бы в наказание за потворство виновным, уплаты

тех издержек, какие принужден был сделать во время тщетных ожиданий в Замостье. Коварный Кирилл Терлецкий умел употребить в свою пользу и это малое обстоятельство; предвидя свое осуждение на соборе, он испугал Митрополита вымышленною пенею, и тем уклонил от исполнения воли патриаршей; а у Мелетия похитил, во время дружеского посещения, верующую грамоту и, после скорой его кончины, убедил Рагозу посвятить на епископство Владимирское Игнатия Поцея, которого сам недавно постриг в монашество из кастелянов Брестских, для своих преступных замыслов, зная, что Игнатий уже изменил однажды православию.

Оба они сделались главнейшими ревнителями Унии, и всеми убеждениями старались склонить к ней прочих Православных Епископов, на двух частных съездах в Бресте Литовском и Львове; но встретили сильных себе противников в Гедеоне Балабане Львовском и Михаиле Копыстенском, города Перемышля, и в красноречивом архимандрите Киево-Печерской лавры Никифоре Туре. Однакоже, почитая каждое средство позволительным для достижения цели, испросили лестью подпись обоих Епископов на пергаменте, на коем будто бы хотели писать челобитную к Королю, о новых привилегиях и ограждении Церкви православной, а вместо того написали соборное прошение к нему и Папе о соединении с Римскою.

Между тем, Патриарх Иеремия, слыша о волнении церкви Малороссийской, разослал окружную грамоту с другим экзархом своим Никифором, угрожая Митрополиту и Епископам в случае отступничества, извержением; но Король Сигизмунд обнадежил их своим покровительством, обещая, что отлучение патриаршее будет недействительно в областях его. Скорая кончина опытного правителя Церкви, святейшего Иеремии, и, в течение двух лет, частая перемена трех его преемников, благоприятствовало Унии, хотя управлявший после них престолом Константинопольским, мудрый Патриарх Александрийский Мелетий Пига, посылал новые окружные грамоты для поддержания православия, с экзархом своим Кириллом Лукарем, будущим Патриархом Царьграда. Не умолкали и два ревностные пастыря, Гедеон и Михаил Перемышльский, и

архимандрит Печерский; наряду с ними подвизался столетний старец воевода Киевский, Князь Константин Острожский, издавна знаменитый любовью своею к просвещению. Еще при Иоанне Грозном ему обязана была Церковь православная, изданием первой печатной Библии и других священных книг на славянском языке, и цветущими училищами в Остроге и Киеве. Он рассылал повсюду грамоты патриаршие и принимал под свое покровительство экзархов и православных, гонимых Королем, который не смел его касаться.

Несмотря на сии противодействия, Ипатий успел созвать в своей епархии собор, потому что удобнее мог склонить на свою сторону слабого Митрополита в пограничном Бресте Литовском, нежели в столице православия Киеве, или Вильне и Новогородке, обычном его пребывании. Кроме Митрополита, Ипатия и Кирилла, присутствовали еще, со стороны православных, Нафанаил Полоцкий, Гедеон Львовский, Михаил Перемышльский, Леонтий Пинский, Дионисий Холмский, со многими архимандритами и игуменами; а со стороны Римлян примат королевства, Архиепископ Гнезненский, с четырьмя другими Епископами. Ипатий, открыл собор убедительною речью о присоединении к Западной Церкви, и, после многих прений, преклоненный Митрополит с четырьмя Епископами, изменившими православию, Ипатием, Кириллом, Леонтием и Дионисием, подписали соборную грамоту о союзе, на условиях Флорентинских, но с сохранением всех правил и обрядов Восточной Церкви. – Смерть избавила Нафанаила Полоцкого от подписания столь горестного акта, но Гедеон и Михаил сильно восстали против, и нашли себе отголосок в духовенстве и народе. Однакоже Ипатий и Кирилл, старанием Короля Сигизмунда, посланы были, как бы от лица всей Российской Церкви, к первосвященнику Римскому, для засвидетельствования пред ним своей покорности, и Климент VIII торжествовал успешное совершение давно желанного союза. Но еще до возвращения послов, Гедеон и Михаил, узнав о злоупотреблении их собственноручной подписи, всенародно огласили сей коварный поступок, а Князь Острожский громко вопиял против измены Брестской, где пять архиереев выдали

все православие. Волнение общее, за древние догматы веры, в такое время, когда должен был собраться сейм королевский, сделало необходимым для обеих сторон созвание нового собора, который бы мог определить яснее настоящее положение Церкви и обнаружить ее истинных пастырей или противников, и в том же Бресте Литовском соединился опять собор гораздо многолюднейший первого. Там уже не одно духовенство православное пришло защищать права свои, но поднялся и старец Князь Константин Острожский с лучшим дворянством; от имени же Короля присутствовали гетман Литовский Радзивил с приматом и воеводами.

Два экзарха патриаршие, Никифор и Кирилл Лукарь, Митрополит Белградский Лука и Епископы Гедеон и Михаил, архимандрит Печерский Никифор и другие священные особы, были представителями своей Церкви на соборе Брестском (1596 г.). Видя колебание Митрополита Михаила, который только накануне подписал окончательное согласие на Унию, и притеснения от своих противников, не принимавших Никифора за экзарха патриаршего, они собрались торжественно в отдельном доме, потому что не могли испросить себе церкви; там, со всеми православными из клира и мирян, после двукратного, тщетного призывания Митрополита, предали его анафеме, как отступника от православия, вместе с отпадшими Епископами. А соборище Униатское и Римское, подтвердив торжественно первые условия союза, который запечатлело общественным служением в едином храме, произнесло тоже отлучение против благочестивых, и так распалась Церковь Малороссийская, на Православную и Униатскую, сохранив однакоже единообразие, не только в священнослужении наружном, но даже и в догматах, ибо Рим допустил сперва символ веры без изменения, и требовал наипаче одной лишь покорности Папе.

Отселе начались тяжкая долголетняя борьба Православия с Унией, во всех пределах Польских и Литовских, и гонения Западной Церкви, в особенности же правительства на тех, которые не хотели изменить вере предков: вопреки всех прежних основных узаконений, они лишались своих гражданских

прав, искони равных для обоих исповеданий. Гонения были столь жестоки, что три года спустя после Брестского собора, сенаторы и дворяне православные принуждены были соединиться с другими первостепенными и меньшими членами государства, исповедания протестантского, чтобы торжественным актом конфедерации Виленской, обещать друг другу взаимную помощь и защиту на сеймах и трибуналах, пред лицом королевским. Явились и другие защитники, вооруженные мечом вместо закона, вольные казаки сечи Запорожской, которые, под предводительством своих атаманов не раз уже устрашали Польшу. Король Стефан Баторий дал им привилегии законные, признав их атамана; но опасность в свободном исповедании веры православной, бывшей необходимым условием сечи, возмутила их против Сигизмунда, и даже на время лишила всех привилегий коронных, когда храбрый атаман Наливайко, нанеший столько уронов войскам Польским, сам наконец был разбит и сожжен гетманом Жолкевским. Скоро однакоже они восстали, под предводительством нового витязя Сагайдачного.

Возгорелась и иная война, язвительных прений и укоризн, между духовными обеих враждующих сторон, и доколе смерть не заключила уста защитников Церкви, Гедеона, Михаила Тура и самого Князя Осторожского, они подвизались словом и писанием, но все это было слабо в сравнении превозмогавшего насилия Унии. Епископы, избираемые из числа самых приверженных Риму, имели не только возможность проповедовать словом, но и действовать помощью правительства, и таким образом, в течение немногих лет, совратили до четырех миллионов людей в своих епархиях.

Митрополит Рагоза отнял у православных в Киеве древний собор Софийский, который однако недолго оставался в руках Униатов; но он тщетно старался присвоить себе лавру Печерскую, огражденную молитвами основателей Антония и Феодосия. Сам он не смел уже, после своего отпадения, обитать в Киеве и Вильне: местом постоянного пребывания избрал Новоградок, и там до конца жизни не преставал колебаться, уверяя письменно в своем православии Князя

Острожского и послов Российских, приезжавших в Польшу. Ипатий Владимирский, избранный по смерти его Митрополитом, поддержал и утвердил Унию, распространением Доминиканских монастырей, во всей своей церковной области, и насильственным отнятием многих имуществ у обителей православных, начиная с Киева. Он испросил запрещение королевское принимать в училища православных, и вместе с тем никуда не позволял посвящать неученых. Много содействовал в его решительных мерах к успеху Унии, Папа Климент VIII, дважды посылавший своего легата аббата Комулея к Царю Феодору, будто бы для общего крестового похода, но с той же целью, с какою некогда странствовал по России иезуит Антоний Поссевин.

А между тем, один за другим, отходили к покою поборники православия, уже никем не заменяемые. Прежде всех и почти в одно время скончались, столетний Князь Константин Острожский, как бы отживший уже другой век человеческий, чтобы поддержать бедствующую Церковь, в ожидании лучших времен, и бодрый ее пастырь Епископ Львовский Гедеон. – Семейство первого, кроме одного сына, воеводы Князя Василия, отпало в Унию; паства второго оставалась долго без главы, доколе наконец Митрополит Валахский не поставил на место его Епископа Иосифа. Скоро преставился последний ревнитель Церкви, Епископ Перемышльский Михаил, и все православные, не имея более святителей, принуждены были прибегать, для рукоположения священников и для святого мира, в отдаленный город Львов к Епископу Иосифу, единственному во всей юго-западной России. А дерзость Митрополита Ипатия возрастала по мере их упадка; даже с опасностью жизни продолжал он передавать древние обители Униатам, и в Вильне едва не сделался жертвою ярости народной, за насильственное присвоение Троицкого кафедрального монастыря. Вопреки правил церковных, заживо назначил он себе преемником, любимца своего Иосифа, который еще усилил Унию, учреждением конгрегации училищ и главной над ними семинарии. Противодействуя ему теми же средствами, некоторые из вельмож православных старались со своей

стороны заводить так называемые училищные братства, жертвуя в них своим имуществом.

В столь бедственном и безутешном положении находилась, в течение более двадцати лет, Церковь Малороссийская, лишенная своих Митрополитов и всех Епископов, до пришествия Патриарха Иерусалимского **Феофана**, волнуемая Униєю, одолеваемая Римом. – Но и Церкви Российской горько откликнулись сии смятения страждущей сестры ее, когда из того же зараженного гнезда, из тех же гибельных стихий, созданся страшный Самозванец, искусною рукою иезуитов, и тою же бурю дохнул на Россию.

Но уже Феодор закрыл глаза навеки (1598 г.), спасенный Провидением от зрелища грядущих бедствий: в лице его шестивековой род Рюрика прощался с Россиею, осыпая ее последними благодеяниями на вечную разлуку; – блаженна была кончина христолюбивого Царя: ему виделся святой муж, сретающий его в небесные сени, и пусть остался без него дом царства Московского. Безутешная вдовица Ирина, единодушно признанная правительствующею Царицею, оставила престол и постриглась в монастыре Новодевичьем; однакоже, на ее новое ангельское имя Александры, продолжали писаться грамоты и вершиться все дела, ибо не было другой главы государству. Патриарх соблюдал только тишину и созывал думу, сперва боярскую, потом земскую, для избрания Царя. Два лица привлекали на себя общее внимание, по сродству с усопшим: двоюродный брат его по матери Анастасии, боярин Феодор Никитич Романов, и шурин его по супруге Ирине – Борис Годунов.

Но Россия, в течение четырнадцатилетнего царствования Феодора, уже привыкла к правлению Бориса, и испуганная небывалым дотоле сиротством своим и безначалием, избрала его, по внушению Патриарха **Иова** и приближенных Бояр. – Долго отказывался Борис, и даже укрылся в келью Царицы сестры своей. Патриарх, с крестным ходом всего духовенства, едва мог умолить его на царство, ради пришествия к нему в обитель самой иконы Владимирской Богоматери, и торжественно венчал в соборе Успенском, венцом Мономаха.

Казалось все благоприятствовало новому Царю, мудрому и опытному в делах правления, уважаемому внутри и вне государства, коего один воинский стан испугал послов Крымских на берегах Оки, и с которым дружественно сносились Кесарь, Королева Английская, Шах Персидский, и ближние соседи. Двор его царский славился необычайною пышностью, а терем украшался цветущею семьею, сыном Феодором и дочерью Ксениею, предметами его нежнейшей любви, для коих старался упрочить светлое будущее и два престола: Русский Феодору и Датский Ксении, чрез союз брачный с Королевичем. – Не было причины сомневаться в порядке законного престолонаследия; но ближние бояре и родственники Феодора, Романовы, возбуждали подозрение Годунова. Их оклеветали в покушении на жизнь царскую и подобно Нагим, дядям отрока Димитрия, разосланы были по дальним темницам пять братьев Романовых, где четверо скончались. Старший из них Феодор и супруга его Мария пострижены неволею, первый, под именем Филарета, в пустынной Сийской обители, другая же, под именем Марфы, в обители Заонежской; а юный сын их Михаил, будущий Царь, разделил заключение с дядею своим, Князем Черкасским, на Белом озере.

Скоро распространился жестокий голод по всей России, тщетно облегчаемый благоразумными мерами Бориса, который кормил и занимал работами народ; памятником царских забот осталась сооруженная в столице колокольня Ивана Великого. От голода возникли болезни, разбои и своеволие по всему государству. – Это было только начало бедствий, которых не могли отклонить ни усердные молитвы, ни щедрые вклады и милостыни Бориса, великолепнейшего из всех Царей по своим даяниям. Страшные знамения как бы предвещали о наступающих смятениях; но, подобно кроткому супругу Феодору, еще с миром отошла инокиня Царица Александра; – остался Борис один, чтобы исчерпать все горе.

В сие тяжкое время пронесся слух по России, что давно оплакиваемый ею отрок, сын Иоаннов, Царевич Димитрий, жив и явился в Польше. Смущенный Борис стал испытывать о времени явления его, и о самом лице Самозванца, и вызвал

даже, для объяснения, заточенную мать Царевича, из Белоозера в столицу. Открылось, что некто из детей боярских, Григорий Отрепьев, живший сперва в услужении у Романовых, сметливый и грамотный, постригся в иноки, перешел из Суздаля в Чудов монастырь, где Патриарх Иов посвятил его в диаконы и занимал писанием канонов, несмотря на предостережение Митрополита Ростовского Ионы, который предвидел в юном недостойном чернеце сосуд дьявольский. При дворе Патриарха и Царя слышал Григорий, о бедственной кончине Царевича, о случайном сходстве своего лица со Дмитриевым, и в нескромных шутках обещался быть Царем на Москве. Дерзкая речь достигла Царя, и Соловецкий остров ожидал инока, когда, чрез родственного дьяка, узнав о своем осуждении, Отрепьев тайно бежал, с двумя другими чернецами, в Новгород Северский, переходя из обители в обитель. В Путивле впервые намекнул он архимандриту о своем высоком происхождении. Принятый в Киеве, у сына знаменитого Князя Константина Острожского, он опорочил себя нечистою жизнью, бежал в сечу Запорожскую к казакам, участвовал в их удачных походах; потом учился грамоте Польской и Латинской, в Волынском училище, и поступил в услужение к богатому вельможе Князю Адаму Вишневецкому, где в час мнимой болезни открылся духовнику и убедил легковерного Князя в своем царском роде.

Такое сказание, в беглом иноке Отрепьеве, распущено было из столицы, при первых слухах о появлении Лжедмитрия, и возглашена ему соборная анафема вместе с вечною памятью блаженному отроку; послан и дядя Отрепьева, Смирной, в Польшу для обличения племянника пред Сигизмундом, куда уже проник Самозванец, честимый Князем Вишневецким, как истинный сын Иоанна, будто бы спасенный верным врачом из Углича: он был поддерживаем иезуитами и папским нунцием Рангони, которые избрали его орудием для покорения России, и обратили к нему сердце Короля. Посреди тяжелой борьбы Унии с Православием, обуревавшей тогда Литву и Волынь, ничто не могло быть благоприятнее Риму, как появление такого лица, которое бы в силах было, лестью потрясти православие в самом его сердце, в столице Русской; всякое средство казалось

позволительным. – Сигизмунд, признав Лжедимитрия, не решился однакоже нарушить перемирия с Россиею, и дозволил только своим вельможам действовать в пользу мнимого Царевича.

Первый вооружился воевода Сендомирский Мнишек, горделивой дочери коего Марине обещал Самозванец руку и престол Московский; скоро присоединились к нему беглые шайки Украины и казаки Донские, убежденные одним изменником в подлинности Царевича; взволновались пределы Северские. Борис в недоумении мешкал и рассылал соборные грамоты патриаршие в Киев и Литву, для разуверения воевод, духовенства и народа; наконец выслал и войско, которому споспешествовала мужественная защита Новгорода Северского, воеводою Басмановым. – Дважды разбитый Самозванец, дважды опять появлялся с новыми силами уже в пределах Орловских, и между тем более и более приобретал себе мнение народное, когда внезапная кончина поразила Бориса, по выходе из царственной трапезы. Едва успел он приять образ иноческий, с именем Боголепа, и поручить Патриарху юного сына Феодора: – с ним кончилось и величие его дома.

Бояре присягнули новому Царю, но ненадолго: мужественный Басманов, избранный воеводою войску царскому, предал его Лжедимитрию; за сею изменою последовала другая, первейших вельмож Российских. Ужас объял столицу, грамоты Самозванца загревели с лобного места; тщетно бояре Шуйский и Мстиславский, по совету Патриарха, вышли из Кремля уговаривать народ, буйные кинулись в Кремль и свели юного Царя с его матерью и сестрою, в тот частный дом Бориса, отколе так пышно взошел он на царство. Бояре, единомышленники Самозванца, возгласили ему присягу, тщетно в соборном храме Успения обличал их Патриарх Иов; во время литургии вторглись злодеи в храм и совлекли с него святительские ризы. Сам он, сложив с себя панагию к образу Владычицы, с твердостью произнес: «здесь, пред сею иконою святою, поставлен я был в святители и девятнадцать лет хранил целость веры: ныне вижу бедствие царства, торжество

обмана и ереси; Матерь Божия спаси православие». На него надели черную рясу, позорили на площади и повезли на телеге в Старицкий монастырь, прежнюю его обитель. А юного Царя и его несчастную мать удушили убийцы, подобные тем, какие некогда нашлись для отрока Димитрия, – ибо Господь взыскивает иногда грехи отцов на детях.

Торжественно подвигался к Москве Лжедимитрий; сановники государства устремились к нему на сретение в Тулу, и уже там увидели его предпочтение иноземцам; первым советником его был иезуит. Радостно встретила столица мнимо воскресшего сына Иоаннова, по привязанности к древнему племени Царей своих, и скоро остыла к самозванцу, видя нечестие и своеволие окружавших его Поляков, и неуважение к святыне самого Царя, попиравшего отеческие предания. Приступили наскоро к избранию Патриарха, вместо заточенного Иова. Самозванец страшился Святителей Русских и выбрал Грека Игнатия, Архиепископа Рязанского, бывшего некогда Кипрским, который пришел в Россию с Патриархом Антиохийским и остался на жительство, подобно Арсению Элассонскому. Однакоже, для соблюдения порядка церковного, Лжедимитрий послал избранного им в Старицу, испросить благословение у старца Иова; но твердый посреди гонений, зная преклонность Игнатия к обычаям Римским, Святитель отказал в благословении, несмотря на угрозы, назвал его пастырем достойным своего атамана: вопреки Иову посвятили Игнатия. Для большого свидетельства о мнимом родстве с Иоанном, возвращены были из заточения, оставшиеся еще в живых, Нагие и Романовы, инок Филарет, инокиня Марфа и юный сын их Михаил. По воле Провидения, употребляющего и недостойные орудия на пользу, Лжедимитрий сделался виною возвышения Филарета Никитича, которого посвятили Митрополитом в Ростов. Возвращены и другие знаменитые изгнанники, мертвые и живые: гробы Нагих и гробы Романовых с честью перенесены в Москву; гроб же Бориса с бесчестием извергнут из собора Архангельского, и зарыт в монастыре Варсонофьевском, в ожидании третьего погребения в лавре Троицкой, уже при Шуйском.

И бедствующий Царь, из рода Казанских, Симеон Бекбулатович, названный В. Князем Тверским при Иоанне Грозном, сосланный в свою область и ослепший при Феодоре, на краткое время воспользовался милостью царскою, чтобы опять кончить заточением в Соловецкой и Белозерской обители, где довершил иноком странное и многомятежное свое поприще. Сама Царица инокиня Марфа, мать настоящего Димитрия, вызвана была вторично из Белозерской пустыни, мнимым ее сыном, и должна засвидетельствовать, безмолвным сознанием и приятием почестей царских, о подлинности Лжедимитрия. Ей устроили келью в Кремле в Вознесенском монастыре, где приняла она как дочь и гордую невесту Самозванца. С чрезвычайным торжеством пришла из Польши Марина, с отцом своим воеводою, к крайнему соблазну народа, по нескромности обычаев западных, и неуместной расточительности Царя, который отдавал целые области ей и тестю Мнишке. Два мужественные Святителя дерзнули требовать крещения новой Царицы и оставления догматов Римских, прежде ее венчания, Митрополит Гермоген Казанский и Иосиф Епископ Коломенский, и сосланы были в монастыри своих епархий; брак и венчание совершились вместе. Лжедимитрий, еще прежде дозволивший Римским священниками и Лютеранам отправлять свое богослужение в Кремле, уже совершенно пренебрегал обряды православные, переписываясь с Папою, который приглашал его к соединению Церквей, и находясь в тесных сношениях с его нунцием Рангони и иезуитами. Поход крестовый, для завоевания Царьграда, был любимой мечтою воинственного Самозванца. – Между тем, с умножением насилий Польских, оскудевало терпение народа; ропот и обличения делались более гласными. Один дьяк царский не убоился, в лицо Лжедимитрию, назвать его Отрепьевым, и заплатил жизнью за великодушную смелость, подобно другим, не щадившим себя для истины. В числе их явился царедворец, некогда льстивый при Годунове, Шуйский, который лжесвидетельствовал о убиении истинного Димитрия и отважился сказать правду о ложном. Ходатайство Царицы матери едва могло спасти его от казни, уже на лобном месте, но он сделался за то предметом

любви народной; беспечный Самозванец, забыв все меры благоразумия, посреди увеселений брачных, скоро возвратил его из ссылки, и Шуйский составил в доме своем заговор с боярами, людьми градскими и воинскими, для низвержения лжецаря.

Ночью взволновалась Москва, с рассветом ударили в набат и толпы вооруженных, предводимые Шуйским, устремились в Кремль к палатам царским. Одни только телохранители иноземные защищали Самозванца; он бросился из окна на житный двор, где был прежний дом Царя Бориса, и со сломанною ногою поднят был стрельцами. Еще раз требовали свидетельства матери, чтобы удостовериться в истине лица его, и в сию минуту вызванная из келий Марфа не признала его сыном. – Стали допрашивать самого Лжедмитрия, два выстрела поразили его среди допроса; бояре едва спасли его супругу Марину, с отцом ее и послами Польскими; но немногие из Поляков избегли яростной черни. Шуйский с трудом усмирил мятеж; прах Самозванца сожгли и развеяли. На другой день после смятения, дума боярская и народ единодушно избрали Царем виновника избавления, Князя Василия Шуйского, старейшего, между родами княжескими Рюрика. Митрополиты и Епископы благословили его на царство (1606 г.) и тогда же заключили в Чудов лжепатриарха Ипатия, поблажавшего Самозванцу. Новый Царь, прежде всего, требовал избрания нового Патриарха, чтобы не оставалась без пастыря Церковь Русская; – дряхлый Иов уже ослеп от зол и гонений. Общим голосом освященного собора избран был великодушный Митрополит Казанский Гермоген, исповедник во дни Лжедмитрия, мученик за веру и отечество во время междуцарствия, ибо страшная буря, возбужденная Самозванцем, не утихла его свержением; спасение Марины, послов и некоторых вельмож Сигизмундовых не удовлетворило Польши, которая хотела воспользоваться бедствием России и сокрушить в ней державу и православие подобно как в Литве.

2. Гермоген

Не утихала буря и внутри государства; достаточно было однажды возбудить и взволновать умы, именем близким сердцу народа, чтобы беспрестанно являлись новые самозванцы и новые изменники, с которыми тщетно боролся Василий в четырехлетнее свое царствование. Казалось Россия не верила ему за первую ложь над гробом Царевича. – Этот самый гроб, с нетленными мощами блаженного отрока, решился перенести в столицу Шуйский, для большего удостоверения России, на которую мало действовали его грамоты, вместе с грамотами Царицы Марфы. Он послал родственного Димитрию Митрополита Ростовского Филарета, с Архиепископом Астраханским Феодосием и боярами, за святыми останками в Углич, и сам принял на рамена сие царственное бремя, чтобы опустить в могилу, изготовленную некогда в Архангельском соборе для праха Борисова. Но обилие чудес и исцелений над гробом Царевича, не допустило довершить погребения; он был поставлен среди собора для благоговейного чествования и пред нетленным лицом своего сына, еще однажды, всенародно испросила себе его мать Царица, разрешение в невольном лжесвидетельстве, у Патриарха Гермогена.

И другой великий разрешитель и страдалец был вызван из глубины своей келлии, где уже ослепший плакался о суете мера, – Иов Московский. На краю гроба, за несколько дней до кончины, подвигся он из обители Старицкой, мольбами Царя и Патриарха, чтобы придти разрешить в столице народ Московский и всю землю Русскую, от измены сыну Бориса и присяги Самозванцу. Трогательное зрелище открылось в соборе Успенском; – слепой, в рясе иноческой, стоял Иов у патриаршего места, рядом с Гермогеном, и внимал покаянию народному, изложенному в грамоте царской, которую громогласно читали ему с амвона; сам он, в свою череду, прочел отпустительную грамоту народу, и разрешал его, как бывший Патриарх, исчисляя бедствия отчизны и собственные страдания, в том самом соборе, где стоял уже как выходец

другого мира, безмятежного, беспечального, с тихим соболезованием взирая на многомятежное волнение земли и, как всякое завещание твердо лишь по смерти завещателя, Иов, едва достигнув обители Старицкой, – скончался.

Первый поднял на юге знамя бунта Шаховской, именем Димитрия, когда еще семейством Мнишек не был создан новый самозванец, и Марина с отцом своим сидели в Ярославле. К нему присоединились Болотников и Ляпунов, вождь Рязанцев, но последний, проникнув коварство своих сообщников, с омерзением их оставил. Взволновались опять пределы Северские, и явился у Донцев еще мнимый сын Царя Феодора Лжепетр: воеводы Васильевы бежали; Тула и Калуга впали в руки мятежников, которые дерзнули приступить к столице, и под стенами ее отражены войсками царскими. Они напали и небеззащитную Тверь, но мужественный Архиепископ Феокист одушевил граждан и отбил неприятеля. Сам Государь принужден был ополчиться, и после долгой осады, взятием Тулы, прекратил первые начала бунта; но, несмотря на плен и казнь зачинщиков, Калуга осталась в руках другой шайки.

А между тем, происками мятежников, нашелся наконец, в низших сословиях народа, человек, который принял на себя личину Димитриеву, явился в Северной области и опять собрал ватаги разбойников, вольницу Донскую и шляхту Польскую. Опять присоединились, к нему конфедераты и вельможи Литовские, князь Рожинский, гетман Сапега и наездник Лисовский; они двинулись к смятенной столице и основались на полтора года, за двенадцать верст от нее, в селе Тушине. Василий поставил стан свой в предместье и послал племянника, юного воеводу князя Михаила Скопина, уже прославленного несколькими победами, искать помощи у Шведов, потому что положение России становилось безнадежно. Предательство открылось внутри Москвы, изменники вельможи равнодушно переходили от Царя к самозванцу, прослывшему Тушинским вором; с ним соединилась честолубивая Марина, когда по ходатайству Сигизмунда, неосторожно выпустили ее из темницы Ярославской. Один за другим сдавались города Русские,

Лисовскому и другим атаманам, и немногие остались верными Василию; горы могил, по выражению летописей, воздымались на земле Русской, терзаемой повсюду безначалием и грабежами; казалось все царство, собиравшееся веками, рассыпалось внезапно, несмотря на усилия доблестных пастырей Церкви, которые твердо держались престола и страдали вместе с паствою.

Уже отважный Архиепископ Феоктист взят был в покоренной Твери и убит на пути, за покушение избежать плена Тушинского; Геннадий Псковский не пережил измены своего города; Галактион Суздальский скончался в изгнании за то, что не хотел благословить самозванца; Иосиф, Епископ Коломенский, уже однажды сопротивлявшийся первому, схвачен был войнами второго, которых тщетно хотел вразумить, и влачим вслед за ними привязанный к пушке. Не кончилось время испытания и для будущего предстоятеля Церкви, Филарета Романова, Митрополита Ростовского. В древнем Успенском соборе своей епархии, мученически, вступил он в тот десятилетний подвиг страданий, из коего вышел Патриархом, уже в царствование сына. Изменники Переяславские внезапно напали на Ростов, граждане коего бежали в укрепленный Ярославль; но Филарет как добрый пастырь, полагающий душу за паству, не преклонился на бегство их мольбами: – он заперся в соборе и, совершив литургию, причастил народ, спокойно ожидая своей участи. Мятежники ломились в двери, Митрополит же не престаивал их увещевать, доколе, вторгшись силою, сорвали с него святительские одежды и повлекли едва живого, в рубище, среди посмеяний, на новые поругания в Тушино; там должен он был терпеть лицо Лжедимитриево и видеть его мнимый двор и царство, и не прежде освободился, как после бегства Тушинского вора, отбитый отрядом Шуйского из рук вражьих, под стенами обители Св. Иосифа Волоколамского.

В свою чреду прославилась, мужеством иноков, лавра Троицкая, которой не могло быть чуждо ни одно из бедствий столицы. По совету самозванца с союзниками, гетман Литовский Сапега и пан Лисовский пришли осадить твердыню монастырскую, чтобы прекратить сообщение Царю Василию с

северными и восточными его областями. Архимандрит Иоасаф и воеводы князь Долгорукий и Голохвастов, словом и делом укрепились против лстивых речей и смелых нападений, и помощью преподобного Сергия шестнадцать месяцев отсиживались от тяжелой осады, хотя 30,000 неприятелей обставили турами и обнесли валом ограду, из шестидесяти орудий непрестанно стреляя по стенам и храмам. Отважны и жестоки были приступы, не менее убийственны вылазки; по всем окрестностям лавры, в рощах, на прудах и оврагах кипела сеча; иноки и простые поселяне волостей Троицких не уступали храбрейшим воинам; подкопы ведены были под башни, но они встречались под землею с другими подкопами, и башни, готовые взлететь на воздух, оставались непоколебимы. Таков был видимый покров святых игуменов Сергия и Никона, утешавших своими явлениями братию, которой более восьмисот человеке пало от меча и болезней в течение осады, но лавра устояла. Служившая тогда единственною защитою царству, обуреваемая врагами, она еще вспомоществовала столице своими хлебами, когда во время голода, знаменитый келарь Авраамий Палицын открыл, по просьбе царской, свое хранилище и пропитал дважды истощенную Москву.

Василий уже колебался на шатком престоле, окруженный бурями, каких дотоле не видала Россия; с трудом рассеял он на красной площади мятежное сонмище, которое тщетно увещевал Патриарх Гермоген, но еще в последний раз и на краткое время прояснились для Царя темные дни его правления, победами юного племянника князя Михаила. С помощью Митрополита Исидора, утвердив верность граждан Новгородских, он заключил договор со Шведами и, вместе с их военачальником Делагарди, начал постепенно очищать пределы северные, всюду поражая изменников и Литовцев. Обитель Св. Макария Колязинского видела его победу; в слободе Александровской, некогда страшном жилище Иоанна, утвердился юный стратиг, собирая полки восточные, и бежали из-под стен лавры Сапега и Лисовский.

Но сие первое испытание доблести Троицкой служило только началом исполинских трудов, какие подняла лавра за

отечество. Уже ее сокровища были истощены, тремя займами в 65,000 рублей (около миллиона нынешних) Царей Годунова, Лжедмитрия и Шуйского; последний потребовал еще новых пособий, – отдали сосуды и утварь, когда долгая осада сделала необходимыми починку обрушенных стен. Не много дней оставалось Царю Василию до насильственного пострижения и плена Польского, не много и Патриарху Гермогену исповедовать имя Христово на престоле святительском до мученической кончины, когда обоим пришла свыше благая мысль избрать Старицкого архимандрита Дионисия настоятелем лавры, вместо умершего Иосифа, и тем спасти отечество; ибо когда более не существовало ни Царя, ни Патриарха, когда так сказать не было самой Москвы, полтора года томившейся под игом Польским, – тогда лавра сделалась сердцем всея Руси, Дионисий один заменил все власти, и как видимый покров Св. Сергия, осенил всю землю Русскую и собрал ее к развалинам столицы.

Бедствия государства, отовсюду воюемого, подвигли и закоснелого ее врага Сигизмунда вступить в беззащитные пределы, уже не с шайкою конфедератов, подобно Лжедмитрию, но с устроенным войском, потому что он хотел себе и сыну Владиславу престола Московского. Король надеялся найти измену в Смоленске, но Смоленск соревновал лавре; там укрепились воевода Шеин с Архиепископом Сергием и сделали тщетным все нашествие Польское; в долгой осаде истощились дух и силы войска и поход сей временно освободил Москву от полчищ самозванца, не признаваемого Королем. Лжедмитрий бежал с Мариною в Калугу, ему верную, и составил там новое скопище; а Тушинские изменники, Салтыков и Мосальский, предложили венец Королевичу Владиславу, сыну Сигизмундову.

Между тем, очищая себе путь победами, радостно приближался к столице князь Михаил; народ приветствовал с восторгом своего избавителя; Ляпунов предложить ему венец царский и великодушно отринул его юный витязь; но подозрение впало в душу Царя, зависть овладела братом его Димитрием и злобною невесткою, дочерью злодея Скуратова, и на пиршестве в их доме внезапно скончался Михаил; ярость народа, с трудом

укрощенного, обратилась в плач над его ранним гробом; еще однажды и уже в последний раз потряслось в основах царство Василия. – Опять возгорелся мятеж, Ляпунов отторгнул Рязанскую область, один только Зарайск удержан князем Пожарским, будущим освободителем России; поколебалась верность Казани и других городов.

Гетман Жолкевский уже шел к Москве из-под Смоленска, чтобы покорить ее Владиславу. Князь Дмитрий Шуйский воевода по смерти храброго племянника, встретил гетмана под Клушиным, около Можайска, и бежал разбитый; Шведы, его союзники, отступили к Новгороду с Делагардием. Зашевелилось и смрадное гнездо Лжедмитриево в Калуге; полчища его разрушили обитель Панфутиевскую, где защищался с иноками доблестный князь Волконский; враги явились опять под Москвою в селе Коломенском. Взволновалась столица и изменила несчастливому Царю: брат Ляпунова, князь Голицын и другие вожди Московские, съехались с изменниками Тушинскими и решили отложиться равно от Лжедмитрия и Василия, убедить его оставить царство, и вверить старшему боярину князю Мстиславскому с думою боярскою кормило правления, до нового избрания.

Сильно воспротивился Патриарх Гсрмоген сей новой измене: его не послушали. Василий низведен был с престола и пострижен в Чудове, а супруга его в Ивановской обители. Один из мятежников произносил обеты за постригаемого неволею Царя; – Патриарх объявил их недействительными. Но приверженцы самозванца обманули бояр Московских, и когда не стало у них Царя, предложили опять Лжедмитрия, а Жолкевский уже подступил. В столь крайних обстоятельствах князь Мстиславский предложил думе избрать Царем Владислава Польского. Снова восстал Патриарх, убеждая не жертвовать Церковью, предлагал дать венец знатному вельможе князю Василию Голицыну, или юному Михаилу, сыну Филарета Романова, внуку первой супруги Иоанновой, но большинство голосов решило в пользу Владислава, потому что боялись слабости избираемых соотечественников. Начались переговоры с Жолкевским, который радостно принял

предложения столь лестные Польши, и без воли Сигизмунда заключил торжественный договор с Патриархом и боярами. Все условия были в пользу России и великие послы, князь Василий Голицын и Митрополит Филарет Ростовский, которые оба могли иметь виды на престол, вместе с келарем Троицким Авраамием, отправлены были под Смоленск, просить у Сигизмунда сына на царство, с тем чтобы крестился он в православную веру. Гермоген заклинал их не выдавать отечества, и Филарет дал обет умереть за веру.

Между тем столица присягнула Владиславу; самозванец, оставленный Польскими союзниками, бежал опять в Калугу, где скоро был убит за свою жестокость; осталась там одна Марина с новорожденным сыном. Но Жолкевский не отступал от Москвы; изменники Тушинские ее наводняли, Салтыков, Мосальский, Молчанов; они пришли в собор просить благословения патриаршего; с твердостью отвечал им пастырь: «если вы пришли в церковь праведно и не с лестью, буди на вас благословенье, если же нет, – анафема». Скоро оказалась их правда; ночью пустили они Поляков в Кремль, под предлогом усмирения черни, и утром оружие их заблестало к ужасу граждан, на стенах Кремля и Китая. Сего только ожидал гетман, чтобы удалиться; он оставил в Москве военачальником Гонсевского и думу боярскую для управления, взял с собою двух братьев Царя, и самого Василия из обители Волоколамской, куда был заточен, и отправился к Королю под Смоленск.

Там уже бедствовали послы наши, удивляя врагов твердостью и терпением, наравне с мужественными защитниками города. Король не разгадал великой мысли гетмана, не радовался воцарению Владислава, думая сам за него властвовать и прежде всего, требовал сдачи Смоленска и денег. Слезно молили Филарет и Голицын не испровергать дела гетманова, – тщетно; сам гетман, видя нарушение договора и плод своих побед, теряемый мелким честолюбием Сигизмунда, удалился из стана, предав Королю Василия, который поддержал свое достоинство в бедствии и не унизился пред гордым победителем. А непреклонные послы, претерпевая

долгое время холод и нужду, подобно Царю своему, отправлены были под стражею в Польшу, где еще девять лет томились в тяжкой неволе.

Наконец общее негодование, против Сигизмунда и насилия Поляков, обнаружилось; Гермоген благословил ополчаться за родину, Ляпунов Рязанский поднял оружие. Народ роптал громко и ссорился с Поляками; грамоты Московские и Смоленские, о помощи, ходили по всем частям государства, где собирались ополчения. Убедительны были послания архимандрита Троицкого Дионисия к воеводам; на слезный зов его подвиглись даже Тушинские вожди, князь Трубецкой и атаман казаков Заруцкий, скоро опять изменивший; но покамест они медлили – сгорела Москва.

Дума боярская уже потеряла всю силу; Гонсевский убеждал Патриарха, чтобы он запретил общее восстание, изменник Салтыков требовал сего нагло. «Запрещу, твердо ответствовал Гермоген, если увижу крещение Владислава и выходящих Поляков; велю, если сего не будет, и разрешаю всех от присяги Королевичу». Салтыков поднял нож на старца; Святитель, осенив его крестом, сказал: «се знамение против твоего дерзновения, да взыдет вечная клятва на главу твою; и обратясь к князю Мстиславскому, который дал совет на избрание Королевича, тихо произнес: «твое начало, тебе первому должно пострадать за правду; но ты прельстился, и преселит Господь тебя и корень твой от земли живых». – Время текло, и разгоралась буря отечественная: еще однажды посланы были бояре с угрозами к Гермогену. «Все смирится, опять отвечал он Салтыкову, если ты удалишься, изменник, со своею Литвою; я же всех благословляю умереть за православную веру, ибо вижу ее поругание и не могу слышать Латинского пения на Царе-Борисовом дворе». К нему приставили стражу и принудили в последний раз совершить торжество ваий в вербное воскресение.

На страстной неделе вспыхнул мятеж народный, от частной ссоры с Ляхами, и дружина Гонсевского устремилась на кровопролитие и грабеж. Пламя разлилось по всей столице, почти беззащитной; один только князь Пожарский бился в дыму

с ее врагами и пал раненый. Три дня горела Москва, беспрестанно поджигаемая там, где угасала, и вся опустела внезапно: Поляки неистовствовали, жители разбежались; остался один обгорелый снаружи Кремль и Китай, гнездо злодеев Русских. Посреди такого пепелища уже не мог оставаться Патриархом Гермоген; – его свели с престола и заключили в Чудов, а на место святого старца извели опять из кельи угодника самозванцев, Грека Игнатия, и вторично лжепатриарх стал на место двух святителей, каковы были Иов и Гермоген. С такими страданиями сопряжено было начало патриаршества в России. Но если Иов сделался только исповедником за веру, то сего недостаточно было для Гермогена: до конца претерпел он и сподобился венца мученического, непреклонный ко всем мольбам и угрозам, и изнемог голодом в темнице (1612 г.), в залог спасения отечеству.

Тогда подступили к Москве воеводы, стесняя врагов в один убийственный голодный круг. Келарь Авраамий отпущен был, со святою водою, из лавры Троицкой в стан ратных, для укрепления духа; там несогласие возникло между Ляпуновым, Трубецким и изменником Заруцким, которого первый обличил в измене, и атаман, соединившийся с Мариною для честолюбивых замыслов, умертвил на сходке сего мужественного защитника отечества.

Между тем, после двухлетней осады, приступом был взят верный Смоленск, но Сигизмунд не смел и не мог идти далее, с изнуренными войсками. Он послал на помощь осажденным в Кремле отряд гетмана Хоткевича, а сам возвратился со знатными пленниками, боярином Шеиным, и Архиепископом Сергием, торжествовать победу в Варшаве, где томились другие великие пленники: Царь Шуйский с братьями и послами. Одно только личное самолюбие Короля удовлетворилось наружным блеском, престол же Московский навсегда утрачен был для него и для Владислава.

Но слабость и безначалие России доставили ей неприятелей в прежних союзниках и новых искателей венца подобно Сигизмунду. Шведский воевода Делагарди,

отступивший к Новгороду, после Клушинской битвы с Жолкевским, начал действовать в пользу своего Короля и захватил несколько порубежных крепостей; он взял самый Новгород, хотя и беззащитный, однакоже после кровопролитной сечи с гражданами, которых возбуждал, с высоты Софийских стен, Митрополит Исидор, ревностный блюститель своей паствы. Сила одолела мужество и Делагарди принудил великий Новгород заключить с ним договор, о признании Царем Московским одного из Королевичей Шведских, Густава Адольфа или Филиппа, по выбору отца их Карла IX, сам же продолжал именем их громить северные пределы; но он нашел противодействие в лавре Соловецкой.

Лавра сия, еще при первых набегах Шведских, укреплена была твердыми стенами, по воле Царя Феодора, и снабжена орудиями и стрельцами, из собственных ее волостей, равно как Сумский и другие остроги, от нее зависевшие на берегу. Когда же начались смуты самозванцев, Король Шведский спрашивал чрез воевод своих, игумена Антония, кого признает он Царем: Шуйского или Лжедимитрия? коварно предлагая свою защиту, и получил твердый ответ: что никогда иноземец не будет Царем Русским, и что лавра не нуждается в его воинах. С тех пор не уступала она Троицкой, усердием к общей пользе, пожертвовала Царю Василию и князю Михаилу 500 рублей, для найма союзников Шведских, и деятельно споспешествовала к водворению спокойствия в отечестве. Благоразумием игумена Антония спасена вся область поморская от Шведов, которые после неудачной лести, несколько раз приступали к Сумскому острогу и приплывали даже осаждать самую обитель. Но славное место, куда еще недавно принесены были мощи великого страдальца Филиппа Митрополита, настоятеля Соловецкого, не могло поколебаться в верности к отечеству, и во все время смуты до заключения конечного мира со Швецией, великодушный игумен Антоний и его преемник Иринарх стояли там на неусыпной страже.

Наконец, когда уже все казалось погибшим, истощены были последние силы государства и разрознены все его части, внезапно рукою Божію, оно воздвиглось, и, стряхнув с себя

пепел сел и городов, процвело в новой силе. Лавра Троицкая согрела, своею пламенной любовью к отечеству, остывшие, омертвевшие его члены: святой архимандрит Дионисий бодрствовал, призывал бегущий из столицы народ, обратил всю обитель в одну богадельню для страждущих, вооружил слуг монастырских, рассылал грамоты в тревожную Казань к Митрополиту Ефрему, чтобы присоединились к общему восстанию, и в понизовские земли и на север, и вместе с тем нужные запасы и снаряды к осаждающим Москву воеводам. По тайному видению очистительный пост наложен был на всю Русскую землю, и в Нижнем вспыхнула искра чистого самоотвержения, в сердце гражданина Минина, который нашел себе отголосок в целом народе; там сосредоточилась воинская сила, долженствовавшая освободить отечество, под руководством воскресшего, от одра болезни, Пожарского.

Непрестанные моления Дионисия и Аврамия заставили князя пренебречь опасностью, какая угрожала ему под Москвою, в стане ратных, от мятежных крамол, и двинуться из Ярославля, где долго собирался, для совершения великого дела. Келарь Авраамий безотлучно находился при войсках, лицом не менее действующим князя и Минина, а вместе и летописцем. Его красноречивое перо передало потомству современные подвиги, подобно как его сладкие речи восстановили тишину и мир, посреди враждующего стана, доколе наконец с Заруцким бежала из него измена. Авраамий споспешествовал победе Пожарского, в день жестокой битвы на Девичьем поле, с гетманом Польским, убедив казаков выйти из окопов и участвовать в сече. Приняв от старца ясаком имя Св. Сергия, они бросились чрез Москву реку с кликами: Сергиев! Сергиев! и погнали Литву. Поляки крепко засели в Кремле; возникли новые возмущения между казаками, которые жалуясь на нищету свою и богатство вождей, хотели разойтись; но архимандрит и келарь послали в их табор последние сокровища лавры, ризы жемчужные, со слезным молением не покидать родину, и тронутые поклялись переносить все лишения.

Скоро преподобный Сергей явился во сне Греческому архиепископу Арсению, заключенному в Кремле, и утешил

вестью об избавлении. Приступом взят был Китай, сдался Кремль; с торжественным пением вступил архимандрит Дионисий и весь священный собор в храм Успения и восплакали все, при виде запустения святыни. Оба, архимандрит и келарь, присутствовали на единодушном избрании юного сына Филаретова Михаила, которое совершилось на Троицком подворье, к общей радости и удивлению; – собор и синклит говорили как один человек. Келарь возвестил с лобного места избрание народу, и народ столь же единогласно произнес то же имя.

Совет земский, назначил послами к избранному Михаилу, для приглашения на царство, архиепископа Рязанского Феодорита, келаря Аврамия и боярина Шереметева, и написал, от лица всей земли Русской, грамоту Сигизмунду в которой, исчислив все его вероломства, отрекался от Королевича Владислава и просил о выдаче знаменитых пленников, взамен Польских: но отец Царя, Митрополит Ростовский, был слишком драгоценным залогом, чтобы решились отпустить его враги, хотя твердость старца сокрушала все их надежды.

Юный сын его, не ожидая блистательной судьбы своей, смиренно обитал с матерью инокинею в Костроме, в обители Ипатьевской. Пришествие послов исполнило страхом нежную мать, уже испытавшую столько бедствий; долго отвергала она все моления, за себя и за сына, которому страшно было променять тишину обители на бурный престол, колеблемый всеми ужасами войны и междоусобий. Но по многом плаче, присутствие двух чудотворных икон, Владимирской и Феодоровской Божией Матери, преклонили на жалость инокиню Марфу, и она вручила сына своего России. Набожное шествие Михаила в столицу, мимо лежащей на пути его святыни Ярославля, Ростова, Переяславля и лавры Троицкой, было истинным торжеством благочестия царского и любви народной. Три Митрополита: Ефрем Казанский, Иона Крутицкий, Кирилл Ростовский, приглашенный народом принять опять оставленную им епархию, и много трудившиеся своими увещаниями для спасения отчизны, – венчали его венцом Мономаха, в храме Успенском; и уставная грамота всего собора и синклита

запечатлела избрание Романовых, восстановив навсегда права наследственного самодержавия, потрясенной несчастными избраниями Годунова и Шуйского (1613 г.).

Но еще не утихли смятения внутренние и наружные; обширные области Русские оставались в руках неприятелей, близ самой Москвы находились города, преданные измене, другие мятежу и безначалию. Заруцкий страшил многочисленную толпою сообщников; тысячи Литовцев, Казаков и Русских изменников, рассеяны были повсюду и, неожиданными нападениями, грабили беззащитные города по разным пределам государства. Крымцы грозили набегами, Малороссия, Дон, Урал, готовы были, как прежде, подкрепить новое злодейство, ради добычи. Опытные вожди Польши и Швеции могли двинуться по первому слову своих повелителей, – Жолкевский, Хоткевич, Делагарди. В Польше властвовал ревнитель Рима Сигизмунд, соединявший виды личного честолюбия с видами церковными, для покорения России Папе. Страшный соседям витязь Густав Адольф воцарился в Швеции. Народ Русский радовался Михаилу, но привык в течение стольких лет к частым переменам властителей; самая дума царская состояла из вельмож, переживших в краткое время пять Царей и бывших отчасти виновниками безначалия; – и посреди всех сих опасностей, внутренних и внешних, рукою Провидения, утвердился неопытный, но чистый пред Богом и людьми, Михаил, чуждый всех ужасов минувшего, начиная собою новое светлое будущее России.

Чтобы придать более твердости думе боярской столь шаткой при его предместниках, Михаил укрепил ее собором поколебавшихся святителей, и с общего их приговора вершились дела; по возвращении же двух старших Митрополитов, Казанского и Ростовского, на свои епархии, Иона Крутицкий как блюститель престола патриаршего, временно управлял Церковью. Юный Царь отправил посольства в дальние земли, чтобы восстановить связь гражданскую государства с Шах-Аббасом Персидским, Цесарем Рудольфом, и морскими державами, Голландией, Англией, посредничество коих имело спасительное влияние на Польшу и Швецию; а

между тем велел осаждать Смоленск, и воеводы его, князья Пожарский, Черкасский и другие, беспрестанного сражались в окрестностях столицы с мимоходными ватагами Литовскими. Астрахань и юг России успокоились взятием в плен изменника Заруцкого и Марины; но на севере Густав Адольф приступал к Пскову, хотя и неудачно; дружины Делагардия разорили богатый Новгород, который с тех пор уже не восставал в прежнем своем величии. Но не угас дух его граждан: великодушный архимандрит Хутыня монастыря Киприан возбуждал воевод и почетных людей обратиться к новому Царю, и по внушению Митрополита Исидора, послан был от Шведов, как бы для переговоров с правительством Русским; в Москве испросил он прощение у Михаила всем присягнувшим Королевичу и соединил опять древний Новгород с Россией, за что претерпел тяжкие муки по возвращении.

Наконец, видя упорство Россиян, решились Шведы заключить мир, при ходатайстве посла Английского, в селе Новгородской области Столобове, и хотя северные владения России, Ингерманландия, Карелия, временно от нее отторглись, мир сей был необходим, чтобы управиться с другим более сильным врагом, Польшею. Переговоры с нею под Смоленском были нарушены, несмотря на посредничество послов цесарских, и последнее грозное нашествие Королевича Владислава, еще однажды поколебало Россию, до желанного отдыха. Отступление воевод наших из-под осажденного Смоленска, сдача городов на пути к столице ознаменовали опять бедствиями начало сего похода; но Можайск, около которого суждено решаться судьбам столицы, устоял. Минуя его Королевич, с помощью гетмана Запорожцев Сагайдачного, ударил на Москву, исполненную уже иным духом: – со всех сторон отразила она приступ Польский. Наконец, к священной ограде Троицкой лавры, двинулись полчища Литовские, архимандрит Дионисий и келарь велели выжечь посадки и укрепились опять на осаду. У ног Св. Сергия должна была разразиться громовая туча, пятнадцать лет скитавшаяся по мрачному небосклону России, и последний удар ее скользнул по лавре, как бы только для того, чтобы осиять ее новым блеском,

ибо она одна устояла в долгую бурю, не запятнав ни единою изменою свою славу. В виду ее стен, в соседнем селе Деулине, начались переговоры с Королевичем о мире, а после долгих прений заключено пятнадцатилетнее перемирие, хотя с большими пожертвованиями для России, уступившей Ливонию, Смоленск и западные города, но спасительное смятенному царству.

Тогда лишь освобождены были долго томившиеся в неволе, именитые пленники наши, сперва живые, потом и мертвые; уже Царь Шуйский с братьями погребен был на распутии Варшавском под столбом, коего надпись гласила о его горькой участи, скончался и твердый посол князь Голицын; но возвратились храбрый воевода Шеин, с архиепископом Сергием Смоленским и, к несказанной радости своего царственного сына, сам Митрополит Ростовский Филарет. Трогательно была встреча сына Царя, с отцом Святителем, при входе в столицу; каждый хотел припасть к ногам один другого и, взаимным нежным объятием, запечатлели они союз царства и церкви, которые оба представляли лицом своим.

В сие замечательное время, столь смутное для северной и южной России, по делам церковным, ибо ни та, ни другая, не имели пастыря, прибыл в Москву Патриарх Иерусалимский **Феофан**, и был Ангелом мира для обеих. Восточные Патриархи, слыша о неурядицах единоверного царства Российского и о гонениях Римских против православия, уже изнемогавшего на юге без Епископов, – сошлись для совещания у гроба Господня и послали кроткого его блюстителя устроить Церковь Российскую; Патриарх Константинопольский дал ему полпомочие действовать лицом своим и отправил с ним своего экзарха архимандрита Арсения.

Посетив сперва столицу Русскую, еще до освобождения отца Государева, Феофан нашел Церковь в волнении, по случаю некоторых исправлений в требнике. Сам Государь заметил грубые ошибки издавна вкравшиеся, не только в рукописные служебные книги, но и в те, которые напечатаны были при Патриархах Иове и Гермогене, и поручил святому Дионисию заняться, вместе с братией Троицкою, исправлением

сих погрешностей, по книгам ученого Максима Грека и другим, хранившимся в лавре; потому что со времен Стоглава и до Никона труд сей был постоянным предметом забот царских и патриарших. Дионисий, сличив Русский требник с Греческим, выкинул на водоосвящении слово огнем, неправильно поставленное после призывания на воды Св. Духа, исправил также некоторые возгласы, в коих славословие святых Троицы сопряжено было с предшествовавшей молитвою, к Сыну Божию, и за то подвергся жесточайшим гонениям, от необразованного Митрополита Крутицкого Ионы. В течение целого года терпел святой старец душную темницу, побои и пытки, даже поругания от народа, который нелепо обвинял его, будто он хочет истребить огонь в земле Русской, и все сие переносил он с чрезвычайною кротостью и терпением, как исповедник слова Божия. Приезд Патриарха облегчил его участь.

3. Филарет

Прежде всего, Феофан, по совету Царя, вместе с освященным собором, слезно молили великого труженика, Митрополита **Филарета**, принять на себя высокий сан патриарший, и долго отрекался святитель, который даже в час освобождения, будучи уже в пределах отечества, не хотел идти далее, узнав, что отпускаявшие его враги требовали новых уступок, сверх договора, ради нежности сыновней Царя. Испытанный всеми бедствиями, в течение двадцати лет, постриженный неволею, сосланный, разлученный с семейством, взятый силою из храма, поруганный, наконец девять лет томившейся в плену, усталый старец хотел только жития безмолвного, и едва был упрощен Царем, Патриархом и собором, украсить собою престол Св. Петра. Таким образом, уже третий исповедник восходил на него, со времени учреждения патриаршества, и тем прекратилось девятилетнее сиротство Церкви Московской; предатель, лжепатриарх Игнатий, бежал, еще до воцарения Михаила, в Польшу. – Сам Иерусалимский святитель совершил посвящение великого Филарета и, уставною гранатою, утвердил на будущие времена права данные при поставлении Иову, святейшим Иеремиею Цареградским. Таким образом, устроилось чудное явление в летописях мира, нигде и никогда не повторявшееся, – родителя Патриарха и сына Царя, вместе управлявшим государством.

Патриарх Феофан не замедлил оправдать, пред новым Святителем Московским, страждущего Дионисия и обещал, в засвидетельствование правоты его, прислать объяснительные грамоты, по совещании с прочими Восточными Патриархами, что в последствии и исполнил, ибо святейший Филарет ревностно продолжал заниматься делом исправления книг служебных. Освобожденный архимандрит возвратился в лавру, прославленную его подвигами, и там имел утешение принять торжественно своего избавителя и видеть смирение Владыки Иерусалимского пред мощами преподобного Сергия. Он представил Феофану доблестных иноков, подвизавшихся

вместе с ним за отечество, которые находили, что раны полученные в битве, служили им еще лучшими будильниками для плача и вздыхания о грехах.

С благословениями северной России, направился блаженный Феофан в южную, и посетил Киев, древнюю мать православия, страдавшую безначалием церковным. Король Сигизмунд, несмотря на свои гонения, признал в Феофане лицо патриаршее и велел воздавать ему должные почести, хотя потом опять усомнился в его сане. Ревностный к просвещению церковному, Феофан именем Патриарха Константинопольского, утвердил Богоявленское братство в Киеве, ставропигиальным, т. е. прямо зависящим от Вселенского Владыки, благословил завести в нем училище, на Эллино-Славянском и Латино-Польском языках, и присовокупил к нему братство милосердия или странноприимный дом, обратившийся в бурсу академическую. Гетман Запорожцев Сагайдачный пожертвовал свое имущество в пользу сей новой обители, где сам окончил на молитве воинственный подвиг жизни.

Когда долгим пребыванием Патриарха в Киеве мало-помалу стали ободряться православные, то почетное духовенство и дворянство, собравшиеся вместе с гетманом из соседних городов, на праздник Успения, упросили Феофана дать им, наконец, главу церковную и пастырей, коим так давно уже была лишена Малороссия. По примеру прежних Патриархов торжественно посвятил он в лавре, Митрополитом Киевским **Иова Борецкого**, игумена Михайловского монастыря, и еще двух, ректора Виленского училища, архимандрита Мелетия Смотрицкого Архиепископом в Полоцк и Иосифа Курцевича во Владимир Волынский, а потом и прочих: Исаакия в Луцк, Исайю в Перемышль, Паисия в Холм, Грека Аврамия в Пинск; таким образом, восстановив упраздненные епархии и возбудив всех стоять твердо за веру, спокойно возвратился в свои пределы.

Тогда начались опять козни Униатские и сильное гонение со стороны правительства, на Епископов православных, которых оно не признало законными, хотя не препятствовала их посвящению. Митрополит Иов принужден был послать, для оправдания собственного и всех архиереев, Епископа Иосифа

на сейм Варшавский; но хотя удостоверение, полученное Королем из Турции, о полномочии Патриарха Феофана, смягчило его к лицу самых Епископов, не преставали однакоже гонения на Церковь православную; ставропигия Богоявленская в Киеве была разорена Униатами, в Вильне и Луцке православные храмы обращены в гостиницы: в Орше, в Могилеве, Мстиславе, Гродно и иных местах, запечатали церкви; в Минске землю церковную отдали под мечеть: во Львове и Хельме не смели показываться с дарами священники православные и открыто погребать умерших; монастыри опустошались, пресвитеров и монахов мучили, и новые Епископы не могли свободно сообщаться с паствою. Всех превосходил, своими гонениями на православных, архиепископ Униатский Полоцка Иосафат Кунцевич, который ругался даже над телами погребаемыми и до такой степени ожесточил народ, что сам был убит в Витебске; он причтен Римлянами к лику своих мучеников. В то же время и казаки Запорожской сечи, которая одна только стояла твердо за православие и укрощала в Киеве насилия Униатов утопили в Днепре игумена Выдубецкого Антония, наместника Униатского Митрополита Иосифа.

Несчастливая кончина Иосафата стоила Церкви православной одного из самых просвещенных ее пастырей, Мелетия Архиепископа Полоцкого, который отличался своими писаниями в ее защиту. Неправильно обвиняемый правительством Польским, будто бы подал повод к умерщвлению Иосафата, он принужден был бежать в Грецию, где скитался три года, думая, что между тем утихнет молва; наконец, движимый страхом, он передался малодушно на сторону Унии и написал свою апологию в укоризну Восточной Церкви. Митрополит Иов созвал в Киеве собор (1622 г.) и, обличив Мелетия, заставил его принести в церкви торжественное покаяние и даже изорвать свою книгу. Но Мелетий Смотрицкий, возвратясь в епархию, в Дерманский монастырь, где основался по соседству Польши, издал вторично первую апологию, решительно отступил от православия и даже ездил в Рим для поклонения Папе, который дал ему сан архиепископа Иерапольского; с тех пор епархия

Полоцкая перестала числиться в списке православных. Оба Митрополита, Киевский Иов и Униатский Иосиф, созывали в Киеве и Львове соборы единомышленных себе Епископов, один для охранения терзаемой паствы, другой для расширения собственной; а сейм коронный в Варшаве, подтвердил, права каждого исповедания, более на словах, нежели на деле. Смерть гонителя Сигизмунда и воцарение Владислава IV, объявившего при вступлении на престол свободу всем вероисповеданиям, подали только краткие надежды, скоро изменившие.

Между тем, пользуясь временем перемирия с Польшею, государство Московское оправлялось в делах гражданских и церковных, под единодушным блюстительством Михаила и Филарета, которому предоставил любящий сын самое титуло Великого Государя. Изменился отчасти внутренний порядок управления: дума боярская осталась на древнем основании, т. е. советом Царя во всех делах важных; но множество дел требовало более посредников между Государем и народом, нежели одних воевод и наместников, рядивших области именем царским. Учредились в Москве различные приказы, которые ведали дела всех городов и судили наместников. Знаменитый указ Царя Феодора, коим воспрещалось крестьянам произвольно менять своих помещиков, отмененный Годуновым, подтвержденный опять Шуйским, укреплен был окончательно Михаилом, и при нем же заведены первые писцовые книги, содержавшие в себе опись городов и разграничение земель.

Движимый любовью к родителю, Царь распространил его права, придав больший блеск и двору патриаршему. – Еще в 1599 году Борис, в знак благоволения к Патриарху Иову, возобновил жалованную грамоту, данную Иоанном Митрополиту Афанасию, духовнику своему, такого содержания: что все люди Первосвященителя, его чиновники, слуги и крестьяне, освобождаются от ведомства царских бояр, наместников, тиунов, не судятся ими ни в каких преступлениях, кроме душегубства, засвидетельствованного судом патриаршим, и увольняются также от всяких податей казенных. Сие древнее государственное право нашего духовенства оставалось неизменным в царствование Василия, Михаила и сына его, до

времен Никона. Царь же Михаил Феодорович установил еще, чтобы во всех местах и городах монастыри, церкви и земли, составлявшие собственно патриаршую область, имели особенное преимущество ведаться, по делам гражданским, только в приказе большого дворца, как бы пред лицом самого Государя, и чтобы все архимандриты, игумены, священники, диаконы и причты сих обителей и приходов, с их волостями, подсудны были только одному Патриарху, кроме случаев уголовных; чтобы никто наконец не вступался в суд его, расправу, десятину и оброки, которые он по собственному усмотрению положит на причты и приходы своей области; а лавре Троицкой, ради заслуг ее, равно как двум обителям, Вознесенской в Кремле и Новодевичьей, где отошло на покой столько царственных инокинь со времен Иоанна, предоставлено было право зависеть единственно от суда патриаршего. Но вместе с тем указ царский, в подтверждение прежних указов Иоанна, воспретил обителям приобретать, покупкою или вкладами, новые волости, или недвижимые имения, число коих чрезвычайно возросло с годами благоденствия.

Россия, сокращаемая с запада, сильною рукою Польши и Швеции, расширялась исполински к востоку. Сибирь, едва открыта Ермаком, чрез пятьдесят лет, уже до половины составляла область Российскую. Удалые казаки и люди промышленные, с малыми пособиями правительства, продолжали покорять необъятные пустыни во имя Годунова, Лжедмитрия, Шуйского, в то время, когда они сами теряли нетвердый престол в Москве: Алтын Хан Монгольский услышал наконец, у верховья Амура, имя Михаила. Как древние Варяги, казаки подымались и спускались по рекам до впадения других рек, ставили на устье их малые остроги, с двумя и тремя вооруженными блюстителями новых владений; а дикие жители приходили платить дань, мехами и смирялись пред величием неведомой России, которая их изумляла подвигами сынов своих. Не с большею отвагою совершилось завоевание нового света Кортесом и Пизарром: – Сибирь была также новым миром для России. Постепенно воздвигались в ней города, все дальше к востоку, и посреди безлюдной пустыни, по свойственному

благочестию предков, с городами возникали обители, первая в Верхотурске, основанная неким отшельником Ионою, потом в Тюмени и иных местах. Но вместе с тем сие обширное царство не имело никакого управления духовного; буйные казаки едва слушались воевод царских, и жертвовали самым грубым страстям, насилием приобретая себе жен из России или между язычников; беспорядки их обратили внимание святейшего Филарета.

Хотя по общему совету Патриархов, Иеремии и Иова, значительно умножено было число епархий Российских, однакоже еще Гермоген почувствовал необходимость устроить новый престол архиепископский, в отдаленной Астрахани, и посвятил туда впервые Феодосия. Когда же, во время смут междоусобных, покорилося царство Сибирское (1607 г.), Патриарх Филарет не мог найти лучшего средства к внутреннему его устройству, как учреждение новой архиепископии (1623 г.) Тобольской и Сибирской. Выбор патриарший пал на знаменитого своими страданиями, архимандрита Хутынского Киприана и он первый посетил сию отдаленную паству, в четырехлетнее свое правление, положив прочное основание для будущего. Возбуждаемый грамотами Первосвятителя к исправлению нравственности казаков, он с помощью воевод, начал мало-помалу распространять на них свое благодетельное влияние и, чтобы укрепить их в законе Божиим, основал новые между ними обители, в Невьянске, Тагиле, Таре, Томске и Туруханске: украсил Знаменскую обитель в самом Тобольске и привел в должный порядок основанные прежде мужеские и женские монастыри в Верхотуре и Туринске; он испросил также угодья новому архиерейскому дому, чтобы обеспечить его в краю диком для своих преемников; сам же скоро переведен был в Москву на митрополию Крутицкую, а оттоле в родственный ему Новгород. Киприан оставил по себе вечную память в Сибири, где собрал, еще из уст сподвижников Ермака, предания о его удалых походах, и написал летопись, которая сохранила потомству подвиги отважного завоевателя.

Заботы патриаршие равно простирались на дальний Тобольск и на близкий Новгород. Скорбя и радея о

православных чадах Церкви, отторгнутых Столобовским договором в подданство Швеции, он писал к Митрополиту Новгородскому Макарию, чтобы продолжали заведовать ими, как своею духовною паствою, и Шведы, со своей стороны, не препятствовали им сноситься с бывшим их архипастырем. Таким образом, союз церковный поддерживался при разрыве гражданского, до нового присоединения. Преемнику Макария поручал также Патриарх истребить уставы церковные, рассеянные в пределах севера, которые без ведома святейшего Гермогена, с грубыми ошибками, напечатаны были уставщиком Троицкой лавры Логином, злым еретиком, наносившим много личных оскорблений святому архимандриту Дионисию, за его речение о книгах. Сии самые уставы несколько позже были причиною мятежа Соловецкого.

Филарет сам занялся более правильным изданием нового требника и прочих священных и служебных книг, предохраняя паству от творений Униатского запада, каковы были, евангельские поучения архимандрита Транквиллиона, опасные для православия. Увлеченный даже своею ревностью и теми бедствиями, коих был свидетель, от нововведений Римских, он положил соборно, по случаю вопросов Митрополита Крутицкого Ионы, чтобы восстановлен был прежний обычай, оставленный Игнатием при самозванце, перекрещивать обращаемых из латинства к православию. Только в царствование Императора Петра отменился сей обычай, как несходный с древними правилами Церкви; но в дни Филарета гонения Униатские возбуждали к большому разрыву с Римом; православные Епископы не находили места в своих епархиях и в числе искавших себе приюта в России был Епископ Владимира Волынского Иосиф.

Политический горизонт России омрачился опять в последние годы Филарета, неудачною войною с Польшею, по истечении перемирия. Наступательный поход Короля Владислава и постыдная сдача Боярина Шеина под Смоленском, некогда прославленным его защитой, стоила жизни сему воеводе и многих жертвований России. Кроме потери воинов и денег по приговору соборному, собранных в

казну из монастырей, она должна была, после краткой войны, заключить в Вязьме новый договор, еще более тяжкий, нежели Столбовский, лишившись, вместе со Смоленском, Чернигова и других северских городов. Но уже великие подвижники славного ее освобождения не были свидетелями столь горького мира: келарь Авраамий давно удалился на свое обещание в обитель Соловецкую, где некогда был пострижен и там скончался; а за год до своей кончины Патриарх Филарет торжественно отпевал в Москве святого архимандрита Дионисия.

Сам великий Святитель скончался в день (1633 г.) Покрова Божией Матери, давшей его покровом земли Русской, посреди всеобщего ее плача и плача безутешного сына; Михаил лишился в нем не только отца и Патриарха, но и мудрого соправителя, который, по свидетельству летописи современной, исправлял слово Божие, укрепив православную веру и многих язычников приведя в Христианство, исправлял и дело земское, не допуская насильников в государстве и жалую тех, которые пострадали и послужили в междоусобицу. Уважаемый соседними державами, он получил в дар от славного на восток Шаха Аббаса Персидского, нешвенный хитон Спасителя, который, по древнему преданию, принесен был в Грузию одним из воинов, делавших одежды у креста, и сохранялся многие столетия в Мцхетском соборе. Аббас не мог избрать лучшего хранителя для подобной святыни, и хитон Господний, ознаменованный многими исцелениями в столице Русской, положен был Патриархом в Успенском соборе, под сенью медного шатра, подле коего сам возлег он на вечный покой.

4. Иоасаф I

Иоасаф, Архиепископ Пскова, избран на место его (1634 г.) и поставлен собором своих Архиереев; известительные грамоты посланы были ко всем Патриархам и получено их признание для большей твердости; но кроткий Иоасаф не мог заменить не только отца Михаилу, но и государственного мужа, подобного Филарету, церкви и отечеству. Волею благого Провидения, когда сие царственное светило закатилось на севере, другое, столь же яркое, востекло на юге, в колыбели нашего православия.

Сын Государя Молдавского **Петр Могила**, получивший образование в знаменитом университете Парижском, и оказавший воинские заслуги, в рядах Польских, против неверных, оставил величие мирское и постригся в обители Печерской, при ученом ее архимандрите Захарии Копыстенском, которому сделался преемником. Первым делом Петра Могилы было заведение училища в лавре, откуда послал несколько избранных юношей, для окончательного образования в чужие земли, в том числе будущего Митрополита Сильвестра Коссова и ученого Иннокентия Гизеля. Патриарх Константинопольский Кирилл Лукарь, зная лично достоинства архимандрита, сделал его экзархом своего престола, и он вполне оправдал сей выбор, ибо явился сильным поборником православия на Варшавском сейме, при воцарении Владислава, испросив у нового Короля возвращение многих обителей, церквей и имуществ, отнятых у православных, свободное устройство семинарий, училищ, типографий, восстановление епархий Львовской, Луцкой и Перемышльской и учреждение новой в Могилеве, которая одна уцелела впоследствии, когда прочие православные кафедры, одна за другою, исчезли. Несмотря на все происки Униатов, королевская грамота объявила свободное исповедание веры и отправление ее обрядов; Король, предоставив дворянству Русскому и Литовскому право избирать своего Митрополита, с утверждением Патриарха Цареградского, возвратил Митрополитам Киевским первоначальную их святыню, Софийский собор, и велел, наконец, прекратить все распри о

вере, уничтожив постановления прежних сеймов. Но льготы сии скоро были нарушены, отчасти при самом Владиславе, наиболее же при брате его и преемнике Яне Казимире, из кардинальской порфиры Рима, облекшемся в королевскую.

Между тем скончался в Киеве Митрополит Иов и, хотя назначен уже был ему преемником Архиепископ Смоленский Исаия, однакоже православные, бывшие на сейме, за великие заслуги архимандрита Печерского, избрали его Митрополитом и послали просить утверждения к Патриарху Цареградскому Кириллу (1632 г.). Соборное посвящение совершилось в городе Львове и к общей радости народа, опять водворился Петр в древней митрополии Софийской, сохранив за собою и архимандрию лавры. Возобновляя престольный собор свой, доведенный до упадка Униатами, он коснулся священных развалин первоначальной десятинной церкви Св. Владимира, и восстановил один из ее приделов; а нетленную главу ее основателя, просветившего Россию, обретенную под сводами церкви, перенес в лавру Печерскую, во главу и утверждение всей Церкви Российской.

Ревнуя о просвещении духовном, Петр соединил училище, им устроенное в лавре, с Братским на Подоле, которое благословил Патриарх Иерусалимский; соорудил новые здания, бурсу для бедных, учеников на свое иждивение, и приготовительное училище, завел библиотеку, типографию и испросил у Короля звание духовной академии Братскому училищу; сам же принял на себя титул старшего брата и покровителя, увековечив память свою в академии, которая долго после него называлась Киево-Могилянскою.

Пользуясь кратким отдыхом православия, в царствование Владислава, Петр Могила непрестанно издавал в своей типографии творения Св. отцов и служебные книги, чтобы предохранить от Униатских, и большой его требник сделался образцовым для богослужения православного. Но важнейшим подвигом Митрополита для утверждения своей обуреваемой паствы, было издание православного исповедания веры, которое написал частью сам, частью же архимандрит Исаия Трофимович, под его руководством. Собор Епископов создан

был в Киеве, для рассмотрения сего катехизиса, необходимого посреди волнения умов и хитрых увещаний иезуитских, который, по тщательном исправлении и переводе на язык ново-Греческий, послан был к Патриарху Константинопольскому Парфению. Появление такой книги произвело сильное впечатление на Востоке, куда проникла тогда ересь Кальвинская. Коварные лжеучители, под именем Кирилла Лукаря, Патриарха Цареградского, рассевали плевелы, совершенно противные догматам православной Церкви, и, выдавая их за подлинное ее исповедание, соблазняли неопытных. Кирилл, осуждавший новое учение Кальвинов, не решился однакоже явно восстать против, и за нерадение предан был сам анафеме от преемника своего **Кирилла** Веррийского, но смущение продолжалось. Старанием Иоанна, Господаря Молдавского созван был собор в Яссах (1643 г.), который еще однажды осудил лжеучение Кальвинское. Митрополит Петр Могила, с четырьмя Епископами Русскими скрепили своею подписью акты соборные. По воле Патриарха Парфения Константинопольского, экзарх его, Мелетий Стрига, рассмотрел и исправил окончательно, на Ясском соборе, православное исповедание. Оттоле послана книга сия на утверждение Восточных Патриархов и, с их одобрительными грамотами, возвратилась в Киев, уже по смерти великого подвижника Петра Могилы, который после стольких трудов опочил с миром в лавре (1647 г.), как одно из самых светлых лиц нашей церковной истории.

Время его правления, продолжавшееся столько же, сколько и царствование Владислава, хотя и было благоприятно для просвещения духовного Малороссии, но страдания ее в быту гражданском доходили до высшей степени. Правительство Польское, вопреки благонамеренным видам Короля, всеми мерами утесняло несчастную Украину, чтобы смирить сечу Запорожскую, которая одна только, из недоступных островов Днепровских, подымала вольное оружие для защиты своих сограждан и единоверцев. Гетманы ее, один за другим, восставали против жестоких воевод, бились с лучшими полководцами при непостоянном счастье: то наполняли страхом

пределы Польши, всюду разоряя костелы, ибо первыми врагами их было духовенство Римское; то попадали сами в руки неумолимых вождей Польских, и кончали жизнь в ужаснейших муках. Но судьба Павлюка, Остраницы и других храбрых атаманов, не устрашала их мужественных преемников, потому что те же неправды нарушали общее терпение, доколе, наконец, не явился в Украине великий муж, ожесточенный лично кровными обидами, который решился, наконец, свергнуть иго Польши и подчинить Малороссию единой России. – То был гетман Богдан Хмельницкий. Эпохою освобождения прославилось святительство ученика Петра Могилы, **Сильвестра Коссова**, избранного из Епископов Могилевских на митрополию Киевскую; но в то время и политическое положение государства Российского уже изменилось; она окрепла внутри и снаружи, и другие лица держали в руках кормило.

Царь Михаил Феодорович, властвуя над обширными странами, едва утихшими после долгой бури, стесняемый Польшею и Швецией, не мог воспользоваться первым предложением Митрополита Киевского Иова, о принятии под свою высокую руку всей Украины. Он только отпустил, с дарами и лестными надеждами, присланного к нему Епископа Луцкого Иосифа, и сии надежды сбылись при его более могущественном сыне Царе Алексее. Опасаясь разрыва с Турциею и Крымом, готовыми поднять оружие по зову Польши, Михаил не мог даже удержать Азова, которым поклонились ему казаки Дона, овладевшие сею крепостью; дума земская отсоветовала Царю оставлять за собою столь полезное завоевание, и Государь заботился более об укреплении границы Украинской от набегов Татарских, и самой столицы, где еще свежа была память нашествия Польского. Знаменитый освободитель отечества князь Пожарский, продолжавший, во все время царствования Михаила, предводительствовать его войсками или управлять важными областями, скончался в один год с Первосвятителем Московским Иосафом, который оставил по себе кроткую память, хотя и не славился умом государственными

5. Иосиф

Преемник его Патриарх **Иосиф**, избранный (1642 г.) из архимандритов Симоновских и посвященный Крутицким Митрополитом Серапионом с собором Епископов, ревновал к просвещению духовному, подобно великому Филарету; но он застал уже последние годы жизни Михайловой. Неуспешное сватовство Принца Датского за Царевну Ирину, сократило дни нежного родителя, который пламенно желал обращения Волдемара в православие, и в палатах его происходило несколько прений о вере, между избранными священниками Русскими и пасторами со стороны Королевича. Сам Патриарх Иосиф принимал живое участие в прении, и написал вопросные и ответные статьи Волдемару, в коих сильно обличал его ересь, доказывая истину православия. Скорая кончина Царя прекратила совещания о вере: Михаил, предчувствуя свое отшествие к Богу, поручил Патриарху юного сына Алексия, рожденного еще при великом деде, от счастливого брака с Евдокией Стрешневых, и уснул, как бы неким сладким сном, даровавший сам столь желанный отдых России: – лицо его, говорит летопись, просветилось как солнце в час успения.

Первые годы (1646 г.) правления шестнадцатилетнего Царя Алексия напомнили смутные начала его отца. Неопытным руководили ближние бояре, и наипаче пестун его, боярин Морозов, который вскоре после брака царского с Марией Милославской, женился на сестре ее. Народ раздражался налогами; не было войны внешней, но частные мятежи возгорались по городам, от неурядиц правительственных. Бунт стрельцов, сей первой строевой дружины нашей, ужаснул столицу и стоил жизни двум приближенным дьякам царским, которых обвиняли мятежники в произвольном возвышении цен на необходимые припасы. Это было началом тех неистовств, коими запятнали себя впоследствии стрельцы, при малолетнем Петре. – Явились и самозванцы, мнимые дети Лжедмитрия и Шуйского, о коих предостерегали Царя духовные власти Греческие по любви к единой верной России; один из них был

выдан и казнен, другой еще несколько лет беспокоил, тщетным своим именем Россию, скитаясь в Турции, Венеции и между Запорожцев.

Посреди сих неустройств, Государь отменно набожный и благочестивый, по совещанию с Патриархом, Епископами и с думою боярскою, вознамерился собрать правила Св. отец и законы Царей Греческих, исправить также судебник Царя Иоанна, дополнив указами прочих Государей, и соединить все сие в одно уложение, могущее служить законом всему государству. Князю Никите Одоевскому, с двумя думными боярами и дьяками, поручено было заняться новым уложением; а в помощь им созваны стольники, дворяне, жильцы, дети боярские и гости, выборные из всех больших городов, чтобы общими силами устроилось сие (1648 г.) царственное и вместе земское дело; к исходу года оно было уже окончено, с благословения патриаршего, и скреплено подписью духовенства, бояр и всех сословий.

Одною из статей нового уложения учрежден приказ монастырский, из мирских особ для суждения по искам на лица духовные и по делам зависящих от них волостей, которые прежде все разбирались на дворе патриаршем. В то же время разные чины и сословия государственные, трудившиеся над собранием законов, подали челобитную Царю, чтобы отобранные были у архиереев и монастырей все вотчины, ими приобретенные, вкладами или куплею, со времени Царя Иоанна, в противность указа, запрещавшего умножение недвижимых имений духовенству. Хотя сам Государь, чрезвычайно усердный к Церкви, следуя примеру родителя, уже успел в три года своего правления наделить вотчинами многие обители, что продолжал и впоследствии, однакоже, в удовлетворение думе земской, велел он дьякам своим приступить к розыску и описанию приобретенных имений. – Сии два обстоятельства послужили также источником его будущих неудовольствий с **Никоном**.

Необычайное в летописях Русских лицо Никона, по временам светлое и мрачное, великое и слабое, то благодетельное церкви и царству, то вредное обоим, – является

при самом начале царствования кроткого Алексия, как некая судьба, свыше ему данная и неразлучная с ним до конца дней его, под влиянием коей произошло все славное и все горькое его долголетней державы, и которая не преставала тревожить дух его даже и тогда, как сам виновник сей тревоги томился в заточении.

Рожденный в пределах Нижегородских, от родителей поселян, Никон изучил священное писание и тайно оставил дом свой, чтобы начать искус иноческий в обители Желтоводской. Убежденный отцом, он возвратился для сочетания браком, был посвящен в приходские священники и перешел в Москву; но первоначальное влечение к пустынной жизни не оставляло в покое души его, связанной узами мира. Лишившись всех детей, он принял сие за горнее воззвание, и после десятилетнего супружества убедил жену идти в монастырь; сам же пошел искать строжайшего жития иноческого во глубине севера, на льдах Соловецких. Но и отдаленная лавра, Савватия и Зосимы, не казалась ему довольно пустынною; он нашел себе более дикое уединение на соседнем острове Анзерском, в скиту преподобного Елеазара, где провел многие годы в посте и молитве, изнуряя плоть свою непрестанными подвигами; дважды однакоже вынужден был оставлять любимый приют, чтобы опять убедить супругу к решительному пострижению, и в другой раз, вместе с преподобным Елеазаром, за сбором милостыни в Москве. Милостыня сия, вопреки советам Никона, долго не употребляемая на украшение лавры, послужила между ними причиною смуты, и в третий раз с горестью оставил отшельник Анзерский скит. На утлой ладье вверился он бурному морю, и едва спасся от бури, на берегу пустынного Кия острова, где водрузил крест в знамение будущей обители. Попутный ветер принес его к устью реки Онеги, оттоле пришел он в обитель Кожеозерскую, и там опять уединясь, по уставу Анзерскому, на близ лежащем острове, возбудил удивление братии строгою жизнью. По смерти настоятеля, общим молением, убежден был Никон идти в Новгород, к Митрополиту Афонию, просить благословения на степень игумена; чрез три года общежития пустынного, Никон должен был, ради нужд

церковных, посетить Москву, и там впервые увидел его юный Царь. Поражённый величественною осанкою и мужественным красноречием игумена, наслышанный о его святой жизни, благочестивый Государь не решился отпустить от себя такого мужа, и дал ему монастырь Новоспасский, место погребения своих предков.

Здесь начало мирского величия Никона, но не конец его строгой иноческой жизни, в которой пребывал тверд до последнего часа; – здесь начало и тех сильных искушений духа, под бременем коих изнемог, наконец, превознесенный и превознесшийся. Необычайная милость царская отличала между всеми нового архимандрита. В его сладкой беседе находил утешение духовное Алексей Михайлович и с тех пор привык руководствоваться его мудрыми советами; он встретил в нем ревность к Церкви, не уступавшую собственной, и высший взгляд на предметы, не только духовные, но и гражданские, что проистекало у Никона единственно от его гениального ума и смелого, открытого характера. В течение трех лет, всякую пятницу являлся архимандрит в придворную церковь для беседы с Царем, после божественной службы, на пути принимал он челобитные от народа, и Царь, не выходя из церкви, давал на них милостивые решения; таким образом Никон отчасти уже начинал входить в управление гражданское. Когда же слабость добродетельного Афония, Митрополита Новгородского, принудила его удалиться в монастырь Хутынский, Государь избрал ему в преемники Никона, и Патриарх Иерусалимский **Паисий**, приходивший за милостынею в Москву, посвятил его, по желанию царскому, в Митрополиты великому Новгороду. Так, по странному стечению обстоятельств один из Патриархов восточных посвящал Никона, которому суждено было лишиться сана также чрез Патриархов восточных: возвышение и унижение его совершились с равным блеском.

Но Алексей Михайлович, отпустив Никона в Новгород, болел душою о разлуке с человеком присным, необходимым ему и по влечению сердца и по делам государственным. Всякую зиму призывал он Митрополита в Москву, для совещаний, и по случаю сих частых поездок, испросил себе Никон у Государя

живописное озеро Валдайское, на перепутии, для основания обители Иверской, на лесистом острове. Исполненный впечатлениями пустыни, посреди коей провел лучшие свои годы, он хотел, чтобы новая обитель напоминала ему гору Афонскую, образец жития иноческого, и устроил ее по подобию одного Русского монастыря Святой горы.

Необычайная власть предоставлена была от Государя Митрополиту в епархии; не только его исключительному суду подлежали все дела духовные, но и внешние, какие могли касаться до лиц монашествующих, священнослужителей и волостей церковных. Никон имел даже право входить в темницы и по личному своему усмотрению разрешать узников, если находил их правыми. Доверенность царская совершенно оправдалась во время голода, опустошавшего Новгород, когда Митрополит, устроив четыре богадельни, ежедневно кормил на дворе своем убогий народ; оправдалась и еще более посреди страшного мятежа, вспыхнувшего в Новгороде и Пскове. Здесь в полном блеске явились пастырские добродетели Никона, ибо когда во Пскове разъяренная чернь умертвила воевод своих и с трудом могла быть усмирена оружием в Новгороде, напротив пострадал один только Святитель. Он укрыл в своих палатах воеводу Князя Хилкова и вышел к бунтующему народу: удары посыпались на отважного и замертво был он оставлен на площади. Едва дышащий поднялся однакоже, с помощью своих; при изнеможении телесном нашел в себе довольно силы душевной, чтобы идти с крестным ходом служить литургию в той части города, где свирепствовал бунт; не боялся и еще однажды предстать даже в самую избу, где собирались мятежники. Великодушие пастыря на сей раз поразило самых буйных, хотя не переставали они действовать против правительства, и заградив пути к столице, пересылались со Шведами, чтобы отдать им Новгород. И тут успел Никон, предупредить Государя, для принятия нужных мер предосторожности; сам же предав соборной анафеме изменников, спокойно выжидал бурю. Буря утихла, рассеянная его неколебимою твердостью, и он имел утешение видеть раскаяние народа, прибегшего к нему за разрешением

духовным и за милостью царскою, потому что Митрополиту предоставлен был суд над виновными.

Таковы были гражданские подвиги Никона в своей епархии; пастырское же его рачение о благонравии клира и паствы, о благолепии обрядов церковных, доходило до чрезвычайной ревности. Одаренный красноречивым словом, Никон непрестанно поучал в церкви, и на его пламенную проповедь, исполненную божественного писания, стекались издалека; он заменил живым словом чтение избранных поучений, уставленных на каждый день, обратил внимание на утварь и облачения церковные, в которых любил чистоту и великолепие, чтобы сделать их достойными высокого назначения: устроил и самый порядок богослужения, ибо по вкравшемуся злу, священнослужители для скорости читали в одно время на обоих крылосах, в два и три голоса, кафизмы и каноны за всю ночь, и даже на литургии ектеньи и возгласы сливались с пением клира. Строго запретил Митрополит подобное бесчиние во всех церквях своей епархии, которое указами царскими прекращено было и в прочих, по совету Никона; он учредил также вместо неблагозвучного пения, другое более сладкое, применяясь к древним напевам Киевским и Греческим. Утешенный сим пением, Государь завел оное и в своей придворной церкви, отколе начало распространяться в других церквях и обителях.

С неудовольствием смотрел престарелый Патриарх Иосиф на сей порядок церковный, который почитал нововведением, по слабости, свойственной человеку, уже стоявшему на краю долгого поприща. Многие из числа духовных, его окружавшие, протопоп Аввакум, священники Лазарь и Никита, царский духовник Стефан, диакон Феодор и брат его Григорий Нероновы, поддерживали старца в столь неблагоприятном мнении и употребили во зло его доверенность, при напечатании псалтири, кормчей, катехизиса, искажая их своими грубыми ошибками и произвольными толкованиями; потому что и начальник дворцового приказа, где находился печатный двор, князь Львов, был их соумышленник. Многие из неопытных уже начинали заражаться их толками, но по свидетельству современника, Митрополита Тобольского Игнатия, старые и

сведущие люди не хотели принимать нового их лжеучения. Между тем необходимость исправления книг церковных была столь чувствительна, и вместе с тем так усиливалась страсть к просвещению духовному, что Царь Алексей Михайлович просил Митрополита Киевского, Сильвестра Коссова, прислать к нему старцев, из знаменитой академии, для сличения с Греческим Славянского перевода библии, неисправно напечатанной князем Острожским. Даже частный человек поревновал Царю в его усердии: благочестивый и образованный боярин Федор Ртищев, устроил под Москвою Преображенскую пустынь, зародыш будущей академии, из тридцати монашествующих братии, собранных им в Малороссии для перевода церковных книг. Знаменитый богослов своего времени, Киево-Печерский иеромонах Епифаний Славенецкий, был в числе ученой братии сей обители, и под его руководством изданы многие жития и беседы Св. отец и переведены с Греческого все соборные правила.

Не только с Киевом и Малороссиею становились чаще и ближе церковные сношения наши, но и с Востоком. При отшествии из Москвы Иерусалимского Патриарха **Паисия**, отправлен был вместе с ним келарь Троицкой лавры Арсений Суханов, во святые места Восточные, для наблюдения устава церковного, четырех вселенских престолов, ибо возникали разногласия и споры о некоторых обрядах. Арсений дважды обращался из Молдавии, от Патриарха Иерусалимского к Царю и к гетману казаков, по делу о явившемся у них самозванце; он оставил, наконец, Паисия и встретил в Галаце другого Первосвященителя Греческого, **Афанасия Хартулария**, бывшего краткое время на престоле Цареградском. (Сей Афанасий, милостиво принятый в Москве, скончался на обратном пути в Лубнах, где доныне почивает его нетленное тело). По случаю жестоких гонений, которые претерпевала тогда Константинопольская Церковь, и по бедственной кончине Патриарха **Парфения**, не мог видеть Суханов его преемника, но в Александрии беседовал с мудрым Патриархом **Иоанникием**, и получил от него разрешение на многие вопросы церковные. В Иерусалиме же наблюдал, и описал подробно весь чин

богослужения Греческого, и шел обратно чрез Дамаск, где виделся с Патриархом Антиохийским, и через Грузию; таким образом, он представил в описании своего пути довольно полное обозрение Восточной Церкви, хотя и омраченное односторонним взглядом на характер Греков и недоразумением в некоторых своих наблюдениях. Арсений возвратился в последней год жизни Патриарха Иосифа, когда уже своевольствовавшие при нем священники, недовольные Никоном, заводили явные расколы. Они воспользовались некоторыми неблагоприятными замечаниями Арсения, чтобы восстать против Митрополита Новгородского, за то будто бы, что хотел соотноситься во всем с Церковью Греческою, между тем как сама она не удержала древнего своего православия. Так, мало-помалу, собирались тучи на горизонте церковном.

В сие время открылись мощи ученика преподобного Сергия, св. Саввы Звенигородского, и утешенный их явлением Государь, вскоре созвал, по совету Никона, собор духовный для воздания торжественной почести трем великим страдальцам Российской Церкви: Иову, Гермогену и святому Митрополиту Филиппу, чтобы из близких и дальних гробов своих собрались они к сонму святителей, в тот Успенский собор, где просияли пастырскими добродетелями. Царь Михаил Феодорович воздал сей последний долг Царю, своему предместнику Шуйскому, возвращенному им из Польской могилы в собор Архангельский, а сын Михаила трем Святителям. Из Чудова перенесен торжественно великий Гермоген, в престольный собор свой, и поставлен поверх земли, подле медного шатра ризы Господней. Престарелый Варлаам Митрополит Ростовский, послан был в Старицу за мощами Иова: Патриарх Иосиф, сам уже предчувствовавший близкую смерть, когда полагал первопрестольника Иова подле предместника своего Иоасафа, испросил себе у Царя место в ногах Иова, и чрез несколько дней исполнилось его последнее желание.

Между тем в лавру Соловецкую отпущен был прежний ее отшельник Митрополит Никон, с молебным посланием Царя к мощам Филиппа, дабы подвигся великий Святитель с места покоя, и пришел в столицу разрешить своим присутствием

спящего там Иоанна, виновника мученической его кончины, за которого молил кроткий Царь Алексей, как бы живого о живом. И подвигся Филипп, и пошел вновь по водам Белого моря, которые уже преплыл однажды в своей раке, как в гробовой ладье; кормчим был Никон, и причалил опять к пустынному Кию острову и устью Онеги, где некогда спасся на утлом челне, и оттоле направился в обитель Белоозерскую. Извещая постепенно Царя о своем шествии, продолжал Никон водою путь свой от Св. Кирилла к Ярославлю, и сушею, из Ярославля в лавру; он не предчувствовал, что через тридцать лет, испытав сам все превратности судьбы человеческой, высшую степень величия и крайнего убожества, изгнанником и узником, будет возвращаться тем же путем, в обитель нового Иерусалима, живой до Ярославля и уже мертвый далее. Юный Царь и дряхлый Митрополит Ростовский Варлаам поспешили встретить за воротами столицы, мощи святителя Филиппа, и, не достигнув их, скончался Варлаам, под бременем лет и чрезмерной радости. Многие исцеления ознаменовали торжественное возвращение Филиппа в свою церковную область; он стал опять во гробе, на то место с коего обличал Иоанна, и страждущие, как некогда угнетенные, опять к нему притекали, как к живому источнику помощи.

Казалось, Филипп, с патриаршей кафедры правил опять Церковью всея Руси, потому что не было ей другой главы: Патриарх Иосиф скончался, так же и местоблюститель его Митрополит Ростовский. Старший из всех, Никон Новгородский, отрекался упорно от престола патриаршего, несмотря на моление любящего и любимого им Царя. Он знал, что окружавшие Иосифа и сильная сторона в духовенстве смотрели на него, как бы на презрителя старины Русской, за сближение с Восточною Церковью, видел любовь царскую, но также и влияние, которое имели приближенные бояре на кроткую душу Государя; а суровый характер Никона, уверенного в чистоте своей цели, не был по несчастью растворен пастырскою снисходительностью. Все сие предчувствовал он, когда с такою твердостью отвергал все моления, но любовь Царя преодолела. В храме Успенском, пред мощами Филиппа, со

всем синклитом и собором, в последний раз, убедительно заклинал он Никона, не оставлять в сиротстве Церковь Российскую без пастыря, и поколебалась твердость святителя при таком молении; он спросил: будут ли всегда почитать его, как истинного архипастыря и духовного отца, и дадут ли ему устроить дела церковные? – услышав же единодушную клятву, изъявил, наконец, согласие на высокий сан, к общей радости Царя, собора и народа, и тем изрек собственный приговор.

6. Никон

Шесть лет действительного патриаршества Никона (1653 г.) были самою блестящею эпохою царствования Алексея Михайловича; – гениальный ум и предприимчивый характер Святителя одушевили совет царский и отозвались славою побед соседним державам; но годы, проведенные им в пустынных подвигах, и на кафедре Новгородской, были лучшим временем его жизни; посреди забот государственных утратил он мир внутренний. Одно могло утешать Никона, – искренняя, взаимная любовь к нему Государя, которая наполняла обоих до такой степени, что они казались одним человеком в делах правления, проводя все дни вместе, на молитве, в совете, или за дружественною трапезою; чтобы еще более соединиться, узами родства духовного, Патриарх был восприемником всех детей Государевых от купели, и оба они дали взаимную клятву не оставлять друг друга до пределов гроба. И что всего трогательнее в судьбе обоих, – даже во время долголетних смут, возбужденных между ними, завистью недоброжелателей, они сохранили в сердце до последней минуты сию нежную приязнь и ничего так не боялись царедворцы, как личного меж ними свидания.

Исправление книг церковных было первым и постоянным предметом забот Патриарха. Дело сие, предполагаемое еще при Иоанне Грозном, на соборе стоглавном, но оставленное, со многими полезными предприятиями, в мрачные годы его душевной болезни, потом возобновляемо было при Феодоре, печатанием книг церковных, хотя и весьма несовершенным, и опять прервалось смутами самозванцев. Царь Михаил Феодорович и Патриарх отец его чувствовали равномерно сию необходимость, когда постепенно исправляли уставы и требники, обличая вкравшиеся в них ошибки от переписчиков и печатников. Но окончательный труд требовал людей более образованных и благомыслящих, нежели каковы были священники и диаконы, занимавшиеся печатанием книг при Иосифе. Когда же Патриарх Никон, при котором вышла в свет

напечатанная ими кормчая, заметил, хотя и поздно, все грубые подлоги недобросовестных ее издателей, наипаче о перстном сложении, то он подверг их строгому наказанию, умножив тем число врагов своих.

Соборное исправление книг произошло таким образом: скоро по своем поставлении, Никон, разбирая утвердительные грамоты Патриарха Иеремии и собора Греческого, на имя первопрестольника Иова, со страхом прочел в них, какому осуждению подвергается всякое нововведение в вещах церковных, вопреки уставам Св. отец; прочел также на древнем саккосе Митрополита всея Руси Фотия, за 250 лет принесенном из Греции, символ веры, низанный жемчугом, и, рассмотрев тот же символ в новых печатных книгах, равно как и чин литургии, ужаснулся, увидев в них несходства с древнейшими списками. – Тогда же умолил он Царя созвать в своих палатах собор (1655 г.), для решительного совещания об исправлении книг, и соединились Митрополиты: Новгородский Макарий, Казанский Корнилий, Ростовский Иона, Крутицкий Сильвестр, Сербский Михаил и Архиепископы: Маркелл Вологодский, Софроний Суздальский, Михаил Рязанский, и Епископ Павел Коломенский, бывший впоследствии главою раскола и виною осуждения самого Никона.

Патриарх предложил собору: «поелику в новых печатных книгах Московских обретаются многие несогласия с древними Греческими и Славянскими книгами, которые между собою совершенно сходны, и погрешности сии произошли от неопытности переписчиков и печатников, то должно ли предпочитать новые книги древним, следуя коим, угодили Богу великие богословы и учителя восточные и вселенские: Афанасий и Василий, Григорий, Златоуст и Дамаскин, и Российские чудотворцы: Петр, Алексей, Иона и Филипп»? Государь и собор единодушно ответствовали: «достойно и праведно исправить новые книги, против старых харатейных Славянских и Греческих, чтобы следовать во всем прежним церковным уставам».

Тогда Государь, вместе с Патриархом, повелели собрать в Москву древние рукописные книги, за 800 лет и более

переведенные с Греческого, из лавры Троицкой и обителей Новгорода, из монастыря Иосифа Волоколамского и других, и чтобы не одна только их воля, но и совет Вселенских Патриархов, участвовали в сем предприятии, они послали в Царьград с вопросительными грамотами, мужа опытного Мануила Грека. – Исполняя благое их желание, Патриарх Константинопольский Паисий, созвал Греческих святителей и деянием соборным утвердил решение собора Московского: следовать во всем православному писанию восточных учителей, обретающемуся в древних Греческих и Славянских книгах, и прислал символ веры Никейский, для непреложного образца, в коем ни единое слово не должно быть прибавлено, или убавлено.

Братское послание Патриарха к Никону, о чине и таинственном значении литургии, и о многих других предметах, исполнено было глубокого знания, ревности к православию и вместе с тем пастырской любви. Паисий умолял ни в чем не разнствовать от устава великой Константинопольской Церкви, дабы все, пять патриарших престолов: Царьграда, Александрии, Антиохии, Иерусалима и Москвы, составляя единую вселенскую Церковь, были едины, не токмо в догматах и правилах, но и в самых обрядах; предлагал православное исповедание Петра Могилы, исправленное всеми Патриархами, как истинное выражение догматов Церкви Восточной. Но похваляя ревность Никона, просил также быть снисходительным к тем, которые заблуждались не в существенных догматах веры, но только в некоторых маловажных вещах внешних, дабы чрез то удержать их в союзе церковном, и благоразумнее было бы последовать кроткому совету Паисия; но по несчастью природная суровость Никона, при пламенной его ревности к искоренению всякого зла церковного, увлекала его из пределов пастырского снисхождения.

Утешенные писанием Паисия, Царь и Патриарх, послали вторично с богатою милостынею келаря Арсения Суханова, за древними рукописями во святую Афонскую гору, где собрал он до пятисот Греческих книг, из коих одно Евангелие писано было за 1050 лет. Поревновали Афону и вселенские Патриархи,

отпустив с Арсением до двухсот подобных рукописей, которые составляют и доныне лучшее сокровище патриаршей Московской библиотеки. Для большей верности и предусмотрительности, Патриарх Никон воспользовался пришествием в Москву Патриархов Антиохийского **Макария**, Сербского **Гавриила** и Митрополитов Никейского Григория и Молдовлахийского Гедео́на; – он созвал опять собор, подтвердивший деяния первого, присутствием восточных иерархов.

Подробно расспрашивал их Никон, о перстосложении крестном на Востоке, и слышал от каждого, что Церковь православная Греческая, искони и доныне, слагала и слагает всегда для крестного знамения три первые большие перста сходно с Российской; он спрашивал и о несогласии новых печатных Московских книг с древними Греческими и Славянскими, которое вкралось в то мрачное время, когда, по бедственным обстоятельствам Востока, 120 лет Церковь Российская не могла быть в постоянном сношении с престолом Константинопольским и получать от него просвещенных святителей, или посылать к нему на поставление своих, – и оба Патриарха с Митрополитами одобрили книжное исправление.

Тогда уже решительно приступлено было к необходимому исправлению, по древним образцам Греческим и Славянским, и прежде всего напечатан в Москве служебник, а вслед за ним другие книги и скрижаль, или сборник духовный, о многих предметах догматических, почерпнутых из писаний Св. отец. Но когда все сии благоразумные меры предосторожности, руководившие собор в самом деле исправления и печатания книг, перестали быть соблюдаемы при распространении их в церквях и обителях, и строго начали отбирать у всех старопечатные издания, – тогда возник ропот народный, коим воспользовались люди неблагонамеренные; ибо они, употребляя во зло невежество неопытных, называли книги Никона новыми, по времени их явления, и коварно скрывали совершенное их сходство с древнейшими, Греческими и Славянскими рукописями, от коих напротив того отступали так называемые старые книги времен патриарших. Самыми

деятельными распространителями подобных мнений были личные враги Никона, уставщики Патриарха Иосифа, пострадавшие за неправильное издание кормчей, попы Аввакум, Лазарь, Никита, Стефан, диаконы Григорий и Феодор Нероновы, которые сделались сеятелями расколов. Так самое благое и полезное дело причинило нечаянное смятение.

Внезапная деятельность, оказавшаяся со времени восшествия Никона на престол патриарший в управлении церковном, тогда же обнаружилась и в делах государственных, и первым блистательным подвигом было присоединение Малороссии. Давно уже жаждал сего гетман Хмельницкий, но осторожная политика двора Московского содержала Россию в тесных пределах, в какие заключили ее войны самозванцев и слабость нового правления при Михаиле. – Между тем росла надменность Польши, оскорбительная для Царей наших, едва признаваемых ею, и то без надлежащего титула, умножались бедствия Украины, подвергаемой всякого рода гонениям; за свое православие и за народность; а между тем, кроме войска Запорожского, уже многочисленные слободы казаков, разделенных на полки, под управлением своих полковников и одного гетмана, могли выставить в поле 60,000 лучшей конницы. Богдан Хмельницкий был душою всей Украины. Непобедимый во многих сражениях, он окружил стан самого Короля Яна Казимира, под Сборовым, и предписал ему условия, выгодные для самобытности Малороссии и ее свободного вероисповедания. Сорокатысячный состав войска казачьего, заседание Митрополита Киевского в сенате Польском, удаление школ иезуитских из Киева и евреев из слобод Украинских, были важными статьями сего договора, ибо до такой степени доходили гонения от Унии, что даже на откуп евреям отдавались вино и просвиры для литургии. Но гетман, в свою чреду, изменою союзных Крымцев, был предан во власть Короля, и принужден принять от него стеснительные условия под Белою церковью: тогда не видя уже никакого спасения со стороны Польши, стал еще более сближаться с Россиею.

Сперва испросил он дозволение казакам селиться по левую сторону Днепра, в пределах Русских, и устроил там пять новых,

полков, со всеми льготами пятнадцати прочих полков Украинских. Наконец, при наступательном движении вождей Польских, прибег со всем войском Запорожским под высокую руку Царя, и в грамоте к Патриарху Никону, предлагая условия подданства, умолял о присоединении Украины к державе Русской. Собор духовных и мирских чинов соединился для совещания в грановитой палате: Государь решился, прежде, нежели поднять оружие, еще однажды требовать удовлетворения от Короля Польского; он предложил свое посредничество для защиты православия; но мирные слова послов царских с гордостью отвергнуты были правительством Польским, и война объявлена, а Украина принята навсегда в подданство России.

Воеводу Бутурлина послали к гетману для совершения столь великого дела, которое не стоило ни одной капли крови России. Хмельницкий, в полном блеске своей славы, уважаемый Ханом Крымским и Султаном, принудивший Господаря Молдавского выдать дочь за своего сына, спросил войско Малороссийское в Переяславле: «кому оно волит: бусурманским ли Хану и Султану, латинскому ли Королю или Царю православному?» и слышав единодушный клик: «волим под Царя православного!» присягнул на подданство со всею Украиною. – Вольное избрание гетмана и собственная расправа казаков, при 60,000 составе их войска, были главными условиями. Но в Киеве Митрополит Сильвестр Коссов и Печерский архимандрит Иннокентий Гизель, неохотно решались променять древнее, именем только, подчинение престолу Цареградскому, на совершенную покорность Патриарху Московскому; однакоже, в скором времени, тот же архимандрит отправлен был в Москву Митрополитом, для оправдания и утверждения прав духовенства Малороссийского; его приняли с ласкою, по благоразумной политике Никона и отпустили с дарами; совершенное же присоединение Киевской митрополии последовало только чрез тридцать лет.

В начале 1654 года открылась война Польская; сам Государь присутствовал при войске, поручив свое семейство и самое царство Патриарху; бояре думные не могли действовать

без его совета. – Никогда дотоле оружие Русское не покрывалось большею славою, как в сем быстром и блистательном походе. Казаки содействовали Царю во взятии Смоленска, древней его отчины, и вслед за тем тридцать важнейших городов Белорусских, один за другим, сдались Государю. Полоцк, убежденный своим красноречивым игуменом Игнатием, открыл врата единоверному властителю. – Но посреди светлых побед опечалило Царя известие о страшной моровой язве, которая свирепствовала в Москве и ее окрестностях, и исполнила столицу трупами, не погребаемыми за недостатком рук. Патриарх успокаивал смятенный народ, пастырским окружным посланием и, внушая меры предосторожности против заразы, озаботился сохранением вверенной ему семьи царской. Он странствовал с нею из монастыря в монастырь, лично наблюдая за безопасностью мест, и имел утешение возвратить в Вязьме Государю все близкое его сердцу невредимым. Признательный Алексей Михайлович, в восторге радости, тогда же провозгласил Никона Великим Государем, подобно как называем был дед царский Патриарх Филарет, и несмотря на сопротивление Никона, велел писать во всех государственных актах титул сей, который потом обратился ему в обвинение, хотя сам он не позволял так величать себя в церкви.

В краткое пребывание Царя посетили столицу Патриархи Антиохийский и Сербский, для книжного исправления, и послы нового Короля Шведского, с дружественными предложениями Карла X, который со своей стороны воевал Польшу: но двор Московский, по хитрым внушениям Австрии, устранившись от Швеции, сделал важную ошибку политическую. Содействовал к тому и неблагоприятный совет Никона, который будучи еще Митрополитом Новгорода, пламенно желал возвратить от Швеции древние области наши, Ингерманландию и Карелию, со столькими церквами и монастырями, отторгнутыми в бедственные времена междоусобицы. Обольщенный быстрым и счастливым присоединением Малороссии и Белороссии, он полагал, что настало время вознаградить все потери; и поистине, эта была самая блистательная минута царствования

Алексея Михайловича, напомнившая лучшие времена России до самозванцев.

В одно и то же время, отважный атаман Хабаров бился с Даурами на берегах Амура, спускался в океан восточный, покоряя отдаленнейший край Сибири Царю Русскому; и первое посольство наше проникло в Пекин к Богдыхану Китайскому, равно изумленному существованием и силою России; и орды Калмыков, кочевавших в беспредельных степях Астрахани, вступили в подданство России; и господарь Молдавии Стефан, подобно гетману Украины, просил Царя принять его под свою высокую руку, а соседние державы искали с ним союза. Второй поход Польский Алексея Михайловича покрыл его новою славою. Гродно и Ковно не устояли против оружия Русского, распространившего владения наши почти до нынешних пределов, и самая столица Литовская, искони нам враждебная, Вильна, увидела торжественное вшествие победоносного Царя. Ужаснулась Польша, лишенная всех своих столиц, ибо Варшава и Краков пали пред воинственным Королем Шведским; несчастный Ян Казимир прибег к защите империи Римской.

Тогда подействовали коварные внушения посла Австрийского, иезуита Аллегрети, и заключено было перемирие с Польшею, которая уступила все завоеванные места, до совершенного мира, единственно для обращения оружия нашего на союзную Швецию. Чтобы еще более завлечь Царя в сию пагубную войну, ему предложили корону Польскую, и он даже объявлен был торжественно, на сейме, наследником Яна Казимира. Обольщенный столь хитрою политикою, Государь внезапно направил войско на Ливонию Шведскую, и это был решительный оборот его воинского счастья. Динабург с некоторыми крепостями сдались приступом, но крепкая Рига отразила нападение Царя и охладила в нем любовь к подвигам ратным. Он возвратился в Полоцк и потом в столицу; там встретил опять свое семейство, вторично спасенное, заботливостью Никона от моровой язвы, которая не переставала свирепствовать во все время похода, страшно возобновляясь по разным местам. Между тем тщетная война Шведская еще длилась два года, при переменном счастье

воевод наших, и одна только опытность наместника Ливонского, Ордына-Нащокина, удерживала сию покоренную область. В течение сего времени скончался храбрый воевода Бутурлин, разорявший вместе с юным сыном гетмана, южные пределы Польши; скончался и сам великий виновник избавления Малороссии Богдан Хмельницкий, вслед за Митрополитом Киевским Сильвестром Коссовым, и таким образом, вся Украина на многие годы сделалась поприщем безначалия, измены и кровопролития.

Когда столь неблагоприятно изменились обстоятельства внешние, внутри государства возникло вредное для Церкви смятение, в лице Патриарха Никона. Строгий правитель, в течение двухлетнего отсутствия царского, распоряжаясь властью, не как первосвященник, но как друг Царев, по неограниченной к нему доверенности своего Государя, он возбудил зависть и ненависть первостепенных бояр, родственников царских, Морозовых, Милославских, Стрешневых, и Князей Трубецкого, Долгорукого, Одоевского, Ромодановского. – Сама Царица втайне ему не благоприятствовала, по связям ли кровным с Милославскими, или опасаясь его влияния на супруга. Вельможи, подавленные и помраченные светлым гением Никона, не могли равнодушно переносить его единовластия, в думе их и совете царском. Со своей стороны Никон, по непреклонности характера, более и более раздражал умы, действуя резко и самонадеянно, и слишком давая чувствовать свое преимущество. Патриарх Антиохийский Макарий, посетивший дважды Россию, в дни величия и падения сего знаменитого мужа, описал образ его правления и жизни, в отсутствие Алексея Михайловича.

Никон, обремененный всею тяжестью забот государственных, продолжал быть строгим иноком на патриаршем престоле, соблюдал все церковные службы, с такою притом ревностью к просвещению духовному, что во время литургии всегда имел при себе древнейшие требники, для сличения обрядов и молитв. Он показывался народу только в храме и на кратком переходе из своих келлий в собор Успенский, принимал челобитья, которые решал на месте, или

на другой день. Утром, в урочный час, по звуку колокола, сходились бояре правительствующие в крестовую палату; Патриарх выходил к ним и стоя рассуждал о делах; если же кто опаздывал к выходу, то дожидался потом несколько часов, в его сенях. Когда же некоторые из бояр, возвратившиеся из Польского похода, принесли с собою иконы письма латинского, и завели в домах органы, – Патриарх велел у них отобрать то и другое, и предать огню, как предметы противные православию, и сам громко обличал их в соборе, пред лицом Государя, называя каждого по имени.

Не менее тягостен был Патриарх и духовенству. Прошедши сам чрез все его степени и состояния, будучи послушником в монастыре, десять лет приходским священником в селе и столице, потом долгое время отшельником в диком уединении, игуменом в бедной пустыне, архимандритом богатого монастыря, митрополитом первостепенной епархии и наконец, Патриархом, – он испытал все, что только может испытать лицо духовное, и, показав всюду строгий пример нравственности, требовал ее столь же строго от подчиненных. Жестоко наказывал он нетрезвость, по обычаю того времени, темницею и биением, не пощадил и собственного духовника. Никон требовал, по мере возможности, и некоторого образования от посвящаемых им в диаконы и священники, по крайней мере, знания грамоты, и никогда не рукополагал в своей патриаршей области, без личного испытания в чтении, что также казалось в то время весьма стеснительною мерою. Но наипаче был он взыскателен за всякое нарушение чина церковного и, подвергнув наказанию неблагонамеренных: Аввакума, Лазаря, Никиту и Нероновых, не умерил гнева и в отношении Павла Коломенского, как только заметил, что сей Епископ, подписавшийся на соборе церковном об исправлении книг, явно противодействовал самому делу. Патриарх отрешил его самовластно от епархии и заключил в монастырь, без суда архиерейского, подвергшись чрез то нареканию в нарушении правил соборных, повелевающих творить суд над каждым Епископом. Высшее духовенство раздражилось сим поступком и терпело только до времени, давно уже оскорбленное

необычайным величием Никона, которое казалось приличным только Филарету, по праву родителя царского, но возбуждало зависть сверстников к человеку, происхождения темного. Ближайшие к особе Патриарха были вместе и сильнейшими его недоброжелателями: Питирим Митрополит Сарский, наместник его церковной области, и архимандрит Чудовский Павел, впоследствии заступивший место Питирима, когда он перешел на Митрополию Новгородскую; также Иларион архиепископ Рязанский, и другие хотя всех их рукоположил сам Патриарх.

Один только человек искренно любил Никона, помня его заслуги и неизменную приязнь, – это кроткий Царь Алексей Михайлович и ему одному был предан Патриарх всею душою, дорожа его славой даже до ревности; он не мог равнодушно видеть влияния приближенных бояр, которые, наконец, происками, достигли желанной цели, устранив от него Государя. Двухлетнее отсутствие приучило его обходиться без постоянного совета патриаршего, неудачный поход Шведский, после блистательных успехов Литовских, невольно раздражил за безвременный совет о войне; по возвращении же общий голос бояр и духовенства о самовластии Никона, содействовал к охлаждению царского сердца. Скоро заметил сие Патриарх; прекратились между ними дружественные ежедневные трапезы и частые совещания; распоряжения церковные Никона начали быть опровергаемы Государем: – так, по указу его, Полоцкий Богоявленский монастырь, который Патриарх объявил ставропигиальным, т. е. зависящим прямо от своего лица, внезапно отдан был в управление Каллисту, посвященному на епархию Полоцкую.

Между тем, приказ монастырский, остававшийся в бездействии во время властного управления Никона, мало-помалу уже начинал судить лица духовные и их волости; иногда подымались дела и о самых волостях, приобретенных вопреки указов Иоанна, и дума боярская стала решительнее действовать, опираясь на уложение. Не такого характера был Никон, чтобы уступить тем, с коими не привык делиться доверенностью царскою. Гневно выражался он о новом порядке дел, и еще надеялся опять обратить к себе внимание; а

вельможи, зная его раздражительность, питали ее личными оскорблениями. Все приготовлялось к совершенному разрыву, – ожидали только случая.

Чувствуя утрату своего первобытного влияния, в делах государственных и даже церковных Никон не мог уже заниматься ими, под влиянием других, и начал помышлять об удалении. Для сего ревностно занялся устройством трех созданных им обителей, Крестной, Иверской и Воскресенской, на память трех замечательных эпох его жизни: отшельничества Соловецкого, митрополии Новгородской, и патриаршества Всероссийского. Как будто стыдясь своего унижения в столице, вне оной проводил он время, в трудах иноческих, а враги пользовались его отсутствием, чтобы совершенно удалить. Однакоже любящее сердце Царя невольно влекло его к бывшему некогда единственному другу, и взаимное чувство их приязни трогательно обнаружилось в последний раз, при освящении деревянной церкви новой обители Воскресения. С горы, называемой Элеон, Государь, обзревая живописную окрестность, сказал Патриарху, что Бог изначала определил место сие для обители, ибо оно прекрасно как Иерусалим. Никон же, утешенный столь сладким именем, назвал в угодность Царю всю обитель Новым Иерусалимом, и поручил келарю Арсению Суханову, странствовавшему по Востоку, для собрания рукописей, принести ему образец Св. гроба, по подобию коего немедленно заложил каменную обширную церковь.

Протекло около года; наветы и неудовольствия росли; Государь, удерживаемый боярами, видался редко с Патриархом и перестал даже выходить в собор на его служение; царедворцы нагло над ним ругались, и один из них, Стрешнев, осмелился даже назвать именем его свою собаку. Только искреннее объяснение Патриарха с Царем, могло бы погасить разгоравшееся и раздуваемое пламя, но когда однажды поселится взаимное недоразумение между людьми, любившими друг друга, то самая память прежней любви отравляет раны их сердца, потому что перемена отношений взаимных уже оскорбительна каждому.

Наконец представился случай (1658 г.) к совершенному разрыву. Грузинский Царь Теймураз, обуреваемый междоусобиями своей земли и набегами Персов и Турок, пришел лично искать покровительства у могущественного Царя Российского, и с великим торжеством принял его Алексей Михайлович. Патриарх оставил также свое уединение, чтобы участвовать в светлом приеме; во время встречи Теймураза, окольный царский Хитров, очищая ему путь, ударил боярина патриаршего и с грубостью повторил удар. Раздраженный Никон требовал удовлетворения, но происками бояр не получил его; он надеялся объясниться лично с Государем в храме, на празднике ризы Господней; но, против обыкновения, Царь был удержан от выхода, и князь Ромодановский, пришедший в собор, чтобы объявить о том Патриарху, стал упрекать его в надменности за титул Великого Государя.

Тогда Никон потерял терпение и предался гневу; окончив литургию всенародно объявил он, что ради его недостойности приключаются все войны, моры и неурядицы в государстве, и, поставив к иконе Владимирской посох Петра чудотворца, громко произнес, что отныне он уже не Патриарх Московский; снял с себя одежды святительские, несмотря на моления клира и народа, надел простую мантию иноческую, и написав в ризнице письмо к Царю, об отшествии своем с престола патриаршего, сел на ступенях амвона ожидать ответа. Смятенный Государь послал увещевать его, чрез боярина князя Трубецкого; но увещатель был также из числа врагов. Народ плакал и держал двери соборные, Никон остался непреклонным, не хотел более взойти в келлии патриаршие и пеший пошел из Кремля на подворье Иверское, оттоле же, не дождавшись дозволения царского, уехал в обитель Воскресенскую и отказался сесть в посланную за ним карету. Князь Трубецкой приезжал опять, уже в Воскресенск, спрашивать его, именем Государя, о причине отшествия. Никон отвечал, что ради спасения душевного ищет безмолвия, отрекался от патриаршества, просил себе только трех монастырей, Воскресенского, Иверского и Крестного, благословил Митрополиту Крутицкому Питириму управлять

делами церковными, и наконец, в трогательном письме, смиренно просил Царя, о христианском прощении, за скорый отъезд свой.

Слух о нашествии Крымцев опять обратил к Патриарху мысли Государя, встревоженного его опасностью в беззащитном Воскресенске. Он послал к нему ближнего человека, с предложением ехать, на время нашествия, в укрепленный монастырь Макария Колязинского. Никон почел это вестью заточения и отвечал посланному, что есть для него в Москве другое более крепкое место, у Зачатейского монастыря, разумея городскую тюрьму; сам же поспешил в столицу, где только чрез три дня допущен был до свидания с Царем, и то в присутствии бояр, или Царицы, и потом опять возвратился в свою обитель. Но спокойствие и тишина после бури, в таком соседстве от двора, могли быть опасными для недоброжелателей Никона; – последовали новые огорчения. Внезапно раскрыт был на патриаршем дворе тайный архив его и горько жаловался Никон, в письме к Царю, на сие нарушение тайн, не только частных и государственных, у него хранившихся, но и тех, какие вверяли ему как святителю, чада духовные, для облегчения совести. Он приписывал такой поступок к намерению истребить у него все письма царские, в коих называем был Великим Государем, и свидетельствуя, что всегда отрекался от столь гордого и неуместного для него титула, просил об утолении царского гнева. Чрез несколько времени самоуправство Митрополита Питирима, который взошел во все права патриаршие, и даже совершил, в лице его, обряд вербного воскресения, шествие на осляти кругом города, опять раздражило Никона; он не мог еще отвыкнуть от мысли о своем патриаршестве, а уже видел в наместнике личного врага, и отошел далее от столицы на Белое море, в Крестный монастырь, где провел более года в трудах пустынных.

Между тем не могли оставаться в таком неустроенном положении дела церковные. Алексей Михайлович созвал в столицу собор Российских и случившихся Греческих Епископов, чтобы рассудить о действиях Патриарха; а между тем послал к нему, на Белое море, стольника Пушкина, просить

окончательного разрешения на выбор иного Патриарха. Никон, хотя и подтверждал свое отречение, однакоже опасался власти неприязненного преемника, и, не разрешая приступить к избранию и посвящению, предоставлял право сие исключительно себе. Он хорошо знал судьбу своих потому что на соборе вполне обнаружилась вся ненависть, которую к нему питали. Митрополит Крутицкий домогался доказать, свидетельством многих, что Патриарх, не дослужив литургию, оставил престол с клятвой, никогда не возвращаться, чему противоречило показание Митрополита Сербского Михаила и других, которые не слышали клятвы. Даже пришельцы Греческие восставали против Никона, и Кирилл, Архиепископ Кипра, утверждал, что за вину свою, должен он лишиться всех жалованных Государем отчин, и что не следует давать монастырей в управление отходящим на покой Архиереям, хотя сей порядок соблюдается в Восточной Церкви; еще один из Греков упрекал Никона в дерзости Амановой. Все же согласны были, не только на его низложение с престола патриаршего, но и на лишение сана архиерейского, за то, что самовольно оставил свою епархию, и старались утвердить сие выписками из правил соборных. Два только красноречивые защитника заговорили в пользу Никона на соборе: один, ученый Печерский иеромонах Епифаний Славенецкий, который писал все соборные акты и объявил, что в правилах церковных не нашел он, чтобы отрекшегося Епископа лишали священства; другой, архимандрит Полоцкий Игнатий, вопреки решению соборному об избрании нового Патриарха, утверждал, что Епископы Русские не вправе судить своего Архипастыря, без участия Патриархов Восточных, и голос его проник в кроткое сердце Царя, который не хотел принять на себя осуждения Никона.

Посреди столь смутных обстоятельств, приехал в столицу бывший Митрополит Газы, Паисий Лигарид, долго скитавшийся без епархии по Греции и Италии, которого за три года пред тем вызывал из Молдавии сам Патриарх Никон, не предвидя, что в нем найдет себе злейшего врага. – Паисий принес одобрительную грамоту от Патриарха Константинопольского Парфения, как знающий церковные уставы и способный к

исследованию поступков Никона. – Принятый ласково Государем и боярами, Лигарид преклонился на сторону недоброжелателей Никона и сделался председателем продолжительного собора, управлявшего Церковью в отсутствие Патриарха.

Никон, возвратившийся опять из Крестного монастыря в Воскресенск, чтобы ближе наблюдать за действиями собора, обрадовался сперва пришествию Паисия, некогда им обласканного, и в жалобной грамоте изложил ему все свои огорчения, но скоро увидел свою ошибку. Тогда обратился он с такою же грамотою, к новому Патриарху Константинопольскому Дионисию, братски объясняя ему свои деяния, от самого начала правления, и все претерпенные им обиды; но грамота была перехвачена и послужила к большему его обвинению. Один из сильнейших врагов Патриарха, боярин Стрешнев, умышленно предложил Паисию до тридцати вопросов, относившихся к поступкам Никона, и Лигарид написал на них канонические ответы в его осуждение. Раздраженный Никон, со своей стороны, сочинил пространное возражение на вопросы и ответы обоих, в котором, с глубоким знанием священного писания, отразилось и все волнение его гневного духа. – Между тем Паисий, занимавшийся всеми сношениями Царя и собора с Патриархами Восточными, послал к ним двадцать пять подобных же вопросов, о власти царской и патриаршей, о поступках и суде Никона, не называя его по имени, а только предлагая некоторые обстоятельства к разрешению, и сходно с духом сих вопросов, ответы четырех Патриархов, испрошенные чрез дьяка царского в Константинополе, были все в пользу собора. – Один только **Нектарий** Иерусалимский, хотя и подписавшийся на общем свитке, в отдельной грамоте умолял Царя, вспомнить прежние заслуги Никона, и милосердно возвратить его на святительский престол, для прекращения всякой распри и соблазна.

Поистине велик был соблазн в Церкви Российской, от сей долгой распри, и радовались ей отступники православия. С одной стороны Паисий и лица духовные, неприязненные Никону, действуя самоуправно и полагая боярам, в избрании

Епископов и делах церковных, менее ревновали о благе самой Церкви, нежели о конечном падении Никона, и осыпали его всякими хулами и оскорблениями, потому что они уже зашли так далеко, что не могли более возвратиться; а между тем лжеучители: Лазарь, Аввакум, Никита, монах Капитон и другие, пользуясь падением Никона, рассевали свои толки, будто судится он за ересь и искажение книг. С другой стороны сам Никон, изнуряя себя постом и молитвою в пустынном ските, работая, как простой каменщик, при строении храма Св. Гроба, но смирялся духом. Это было какое-то темное, болезненное состояние души его. – Принимая к сердцу всякое оскорбление, беспрестанно выходил он из должных пределов характера святительского; не щадил врагов своих, ни на словах ни на бумаге, и предавал их анафеме, за обиды и отнятие волостей монастырских, так что подвергся нареканию, хотя и совершенно несправедливому, будто произносил клятву на Царя. Но к нему одному не питал вражды Никон; зная козни вельмож, он только жаловался ему в письмах, или чрез людей доверенных, и великодушный Государь, памятуя прежнюю любовь, один боролся с многочисленными врагами Патриарха, не выдавая его их злобе, и посылал непрестанные милостыни в Воскресенскую обитель. Наконец, для водворения тишины церковной, вынужден был пригласить на суд Восточных Патриархов, и послал призывные грамоты к четырем Вселенским престолом.

Нашелся однакоже, между столькими царедворцами, враждебными Никону, один человек, ему доброжелательствовавший, некто боярин Никита Зюзин. Болезнуня о пагубных последствиях долголетней распри и слыша непрестанно, от людей приближенных к Царю, как больно его любящему сердцу такое ожесточение Патриарха, и как желал бы он его возвращения, для совета о делах Польских и ради взаимного их обета приязни, неосторожный боярин решился действовать по одним слухам; он написал к Никону, чтобы внезапно приехал в Москву, на праздник Петра Чудотворца, к утрени в собор Успенский, и послал бы звать Государя на молитву, по обычаю, как будто бы не было меж

ними никаких огорчений, и таким образом минувшее предано будет забвению. Два подобных письма получил святитель и усомнился; но ласковый прием, сделанный архимандриту Воскресенскому, посланному от него в Саввин монастырь к Государю, поколебал Никона; наконец, собственное его сонное видение в пустынном ските, где мечталось ему, что сонм прежде почивших святителей, восставая из гробов в храме Успения по зову чудотворца Ионы, дает руки на вторичное его возведение, – решили Патриарха.

Тайно ночью въехал он в город, с братиею Воскресенской обители, на праздник Петра Митрополита, торжественно вступил в храм Успения и, приложась к св. мощам и иконам, стал на патриаршее место, с оставленным им некогда посохом Чудотворца. Добрый старец, Митрополит Иона Ростовский, со времени удаления Питирима в Новгород, бывший местоблюстителем, испуганный внезапным явлением Патриарха, подошел к нему под благословение, со всеми соборянами; он послан был во дворец, с вестью о приходе Никона, который возвратился, будто бы, после долгого странствования по своей церковной области, и приглашал в храм Государя для благословения и молитвы.

Не менее Митрополита Ионы смутился Государь, за несколько шагов от собора слушавший утреню в теремной церкви, и в недоумении послал за ближними боярами и духовными властями. Минута была решительна, ибо от нее зависело или собственное их падение, или конечное низвержение Никона; – они убедили Государя не принимать Патриарха, а только взять от него грамоту, в коей описывал свое видение, и Князя Одоевский и Долгорукий, с Митрополитом Павлом, пришли в собор объявить ему волю царскую, чтобы ехал обратно в монастырь Воскресенский, в ожидании суда Вселенских Патриархов.

В свою чреду смутился Никон, полагавший, что нечаянным своим приходом исполнял тайное желание Государя; Патриарх едва мог верить слышанному и подозревал коварство врагов. Он вышел из собора, но взял с собою посох Чудотворца в доказательство того, что не с клятвенным отречением оставил

некогда престол свой. Донесли о том Государю, который послал вслед за ним в село Чернево, отобрать у него посох и спросить причину пришествия. Никон не хотел вручить жезла Митрополиту Крутицкому Павлу и Чудовскому архимандриту Иоакиму, как людям ему неприятным, но отослал его, чрез собственного архимандрита, прямо к Царю, вместе с призывными письмами боярина Зюзина, который был за то сослан в Казань.

Между тем, Никон видя ясно, что все уже для него кончено и нет более надежды на примирение, изъявил тем же посланным согласие свое на избрание нового Патриарха, с условием, чтобы ему сохранить три свои обители с отчинами, в распоряжение коих не должны мешаться епархиальные архиереи, ни даже в поставление священнослужителей сих монастырей и церквей от них зависевших; ему же надлежало удержать за собою титул Патриарха и вторую степень на соборах, со свободным доступом к Царю и общением со всеми желающими посещать его: с тем вместе обещал он разрешить от клятвы столицу и всех, которых ей подвергнул в своем гнев. Но собор, рассуждавший о его предложениях, не согласился признать независимости Никона от власти нового Патриарха, и позволить ему свободное посвящение в своих обителях без власти епархиальной; требовал обратно отчин, им отписанных от других мест в новую Воскресенскую обитель, лишал ее даже громкого имени нового Иерусалима, и наконец ограничивал приезды Никона в столицу. В тоже время собор подверг епитимьи Митрополита Ростовского Иону, за то что осмелился подойти к благословению Никона в храме Успенском и назначил местоблюстителем Павла Крутицкого. Когда же пришла весть о шествии в Россию Патриархов **Паисия** Александрийского и **Макария** Антиохийского, то все Архиереи, собранные в столице и все духовенство, встревоженные толками, которые рассеивали люди злонамеренные о неправославии Патриархов, страждущих под игом Турецким, и о неверности Греческих богослужебных книг, единодушно дали присягу что они признают православными и Святителей и книги.

Наступило время развязки восьмилетних смут волновавших Церковь Российскую, и могущественное лицо Никона, к которому, в течение двадцати лет, обращалось общее внимание, должно было сойти со своего громкого поприща. – Пришли с востока Вселенские Патриархи, встречаемые и честимые по всей дороге; для приема их остался в Астрахани Архиепископ Иосиф. Прочие же все, с Греческими Архиереями, в Москве бывшими, или странствовавшими с Патриархами, и вместе с первостепенными архимандритами и игуменами нашими и Восточными, составили в палатах Кремлевских блистательный собор, какого не видала дотоле Церковь Российская. – Кроме двух Патриархов и впоследствии еще третьего Московского, присутствовали четыре Митрополита наши: Питирим Новгородский, Лаврентий Казанский, Иона Ростовский, Павел Крутицкий, и шесть Греческих из Никеи, Амасии, Иконии, Трапезунда, Варны, Хиоса, один Грузинский и один Сербский: Паисий же Газский уклонился, сам опасаясь обличения как беглец Палестинский, и обличение последовало, хотя и позже, в грамоте Патриарха Нектария Иерусалимского к Царю. Архиепископы Синайский и Волохский присоединились также к шести Архиепископам Русским: Симеону Вологодскому, кроткому другу Никона, Филарету Смоленскому, Стефану Суздальскому, Илариону Рязанскому, жестокому обличителю Патриарха, Иосифу Тверскому и Арсению Псковскому; были и пять Епископов: Мисаил Коломенский, преемник низложенного Павла, Александр Вятский, Иоаким Славяносербский и два, из вновь присоединенных от Польши областей, Лазарь Баранович, красноречивый и добродетельный пастырь Чернигова, и Мефодий Мстиславский так же один из врагов Никона; архимандритов же, игуменов и протоиереев, находилось на соборе более пятидесяти, не считая иноков и прочих духовных лиц.

На такой собор торжественно позван был Никон из обители Воскресенской, и пошел как бы на смерть, напутствовав себя св. дарами и елеосвящением, потому что уже предчувствовал горькую участь. В селе Чернове услышал он третий зов, и остановился в Китай-городе на подворье, окруженном стражею.

Не иначе однакоже, как по чину патриаршему, т. е. с предшествующим крестом, явился он на собор в палаты царские, и не видя себе приготовленного места, наравне с восточными Патриархами, не сел, а стоя слушал обвинение из уст самого Государя: о смутах, какие произвел в Церкви, своевольным удалением и своенравными поступками, в течение восьми лет. Слезы текли из очей кроткого Царя, при горьком обличении человека, некогда столь близкого его сердцу, и прослезился собор. Еще укорял он Никона, за жалобную грамоту им писанную к Патриарху Константинопольскому, и свидетельствовал пред всеми, что никакой личной вражды не питал против Святителя.

Никон отвечал, что удалился, бегая царского гнева, и водворился в пустыни, не выходя однакоже из своей епархии, которую не оставлял с клятвою, как на него клеветают, но только ради удаления от смут боярских; грамоту же к Патриарху Вселенскому писал тайно, как брат к брату, и не чаял, что ко вреду и соблазну ее обнаружат. Тогда восстали на него злые обличители, Павел Митрополит Крутицкий, Иларион Рязанский, Мефодий Мстиславский, укоряя в клятвенном оставлении престола и самовольном низвержении Павла Коломенского, и суровом обращении с лицами духовными, и сам Никон предался гневу, в сильных против них возражениях.

День спустя, вторично позван он был на собор и слышал, кроме прежних обвинений, еще новые: будто называл Церковь Российскую латинствующею, за председательство Паисия Лигарида, бежавшего из Греции в Италию, и говорившего всегда на языке Латинском, а книгу номоканон, печатанную на западе, по сей причине не признавал православною. Оба Патриарха во свидетельство чистоты ее правил, целовали книгу пред всем собором. Тогда Царь Алексей Михайлович, обратясь к своим боярам и видя их безмолвными, требовал новых улик на Патриарха: но один только Князь Долгорукий выступил из среды их с обвинениями, потому что каждый имел против Никона только личности, которые боялся обнаружить; Патриарх же, пользуясь молчанием прочих, с презрением сказал: «что камнями побить его могут, но не словами, если и еще девять

лет собирать их будут». Между тем продолжалось чтение грамоты Никоновой к Патриарху Дионисию, с допросами за ее жестокие выражения. – Любящее сердце Царя не вынесло однакоже горестного пред ними стояния бывшего друга, иногда возражавшего, иногда безответного; тихо сошел он со своего престола и приблизясь к Никону, взял его за руку и сказал: «о святейший, зачем положил ты на меня такое пятно, готовясь к собору как бы на смерть? или думаешь, забыл я все твои заслуги, мне лично и моему семейству оказанные, во время язвы, и прежнюю нашу любовь?».

Он укорял его и за грамоту к Патриарху Дионисию, изъявляя желание мира; столь же тихо отвечал ему Патриарх, излагая все на него бывшие крамолы, извинялся тайною грамоты, неосторожно обличенною, и несмотря на мирные уверения царские, чувствуя, что минувшее уже невозвратимо, тогда же предрек свое горькое осуждение. – Это было первое их свидание и первая искренняя беседа, после семилетней разлуки; взаимным участием на краткий час согрелись опять сердца обоих; это было также их последнее свидание в сей временной жизни.

Протекла неделя в совещаниях соборных, делали выписки из номоканона, сообразные различным винам Никона; исчисляли также примеры Византийской Церкви, о Патриархах оставивших, по собственной воле, престол без возврата, о других, потом возвратившихся, и наконец о тех, на места коих избраны были новые. Один только голос Епископа Лазаря раздавался в пользу Никона, которому хотел он сохранить сан святительский, лишив места патриаршего. Патриархи же Восточные написали грамоты к Вселенскому и Иерусалимскому, извиняясь, что принуждены были, не встретив в столице Московской, ни их самих, ни местоблюстителей их, приступить к суду Никона. Наконец, в третий раз, позван был он на собор уже не в палаты царские, ибо не имел духа присутствовать добродушный Алексей Михайлович на его осуждении, но в малую церковь над воротами Чудовской обители. – Ему прочли обвинения: что смутил царство Русское, вмешиваясь в дела, неприличные патриаршему достоинству и власти; что оставил с

клятвою и самовольно престол свой, за оскорбление только своего слуги: что удалясь от патриаршества, распоряжался властью в трех своих монастырях и давал им гордые названия, Иерусалима, Вифлеема, Голгофы и тому подобных; что похищал разбойнически, и буде можно похитил бы третью часть царствия, и препятствовал избранию нового Патриарха, предавая многих анафеме, от удаления же его умножились соблазны и расколы; что Павла, Епископа Коломенского, низверг самовольно и был жесток к духовенству; жаловался на Царя Патриархам Восточным, а Церковь называл латинствующею и опорочивал правила соборные и самих Патриархов, своею гордостью. Вслед за винами прочли ему приговор, о лишении сана, с сохранением только иночества, для вечного покаяния в пустынной обители.

Тогда Патриархи, из коих один, Антиохийский, видел некогда полное величие Никона и пользовался его щедротами, приступив в мантиях, велели ему снять клобук с жемчужными херувимами: но Никон отрекся сложить с себя сие знамение иночества, и спрашивал их: «зачем в отсутствии Царя и в малой церкви, а не в том соборе Успения, где некогда умоляли его взойти на патриарший престол, ныне несправедливо и втайне его низлагают?». Когда же сняли с него клобук, оставив мантию архиерейскую и посох, страха ради народного, он опять укорял Патриархов в их лицепрятии и странничестве, даруя им и жемчуг клобука своего на пропитание. Из всех Архиереев Русских, только Симон Вологодский и Лазарь Черниговский, не хотели присутствовать при сем горьком действии. Никон отведен был под стражею на земский двор, осыпaeмый ругательствами приставов, наипаче архимандрита Сергия; но он все переносил с тою же чрезвычайною твердостью, которая в некоторых случаях его жизни доходила в нем до упорства. Все приверженные к нему были рассеяны.

На другой день, добродушный Государь, милосердуя о Никоне, послал ему на дальний путь денег и собольих мехов; но ничего не хотел принять Никон, и в бедной одежде, под строгим надзором, отправлен на Бело озеро в монастырь Ферапонтов, где устроены были келлии для его заточения. Иосиф,

архимандрит Печерский, сопровождавший его от Клязьмы, дал ему теплую одежду, чтобы укрыть от стужи; по прибытии же в монастырь отобрали у него мантию и посох архиерейские, и в первые месяцы заключение его было весьма тяжело.

7. Иоасаф II

Между тем (1667 г.), оставшиеся в Москве святители, продолжали заниматься устройством дел церковных, и прежде всего, избрали, из архимандритов Троицкой лавры, в Патриархи Всероссийские, кроткого **Иоасафа**, тихостью нрава умирившего все неприязненное. Хотя осуждены были своенравные поступки бывшего Патриарха, и уничтожено громкое имя его монастыря Иерусалимского, и отобраны приписанные к нему вотчины; но вера Никона признана чистою, исправление книг правильным и сходным с духом православной Церкви. Опровергнуты также суетные толки монаха Капитона, попов Лазаря, Аввакума и Никиты, о сложении перстном и изображении креста, об имени Иисусовом, символе и сугубом аллилуйя, и все их возражения на книгу, изданную при Патриархе Никоне, под именем **скрижали**; новая книга, их обличавшая, **жезл правления**, послужила неременному обращению Никиты, который признал свое заблуждение и разрешился от соборной анафемы, постигшей прочих. Самые деяния собора Стоглавного, бывшего основанием суемудрых толков, уничтожены решением патриаршего Московского собора, который имел почти достоинство Вселенского; потому что на нем присутствовали представители Церкви Греческой вместе с Российскими; так и в древние века, меньшие поместные соборы всегда исправлялись большими вселенскими. Сверх того определены были многие статьи, касавшиеся до внутреннего и наружного устройства церковного, и отменены неправильно вкравшиеся обычаи, как то перекрещивание приходящих к нам из Латинской Церкви, и запрещение священнослужения вдовым священникам, и некоторые несвойственные привилегии, данные архимандритам великих обителей.

Чин служения архиерейского, принесенный Никону блаженным Афанасием Пателарием, Патриархом Константинопольским, был также сличен на соборе с древними подлинниками Греческими, как все уставы и требники, и признан единогласно подлинным. В то же время, соображаясь с

нуждами расширяющегося царства, рассудил собор возвысить некоторые епархии на степень митрополии, как то Астраханскую, Тобольскую и Рязанскую, и устроить новую Белгородскую для вновь населенных слобод Украинских; восстановить праздные епархии, Нижегородскую и Владимирскую, отделить по-прежнему Пермскую от Вятской, учредив особую также в Архангельске. Древние города, Чернигов, Псков и Коломна, почтены архиепископиями, а митрополиты, Новгорода, Казани, Ростова и Рязани, облегчены Викариями, назначенными в Каргополе и Устюжне, в Уфе, Угличе, Тамбове и Воронеже. Предположено также открыть новые епископии в Томске и на Лене, ради дальних расстояний от митрополии Тобольской. – Столь важные учреждения церковные остались навсегда памятником сего собора, на коем в последний раз Церковь Греческая, личным присутствием своих высших сановников, оказала благодетельное участие Церкви Российской, искони почерпавшей от нее просвещение духовное.

С окончанием собора удалился Александрийский Патриарх Паисий, Макарий же Антиохийский на следующий год: оба с богатою милостынею, честью и дарами. Но хотя обратился один из лжеучителей, поп Никита, а другой Павел, бывший Епископ Коломенский, соборным определением заточен в монастырь Палеостровский, однакоже продолжали действовать прочие, тщетно наказываемые или ссылаемые в Сибирь. Суетные определения Стоглава служили им опорой во мнении народном, вместе со старопечатными книгами Патриархов и вкравшимся, не более как за сто лет, обычаем неправильного перстосложения: а между тем не всякий мог распознать истину исправлений соборных.

Печальный пример заблуждения явила древняя лавра Соловецкая, которая еще недавно, во время военных действий, не пожалела 50,000 серебряных рублей в пособие государству, и отразила новые набеги Шведов. Сие самое воинское ее положение послужило виною и средством мятежа. Стрельцы и казаки, посланные для защиты острова, занесли туда плевелы раскола, и соединясь с некоторыми из монашествующих и

ссылных, преодолели благонадежную часть братии: долго таилась искра, доколе, наконец, вспыхнула. Еще с 1556 года, присланные в лавру богослужебные книги были оставлены, и служение продолжалось по старым: вскоре после собора Московского обнаружился раскол, непокорностью келаря и казначея с братиею, против архимандрита Варфоломея. Они написали челобитную к Царю, исполненную суетных мудрований, которая и доныне в великом уважении у заблуждающихся, и не приняли к себе нового архимандрита Иосифа. Однакоже мятежный келарь Савватий был выведен из лавры вместе со ссылкой князем Львовым, который будучи начальником печатного двора, благоприствовал порче служебных книг и заразил собою обитель; но увещательные грамоты Царя остались тщетными: слабым показался и отряд воинский против 1600 мятежников, засевших в лавре с пушками, припасами и казною: а между тем лжеучители их расходились по всему окрестному поморью, распространяя ересь и безначалие в пределах Олонецких, где устроились многочисленные скиты так называемых Поморян. Не ранее, как чрез десять лет, воевода царский Мещеринов, с дружиною Стрельцова, после долгой осады, взял приступом лавру и возвратил ее православию, когда зло уже пустило глубокие корни в окрестностях, и даже в дальней Сибири.

Не более успешны были и гражданские обстоятельства сей второй эпохи царствования Алексея Михайловича. Подаяния монастырей, подобных Троицкому и Соловецкому, не могли покрывать чрезвычайных расходов разорительной войны Польской: произошла перемена в монете и медные деньги возбудили сперва ропот народный, а потом мятеж, напомнивший первые бунты стрелецкие. Война Шведская, столь бесполезная для России, окончилась уступкою обратно всех областей, завоеванных оружием нашим в течение шести лет; но Польская продолжалась с обоюдными успехами и неудачами. Самая Малороссия временно отпала от державы Московской, изменою гетмана Виговского, избранного вопреки законных прав сына Хмельницкого Юрия. Мечтая о совершенной независимости Украины, пленился он ложными обещаниями

Польши, о свободе гражданской и духовной, и обагрил кровью благословенную страну, присоединение коей не стоило ни единой капли. Поляки и хищные Крымцы воспользовались ее неустойчивостью, чтобы грабить под видом союзников, то Виговского, то Юрия. Сам Юрий явился за булавою отца своего, был признан Россиею, изменил и кончил иночеством, во цвете лет, странное и бурное свое поприще, передав гетманство Запорожское Тетере, Опаре и потом Дорошенке. Старшие воеводы царские Трубецкой, Ромодановский, Шереметев, теряли сражения, от несогласий местнических, посреди междоусобия обеих Украин. Но если изменяли казаки Заднепровские, то поселившиеся на Русской стороне, твердо держались Царя Московского, под предводительством храброго атамана Самки и нового гетмана сей части Украины, Брюховецкого.

В столь же печальном расстройстве находилась, со времени кончины Сильвестра Коссова, Кивская епархия, страдавшая внутренними раздорами. Митрополит **Дионисий Болобан**, нареченный из Епископов Луцких, с согласия царского в Переяславль, не хотел принять посвящения от Патриарха Московского, и потому блюстителем митрополии прислан был в Киев, Мефодий посвященный в Епископы Мстиславские; а Дионисий скончался в Корсуне, и на его место духовенство избрало в Чигирине (1664 г.) нового Митрополита **Иосифа Тукальского**, из Епископов Могилевских, по уважению к тем гонениям, какие претерпел он от Униатов. Но гетман Заднепровской Украины, со своей стороны, благоприветствовал Антонию Епископу Винницкому. Явился впоследствии и третий искатель Киевского престола, Иосиф Архиепископ Львовский, надеявшийся на покровительство Польши, который чрез несколько лет, по неудовлетворенному честолюбию, перешел со всею епархией в Унию.

Бедственно было святительство Иосифа в Чигирине, именем только Митрополита; знаменитый воевода Польши Чернецкий, взял его в плен, вместе с архимандритом Юрием Хмельницким, и после трехлетнего заточения уже не смел он идти в Киев, но оставался в Вильне, до заключения перемирия

Андрусовского. Смоленск и Чернигов опять достались России, а княжество Литовское Польше; Украина же, разделенная между обеими державами, разбита (1667 г.) была на два гетманства. Тогда Митрополит обратился к храброму гетману Чигиринскому, Дорошенке, и укрепил его своим присутствием. Перемирие поколебало доверенность духовенства Малороссийского: хотя Царь Алексей Михайлович объявил себя защитником православия против Унии, требуя прекращения гонений; но самый Киев, по условиям договора, должен был чрез два года поступить во владение Польши; а воеводы царские нарушали права и льготы Украины, так, что и самый гетман Брюховецкий изменил России пред своею кончиною.

Между тем архимандрит Печерский, Иннокентий Гизель, тщетно испрашивал, соборного грамотою, избрания нового Митрополита, ибо два старейшие Епископа, Лазарь Черниговский и Мефодий Мстиславский, находились в Москве на суде патриаршем, и духовенство Украинское принуждено было прибегать иногда к Митрополиту Иосифу в Чигирин. Блюститель Мефодий, вскоре по возвращении в Киев взят был гетманом Дорошенкою и лишен сана Митрополитом Иосифом; он спасся из заточения в Москву, но там, уличенный в преступных сношениях с гетманом Брюховецким, кончил дни в монастыре Новоспасском. Архиепископ Черниговский Лазарь заступил его место в краткое правление гетмана Многогрешного, и при мужественном Самойловиче, который соединил, наконец, обе Украины под свою булаву. Так отчаянно было положение Киева, что гетман и блюститель предлагали перенести митрополию, из древней столицы православия, в Переяславль или Чернигов, а Митрополит Иосиф, чтобы избавиться от двух соперников, Винницкого и Львовского, испросил себе от Патриарха Константинопольского **Мефодия** утвердительную грамоту. Он скончался однакоже в Чигирине, лишившись своего покровителя гетмана Дорошенки, который, наконец, покорился оружию Русскому, когда уже большая часть Заднепровской Украины, с Каменцем Подольским, находилась во власти призванных им Гурков, и новый Король Польский,

мужественный Ян Собесский, с помощью гетмана Украины, боролся против их полчищ.

Но покровительство Короля Яна не доставило, по смерти Иосифа, митрополии Киевской Архиепископу Львовскому, и самая его измена православию не принесла ему личной выгоды: униаты уже имели в Полоцке собственного Митрополита Киприана. Столь же неуспешны были происки другого соперника Антония Винницкого; Лазарь, Архиепископ Чернигова, пастырь опытный и добродетельный, продолжал заниматься делами Киевской иерархии, вместе с ученым архимандритом Печерским Иннокентием Гизелем, до избрания нового Митрополита.

В то время, когда гетман Дорошенко, домогаясь совершенной независимости, от России и Польши, еще держался в Чигирине с Митрополитом Иосифом, и все усилия Царя обращены были на Украину, явился другой возмутитель казаков, совсем иного духа и характера, Стенька Разин. Собрав шайку удальцов, он свирепствовал с нею по Волге, Уралу и берегам Каспийского моря, взял Саратов, Астрахань и умертвил там воеводу и Митрополита Иосифа. Число приверженцев его возросло при ложной вести, им рассеянной, будто бы Царевич Алексей, недавно умерший, жив и находится в его стане вместе с Патриархом Никоном, избавленным им из заточения. Неудачная осада Симбирска поколебала счастье Разина, атаман Донских войск довершил начатое воеводами царскими, схватил самого мятежника и представил на казнь в Москву.

Это было последнее, сильное потрясение державы Алексея Михайловича; в остальные годы его правления, дела внешние и внутренние, начинали мало-помалу приходить в устройство. Кроме походов Украинских против Дорошенки и набегов Крымских, Царь находился в мире с прочими соседями и отправлял посольства свои во все Европейские государства, даже в Китай, для распределения восточных, непрестанно расширявшихся, пределов наших. Мирна была Швеция: Польша, враждебная столько лет, ослабела в царствование Яна Казимира, который испытал более бедствий, нежели кто-либо из его предместников; последний из дома Вазы, оставляя

добровольно корону, он предвидел будущее разделение своей державы между Россией, Австрией и Пруссией. Преемник его, Михаил Вишневецкий, уже искал союза с Москвою, уступив ей навсегда Киев, а перемирие Андрусовское обратилось в мир при славном победителе Турок, Короле Яне Собесском, который избран был после Михаила, хотя в числе искателей престола Польского находился Царевич Феодор Алексеевич. Но Феодору готовился другой, более прочный престол Московский, и славный преемник в новорожденном брате: – Царь Алексей Михайлович, по кончине первой супруги Марии, сочетался браком с воспитанницею боярина Матвеева, Наталией, из рода Нарышкиных, и благословенным плодом сего брака был великий Петр. Его исполинскому гению предстояло довершить начатое отцом устройство царства, и велика была радость о его рождении для всей России, как бы предчувствовавшей кто ей родился!

8. Питирим

В одних только делах церковных не обретал сердечного утешения Царь Алексей Михайлович, ибо чувствуя необходимость удаления Никона, он не мог забыть взаимного с ним обета дружбы и тревожился духом, будучи лишен его благословения. А между тем уже после Никона, три Патриарха сменились пред его очами, как бы в тайный ему укор, когда сам бывший Первосвятитель все еще томился в заключении. По смерти кроткого Иоасафа, выбор духовенства, падая всегда на старейшего, поставлял в Патриархи людей неприязненных Никону. Так **Питирим**, Митрополит Новгородский (1673 г.), после десятилетнего правления, уступил место другому владыке Новгорода, **Иоакиму**, из дворянского рода Савеловых, который будучи архимандритом Чудовским, вместе с Митрополитом Павлом Крутицким, отымал некогда у Патриарха Никона посох чудотворца Петра. Жив был еще и сей Павел, занимавшийся в последние годы своей жизни, с Епифанием Славенецким и другими учеными мужами, исправлением перевода библии, с Греческого на Славянский язык, но труд их остался неоконченным, по случаю скорой кончины.

9. Иоаким

Алексей Михайлович облегчил строгое сперва заключение Никона и велел отбить железные затворы с окон и дверей его келлии, так что он пользовался совершенною свободою в монастыре, и имел домовую церковь, где продолжал служить святительски с разделявшими его заточение иноками; а Государь непрестанно посылал ему богатую милостыню, пищу и утварь церковную, как бы забыв о его соборном низложении, и даже в духовном завещании назвал и его отцом своим, великим господином, святейшим иерархом и блаженнейшим пастырем. Смирялась постепенно и душа Никона с душою Царя: чуждавшийся вначале всяких подаяний, он начал впоследствии принимать их, и с любовью писал грамоты к Государю, ожидая возвращения в обитель Воскресенскую, постоянный предмет его забот, где изготовил себе под Голгофою могилу. Не хотел он взять денег, для поминовения Царицы Марии, почитая долгом молиться за упокой ее; радовался новому браку царскому и рождению Петра, и горько прослезился о кончине Государя.

Во глубине своего уединения услышал Никон о сей кончине, и вздохнув сказал: «воля Божия да будет; если здесь и не простился с нами, то в страшное пришествие Христова судиться будем». Присланный просил у него отпустительные грамоты усопшему; Никон же, разрешая на словах, не дал грамоты, чтобы не казалась она вынужденною от лишенного свободы. Скоро постигли его новые испытания. Пользуясь слабостью юного Царя Феодора и нелюбовью Патриарха Иоакима, прежние недоброжелатели Никона оклеветали монастырскую жизнь его, не устыдились даже обличать в участии с мятежником Разиным и в нечистой жизни старца, коего иночество было непорочно с юных дней. Из Ферапонтовой обители, сделавшейся почти его собственностью, был он переведен в Кириллов укрепленный монастырь, под строжайший надзор, и еще три года томился там в душных келлиях, забытый Царем и Патриархом.

Были однакоже и некоторые доброжелатели Никона при дворе царском; в том числе воспитатель Феодора, иеромонах

Симеон Полоцкий, который получил образование в училищах западных, но вместе с глубокою ученостью, почерпнул там и некоторые мнения Римской церкви. Он имел сильное влияние на ум тихого Государя и благоприятствовал начальному образованию Петра, которого тщетно искали удалить от царственного брата Милославские, уже успевшие сослать в заточение добродетельного боярина Матвеева. Патриарх Иоаким с неудовольствием встречал, в Симеоне Полоцком, сильного себе противника при особе Государя, и сходилась с ним мыслью только в общем стремлении к просвещению духовному, необходимость коего становилась тем чувствительнее, чем более усиливались невежественные расколы.

Училище Греческого и Латинского языка, начатое в Москве еще при Патриархе Филарете, расширенное и устроенное Никоном, не казалось достаточным Симеону. Он внушил Царю, склонному к ученым занятиям, завести в Москве, при Заиконоспасской обители, академию духовную, по подобию Киевской, и Царь обратился к Патриархам Вселенским с просительною грамотою, о присылке к нему православных учителей, для новой академии. Два знаменитые брата Кефалонийские, иеромонахи Иоанникий и Софроний Лихуды, отпущены были с благословения Патриархов в Россию, но уже не застали в живых, ни Царя, ни Симеона Полоцкого, и последующее устройство академии было плодом заботливых стараний святейшего Иоакима.

Между странными мыслями, которые блуждали в предприимчивом и мечтательном уме Симеона Полоцкого, сохранившего в себе отпечаток Запада, было и то, чтобы учредить в России двенадцать новых митрополий и четырех Патриархов, на место митрополитов Новгорода, Казани, Ростова и Крутиц, по примеру Вселенских четырех престолов, а сходно с иерархией Римскою, одного Папу над всеми; Папою же предполагал он Никона, чтобы уничтожить неприязненного ему Иоакима. Но сия странная мечта Симеона рассеялась с астрологическими гаданиями, бывшими любимым предметом его занятий, по духу того времени. Но ему также суждено было расположить добродушного Феодора к облегчению участи

своего крестного отца. Мудрая тетка, Царевна Татьяна Михайловна, всегда благоприютствовавшая Никону, убедила Царя посетить его забытую обитель Нового Иерусалима и принять, от оставленной там братии, челобитную о возвращении ее основателя. Пораженный величием зданий, начатых по образцу Св. Гроба, Государь велел продолжать их и, движимый состраданием, предложил на соборе дозволить старцу Никону умереть в начатой им обители. Долго оставался непреклонным Патриарх, доколе, наконец, весть о принятии схимы и совершенном изнеможении Никона тронула его сердце.

В самый тот день, когда пришло в Кириллов монастырь милостивое разрешение Царя и Патриарха, Никон, еще заранее, по тайному предчувствию, собрался в путь и к общему изумлению велел собираться своей келейной братии. С трудом посадили в сани изнуренного болезнями старца, чтобы влечь по земле до струга на реке Шексне, по которой спустился в Волгу; здесь приветствовали его посланные от братии Воскресенского монастыря, Никон велел плыть Волгою вниз к Ярославлю, и причалив у Толгского монастыря, приобщился запасных даров, ибо начинал крайне изнемогать. Игумен с братиею вышли к нему на сретение, и с ними вместе сосланный на покаяние враг Никона, бывший архимандритом Сергей, который во время суда, содержал его под стражею и осыпал поруганиями. Сему Сергию, заснувшему в трапезе, в час приплыва Патриарха, виделся сон: сам Никон ему явился, говоря: «брате Сергие восстани, сотворим прощение», и внезапно услышал он, что шествует Волгою Патриарх и братия уже потекла ему на встречу. Вслед за нею устремился Сергей и, видя умирающего, раскаянный, со слезами пал к его ногам и испросил себе прощение. Патриарху уже наступала смерть, когда опять тронулся струг по водам. Граждане Ярославские, слыша о его пришествии, стеклись к реке, и, видя старца на одре смертном, с плачем к нему припадали, целуя руки и одежды и прося благословения; одни влекли вдоль берега струг, другие же, бросаясь в воду, им помогали: так причалили к обители всемилостивого Спаса.

Изнемогающий страдалец уже ничего не мог говорить, а только давал всем руку; дьяк царский велел перевезти струг на другой берег, чтобы избавиться от толпы народной. Ударили в колокол к вечерни, – Никон стал кончаться. Озираясь, будто кто пришел к нему, сам он оправил себе волосы и браду и одежды, как бы готовясь в дальнейшей путь; духовник с братиею прочитали отходные молитвы. Патриарх же распростершись на одре и сложив крестообразно руки, вздохнув, – отошел с миром (1681 г.). Между тем благочестивый Царь Феодор, не знал о его преставлении, послал на встречу карету свою с множеством коней; когда же узнал, прослезился и спросил: что завещал о своей духовной Никон? Услышав же, что усопший избрал его, как крестного сына, своим душеприказчиком и во всем на него положился, кроткий Царь с умилением сказал: «если так святейший Никон Патриарх возложил на меня всю надежду, воля Господня да будет, и я его в забвении не положу». Он велел везти тело его в Новый Иерусалим.

Новые затруднения возникли со стороны Патриарха Иоакима, о погребении Никона, которому не соглашался он воздать почестей святительских, как лишенному сана Вселенскими Патриархами. Однакоже Государь убедил Корнилия, Митрополита Новгородского, действовать при погребении, без разрешения Иоакима, и сам участвуя в трогательном обряде, нес на раменах своих Никона, от Элеонского креста, где некогда вместе с царственным отцом его, нарекал он новым Иерусалимом свою обитель, до той могилы под Голгофою, где обрел себе вечный покой. Но и кроткому его погребателю оставалось не более восьми месяцев до тихого перехода из царства временного в вечное; он воспользовался сим кратким сроком, чтобы испросить усопшему разрешительные грамоты у четырех Вселенских Патриархов, которые единодушно приняли его опять в сонм Первосвятителей.

Так совершил странное и многомятежное свое течение сей знаменитый Иерарх, имевший столь сильное влияние на судьбы Российской Церкви, и около сорока лет занимавший своею участью все царство, из коих пятнадцать протекли в узах. В течение семидесятилетнего земного поприща Никон был

современником всех Российских Патриархов: рожденный еще при первопрестольнике Иове, отрок при Гермогене, инок при великом Филарете, настоятель обители при Иоасафе, митрополит Новгорода при Иосифе, и узник при трех своих преемниках, Иоасафе II, Питириме и Иоакиме, он скончался, когда последний Патриарх наш, Адриан, был уже архимандритом Чудовским, а последний местоблюститель, Стефан Яворский, сиял добродетелями в южной России, готовясь к своему великому званию. Так огромное лицо Никона наполнило собою почти весь объем века патриаршего, в летописях наших.

Все начинало устроиться в тихое шестилетнее правление Феодора; усмирилась Малороссия и с Портою заключен был мир, прочный с другими соседями, Швециею и Польшею. Одним словом Царя, на соборе духовных и мирских чинов государства, уничтожено, по увещанию патриаршему, пагубное местничество, которое причиняло столько бедствий России, и торжественно сожжены книги разрядные. Благоденствовала и Церковь, ибо, содействием Государя, бдительный пастырь Иоаким угашал расколы, распространял просвещение в училищах духовных, и даже, для лучшего надзора за духовенством и паствою, хотел учредить в расширяющемся царстве, до пятидесяти кафедр епископских, местных и викарных. Предприятие рушилось со смертью Феодора, и государство временно погрузилось в смуты и волнения, из коих исторгла его только мощная десница возмужавшего Петра.

Неистовый стрелецкий бунт (1682 г.) был началом зол, когда Патриарх, с благонамеренными боярами, провозгласил на царство, вместо болезненного Иоанна, десятилетнего бодрого отрока Петра, под управлением матери Царицы Натальи и добродетельного боярина Матвеева. Честолюбивая сестра их, Царевна Софья, действуя втайне с родственными ей Милославскими, взволновала стрельцов, и жертвами их сделались, в течение трехдневного бунта, Матвеев, Нарышкины и все бывшие опоры царствования Алексея и Феодора; едва не погиб сам Патриарх, устремившийся с Красного крыльца увещевать толпу. Вынужденное провозглашение Иоанна, для

соцарствия Петру, и приглашение Софьи управлять с малолетними братьями, были плодами первого мятежа стрелецкого, стоившего отечеству столько драгоценной крови.

Скоро смятение гражданское, приняло личину церковного. Пользуясь слабостью правительства, поп Никита пустосвят, вторично отпавший в раскол, стал собирать за Яузою и на лобном месте грубую чернь, для защиты будто бы православия от лютых волков, как называл он все духовенство. Наглость его дошла до такой степени, что с толпою единомышленников ворвался он в Кремль и, поставив налои с иконами у Архангельского собора, требовал на состязание самого Патриарха, который служил литургию в Успенском соборе; – высланный к ним священник, едва спасся. Тогда для усмирения черни, оба Царя велели собраться в свои палаты всем архиереям, и мятежники позваны были пред лицо Патриарха, семи Митрополитов, пяти Архиепископов и двух Епископов, в числе коих находился новопоставленный святитель Воронежа Митрофан. Пустосвят, сильно опровергаемый во всех своих доводах, красноречивым Архиепископом Холмогорским Афанасием, в порыве ярости бросился задушить его, но был удержан окружающими, и отрок Царь, грозно восстав с престола, посреди общего смятения, твердым словом изгнал буйную толпу. Скопище разорилось, пристыженное беснованием своего лжеучителя, которого постиг тяжкий припадок на площади, где был казнен; но тайные приверженцы его не переставали распускать вредные толки, особенно между стрельцами и в окрестностях столицы.

Из числа их, два священника, Косма и Стефан, устранившись участи Пустосвята, бежали сперва в Малороссию, в Стародубовский полк а потом в соседние пределы Польши, и основались там на реке Ветке; а их преемник, Феодосий, устроил церковь, гнездо так называемой **Поповщины**, т. е. раскольников, принимавших священство, но не иначе, как беглых попов. Другой, гораздо злейший раскол **Безпоповщины**, который утверждал, что со времен Никона истребилась благодать священства и настало время Антихриста, укоренился на севере, под именем **Поморян**, и в

Сибири, под разными названиями лжеучителей; ибо по свойству каждого из них, он разделился на множество толков, враждебных друг другу. Невежество и суеверие доходили до высшей степени изуверства. Олонецкие, Нижегородские и Сибирские последователи попа Аввакума, и чернеца Иосифа Армянина, сосланных в Сибирь еще при Никоне, сжигали себя торжественно целыми семействами, ради небесной награды, мечтая быть вольными мучениками. Недалеко от Палеостровского монастыря, где содержался и умер Павел, бывший Епископ Коломенский, образовались многие скиты Поморян, подкрепленных мятежниками Соловецкими, которые заблаговременно ушли из осады; и два брата, Андрей и Семен Денисовы, из древнего рода князей Мышецких, основались в Выгорецком Олонецком скиту, собирая всеми средствами рукописи и книги, для прельщения неопытных.

В таких трудных обстоятельствах, церковных и гражданских, неусыпно стоял на страже мудрый Патриарх Иоаким: то содействовал он к укрощению Стрельцов, проникнутых тем же духом своеволия, потому что начальники их приказа, князья Хованские, из видов конечно не духовных, благоприятствовали расколу, как сильному двигателю мятежей; то обличал соборными поучениями еретиков. Книга его, **уветдуховный**, и многие послания остались памятниками сего печального времени. Скоро принужден был Патриарх вооружиться против нового толка, принесенного с запада, о времени преосуществления святых даров. Ученик Симеона Полоцкого, Сильвестр Медведев, будучи настоятелем Заиконоспаского монастыря, неправильно утверждал, по преданиям Римским, что не чрез призывание Духа Святого и благословение даров, а самыми словами Спасителя, «приимите и ядите» и «пийте от нея вси» прелагаются хлеб и вино в тело и кровь Христовы. Два знаменитые брата Ионийские, Софроний и Иоанникий Лихуды, присланные Вселенскими Патриархами, были первыми обличителями сего заблуждения и взошли с Сильвестром в состязание письменное, в котором многие приняли участие.

Под покровительством просвещенного пастыря, основались они сперва в Богоявленском монастыре, где училище их,

составленное из малого числа дворян и духовных, в короткое время оказало необычайные успехи; потом, во вновь устроенном для них доме, при Законоспасской обители, их неусыпными трудами процвела Славяно-греко-российская академия. Но ревность Лихудов к просвещению и православию, достаточно оцененная при Патриархе Иоакиме, подвергла их долгому заточению при его преемнике. Хотя Сильвестр, обличенный их писаниями, лишен был сана Иоакимом, который созывал против него собор и спрашивал даже, для большей твердости, Епископов Малороссийских о сем догмате, однакоже многие нашлись оскорбленными заботливостью ученых братьев, о чистоте учения Восточного.

Церковь Малороссийская уже вошла тогда в состав иерархии нашей, и это было одним из блестящих деяний патриаршества Иоакимова. Когда успокоились обе Украины, под обладанием гетмана Самойловича, и Король Иоанн Собесский склонился на заключение вечного мира, уступив Киев и Смоленск, – настало время устроить и митрополию Киевскую, двадцать восемь лет находившуюся без настоящего пастыря, с одними только блюстителями; всех более был Лазарь Архиепископ Черниговский.

Старец сей уже дряхлый годами, вместе с ученым архимандритом лавры, Варлаамом Ясинским, достойным преемником Иннокентия Гизеля, стояли в числе кандидатов престола Киевского: но выбор пал на Епископа Луцкого Гедео́на, Князя Четвертинского, который удалился из своей епархии, по гонению униатов и притязанию Епископа Львовского, Иосифа, домогавшегося получить ее для своего брата. Гетман, преданный России, желая крепчайшего с нею союза, настаивал, чтобы новый Митрополит Киевский шел рукополагаться к Патриарху Московскому и находился в полной от него зависимости, на что не соглашались ни Лазарь, ни Варлаам, поддерживая права Цареградского престола. Когда же Гедео́н, принятый с чрезвычайною честью в Москве, поставлен был Иоакимом в Митрополиты Киевские, Галицкие и всея Малые России, с подчинением ему Черниговской архиепископии, лавры Печерской, и епархии южной России, – те

же лица опять воспротивились сему определению, и Патриарх Иоаким принужден был признать лавру ставропигиальной, а Чернигов старшею в России архиепископией, не подлежащею Киеву.

Тогда гетман и оба Царя, чтобы успокоить духовенство Украинское, отправили посланников в Константинополь, с просительными грамотами к Патриархам, об утверждении Киева за престолом Московским, для ограждения его от Унии; и два Патриарха, Дионисий Цареградский и мудрый Досифей Иерусалимский, торжественными грамотами, признали сие окончательное присоединение иерархии Киева и всего юга к Велико-Российской. Таким образом, кончился долгий разрыв двух единоверных Церквей, продолжавшийся более двух с половиною столетий, с тех пор как Витовт, вынужденным назначением Григория Симвлака в Митрополиты Киевские, отвлек южную Россию от союза духовного с Москвою.

Но с присоединением Киева к России, уничтожились в течение немногих лет, прочие православные епархии в Литве и Польше: Львовская, Перемышльская, Луцкая, кроме одной Могилевской. Правительство Польское, подобно Витовту, страшилось сей зависимости церковной, и новые, сильнейшие гонения, несмотря на благоприятные условия недавно заключенного мира, истребляли остаток православия в областях Польских: а Униатский архиепископ Полоцка, с титулом Митрополита Киевского и всея Руси, назначал постепенно Епископов на места умиравших, или вытесненных им архиереев благочестивых.

Между тем произошла важная перемена в государстве. Петр, входя в возраст и мужал не по летам, убегал праздной жизни палат Кремлевских; жаждущий познаний, он пользовался, для своего образования, советами выходца Женевского Лефорта, и сам обучался в упражнениях воинских, с избранными дворянами своей потешной роты, обнаруживая явное негодование к правлению сестры своей Царевны Софии. Временщик и любимец ее, Князь Василий Голицын, несмотря на два неудачные похода в Крым, осыпан был почестями, и сложил вину свою на гетмана Самойловича; – невинного

сослали в Сибирь, а на место его назначили из есаулов хитрого Мазепу. В столь же неустроенном положении находились и дела внутренние. Семнадцатилетний юноша, исполин телом и духом, гнушался властью женскою и требовал, чтобы сестра отступилась от почестей царских. Так решительна была его воля, что однажды, во время торжества церковного, не захотел он идти с нею рядом, и с гневом уехал в село Преображенское, обычное место его царственных занятий. Новый бунт Стрелецкий, возбужденный Софьей, и заговор на жизнь юного Царя, были следствием отважного поступка. Но Петр имел доброжелателей и заблаговременно извещенный, успел удалиться в лавру Троицкую, куда мало-помалу собрались к нему члены царского дома и сам Патриарх. Стрельцы, смятенные новою неудачею, успокоились и с повинными головами ожидали в столицу Царя. Открылась и виновница мятежа, доверенностью коей пользовался Шакловитый, начальник стрелецкого приказа. Тщетно Царевны и Патриарх умоляли Петра о прощении Софьи; все они убедились сами в ее преступных замыслах. Тщетно сама Софья отправилась в лавру просить помилования: ее не допустили до брата; заговорщики преданы были казни; она же пострижена неволею в Новодевичьем монастыре, из честолюбивой Софьи в смиренную Сусанну. Петр сделался самодержавным властителем России, ибо болезненный Иоанн властвовал только именем: пребывая постоянно в Москве, давал он возможность предприимчивому брату странствовать по России, испытывать ее жизненные силы, и примерять свой исполинский гений к исполинской державе, которая, по мощному его глаголу, должна была внезапно воспрянуть, чтобы возрасти в девятую часть мира.

В одно время скончались оба Иерарха, Малой и Великой России: место Митрополита Киевского заступил настоятель Печерский Варлаам, и пришел также за посвящением в Москву, но уже не застал в живых Патриарха Иоакима. Благоприятствовавший избранию и вторичному воцарению Петрову, истинный блюститель царства в малолетство обоих Государей, и ревнитель просвещения при любознательных

Феодоре и Софьи, Иоаким только один год управлял Церковью при державе юного Петра. Вместе с матерью его, благочестивою Царицею Натальей, скорбел он о духе нововведений и пристрастий к обычаям иноземным, которые уже тогда обнаруживались в царственном юноше. Чувства сии излил он в красноречивом завещании, умоляя Царя твердо держаться преданий отечественных, какие приял от предков, для утверждения земли Русской.

10. Адриан

К сожалению, после столь замечательного пастыря, избран был (1690 г.) на престол патриарший старец, Митрополит Казанский **Адриан**, хотя и украшенный добродетелями святительскими, но не постигавший необходимости тех преобразований, какие кипели в творческой груди Петра, и каких усиленно требовали самые обстоятельства; потому что со времени Царя Алексея Михайловича и предприимчивого Никона, все в государстве шло к постепенному образованию, хотя не столь быстро, как действовал Петр. До слуха царского часто доходили неблагоприятные суждения бояр и святителей, о всех его предприятиях; – по несчастью, сообщество его с иноземцами, низкого сословия, призванными для сооружения флота и обучения войск, давали повод к молве, и осуждавшие не умели отличать великих деяний от слабости человеческой. Со своей стороны Петр, от юных дней прошедший чрез столько испытаний, и принужденный, во всем пылу юности, умерять гнев свой на полагавших ему препоны, ибо и мать и старший брат разделяли отчасти мнения бояр и Патриарха, с неприятным чувством смотрел на Адриана, как на представителя старины, боровшейся с его светлым гением. Творческий дух Петра, создав однажды в мыслях своих грядущую Россию, предмет пламенной любви его, как будто уже видел ее пред своими глазами, и раздражался, когда современники не угадывали того, что только через сто лет могли наконец увидеть потомки, – осуществление его идеала, Россию времен наших.

Однакоже и Патриарх, с первостепенными архиереями и боярами, участвовал в приношениях денежных, для создания флота Русского, когда Петр, победив собственное отвращение к воде, на тихом озере Переяславском и на бурном море Белом, начал строить корабли в Воронеже, для покорения Азова. Тогда просияли пастырские добродетели первого Епископа Воронежского Митрофана, ныне причтенного уже к лику святых, в котором нашел великий Петр искреннего друга и помощника в

трудах своих, при устройении флота, а вместе с тем и твердого ревнителя догматов церковных, готового положить за них душу.

Сияли и другие светильники в собравшейся воедино Церкви Великой и Малой России: на севере два ревностные обличителя ересей современных, Афанасий, Архиепископ Холмогорский, и Митрополит Сибири Игнатий, из рода Римских-Корсаковых, словом и делом подвизались против пагубных расколов, коими заражены были их отдаленные епархии; три послания Игнатия заключают в себе, вместе с пастырскими увещаниями, описание злого начала ересей, и сам Патриарх Адриан, подражая предшественнику своему, написал против них книгу обличительную, названную **щитом веры** православной. На юге же, под отеческим крылом мудрого Варлаама Ясинского, явились два светлые лица, имевшие впоследствии столь сильное влияние на судьбу Всероссийской Церкви: святые Димитрий и Стефан Яворский. Первый из них, получив превосходное образование в училищах Киевских и Литовских, долго уединялся в обители Батурина, местопребывании гетманов; там поручил ему Варлаам начатое Петром Могилою и Иннокентием Гизелем, описание жития святых, Греческих и Российских, которые собраны были в рукописях великой четвинеи Митрополита Макария, при Иоанне IV. Обширный и назидательный труд сей, поощряемый похвальными грамотами Патриарха Адриана, занял все течение благочестивой жизни Св. Димитрия, и как богатое сокровище утешений духовных, доселе питает Христианские души, возбуждая их к подражанию святым подвижникам. А Стефану, тогда еще проповеднику слова Божия в Киеве, предназначено было многотрудное поприще, пасти всю Церковь Российскую и следовать за исполинскими шагами предприимчивого Петра, стопою твердою и неуклонною от православия.

После завоевания Азова, увенчавшего славою (1696 г.) первые ратные подвиги юного Царя, и после кончины брата Иоанна, ознаменованной для него новым стрелецким бунтом, Петр решился удовлетворить страсти своей к образованию, посещением чужих земель; он поручил государство Князю Ромодановскому, с титулом Кесаря, родственным боярам и

Патриарху, а сам пустился в путь, вслед за великим посольством, которым предводительствовал наставник его Лефорт. Путь лежал чрез Пруссию в Голландию, где сложив с себя всякое величие, Царь, простым работником, посвятил несколько месяцев науке кораблестроения, но с отложением блеска наружного, еще более просиял внутренний, как светильник ярче горящий во мраке. Англия в свою череду представилась любознательному Петру; Император Римский Леопольд, договаривался с ним в Вене, о войне и мире с Турцией, которая при великом Солимане, стала грозною для Европы. Кончина Иоанна Собесского и выбор нового Короля беспокойной республики Польской, озаботили также душу Петра; он благоприятствовал Курфирсту Августу Саксонскому, и послал в помощь ему полки стрелецкие; но поход сей послужил виною последнего их бунта, и ускорил возвращение Царя.

Страшная участь ожидала виновных. Петр, ожесточенный столькими мятежами, решился совершенно истребить сие всегдашнее гнездо бунта в столице. Многие тысячи были разосланы по дальним городам; многие сотни осуждены к торговой казни. – Тщетно Патриарх, движимый человеколюбием, торжественно ходил с иконою Владимирскою, умолять Петра о пощаде. Кротость пастыря еще более раздражила Государя, который видел в строгом наказании и пользу общественную; он отвергнул ходатайство Адриана. Царевна Софья подверглась еще строжайшему надзору в своих иноческих келлиях, за умысел стрельцов, которые желали видеть ее опять на престоле, и с нею в обители пострижена была, в то же время, другая сестра ее Марфа, по неудовольствиям семейным. Даже юная супруга Петрова, Царица Евдокия, из рода Лопухиных, не избежала сей горькой участи, по приверженности ее к старому образу мыслей, столь неприязненному для Государя, и заключение в обители Суздальской ожидало ее на все течение царствования Петра.

По возвращении из-за границы, еще более обнаружилась склонность его к иноземным обычаям и одеждам, которые решился постепенно ввести между своими подданными, чтобы тем скорее сблизить их с образованием Европейским; бороды и

кафтаны боярские исчезали постепенно в угодность Царю: но духовенство и низшие сословия удержали достояние предков. Петр отменил также некоторые обычаи, не соответствовавшие его образу мыслей: торжественное шествие Патриарха на осляти в неделю ваий, вкравшееся к нам из запада, которое и Патриарх Иоаким уже запретил совершать прочим архиереям, и всенародное целование Царя с Патриархом на площади Кремлевской, при так называемом действе нового года. Он изменил и самое празднование нового года, перенеся оное, по примеру Европы, на первое Января; но не решился однакоже ввести календаря Григорианского, и, несмотря на сей столь важный переворот летосчисления гражданского и церковного, новое лето 1700 года встречено было без малейшего смятения.

Скорбел однакоже престарелый Патриарх, удручаемый болезнью, и не присутствовал на торжественной литургии, которую совершил в Успенском соборе Митрополит Новгородский Корнилий, приветствовавший Царя с новым годом. Еще более огорчился Адриан, когда Петр, думая о преобразовании государства, созвал первостепенные чины, для исправления уложения отцовского и для составления нового, с распределением судебной власти, гражданской и духовной. Патриарх, в последние дни своей жизни, и уже стоя одною ногою во гробе, велел тщательно собрать и выписать все права и преимущества Российской Церкви, начиная с номоканона, льготных грамот святого Владимира и Ярослава, коснулся даже и ярлыков Ханов Ордынских, коими пользовались великие святители Петр, Алексей и их преемники. В заключении же, подобно Иоакиму, слезно увещевал бояр, составлявших уложение, помнить все сии льготы и права и не отклоняться от преданий отеческих. Он скончался в исход 1700 года и века, а с ним пресеклось личное достоинство патриаршее в Церкви Российской.

Местоблюститель Стефан

Трифиллий, Митрополит Сарский и Подонский (1702 г.), в качестве наместника патриаршей области, занимался в последние дни Адриановы и несколько времени после, делами церковными. Но уже судьбами Божиими, был готов славный преемник Патриарху, посвященный еще при жизни его, **Стефан Яворский**. Проницательный Петр усмотрел достоинства сего мужа, когда присланный в столицу, Митрополитом Киевским Варлаамом, чтобы испросить утверждение преимуществ училищам Малороссии, говорил он красноречивое слово, над гробом любимца царского боярина Шеина. Утешенный его сладкою речью Государь, повелел смиренного игумена Пустынского Николаевского монастыря, произвести прямо в Митрополиты Рязанские, и сердце Царево опять было в руке Божии, когда, мимо всех старейших Митрополитов Великороссийских, избрал он сего Стефана блюстителем престола патриаршего: ибо пользуясь его доверенностью, Стефан, с твердою верою и твердым характером, предстоял Церкви Российской в преобразовательное время для государства, пастырски укрепляясь на неподвижных заповедях церковных.

Он нашел себе верного сотрудника, в искреннем своем друге, архимандрите Северском Димитрии, которого также вызвал в столицу Петр, для посвящения в Митрополиты Сибирские; Государь лично знал святого, уже прославленного описанием жизни угодников Божиих, и заботился, чтобы образование Малороссийской Церкви распространилось и на севере. Но болезненный Димитрий не в силах был ехать в отдаленную свою епархию и, по ходатайству Стефана, перешел в Ростов на место умершего Митрополита Иосифа. Там предназначено ему было просиять своими добродетелями и учением, во всю Церковь Российскую, которую назидал в течение семи лет, как твердый ревнитель православия и обличитель врагов его, как летописец, проповедник и наипаче глубокий молитвенник. Так всеобъемлющее сердце Димитрия

сроднилось с каждым христианским сердцем своего земного отечества, еще прежде, нежели начал сам принимать молитвы, от наученных им молиться.

Нужна была такая духовная опора вере Стефановой, ибо нелегкое поприще ему предстояло. Вскоре после кончины Адриана, закрыт был разряд патриарший, заведовавший всеми делами церковными, не только собственно иерархическими, но и волостными по имуществам, и тяжёбными; потому что со времени уничтожения приказа монастырского, Царем Феодором, в патриаршем только разряде, производились все иски на лица духовного звания. Они восходили иногда в приказ большого дворца, т. е. на собственное решение Государя, когда обнаруживалось пристрастие судей в деле близком для них, по сродству с подсудимыми. Петр велел перенести все нерешенные дела для окончательного суждения в разные государственные приказы, по содержанию каждого и по порядку мирских тяжб, и таким образом дела о наследства, завещаниях, святотатствах, дотоле подлежавшие суду духовному, перешли в гражданский. Дела же собственно церковные, иерархические и догматические, поручил ведать Митрополиту Рязанскому, в духовном патриаршем приказе, еще прежде назначения Стефана блюстителем престола. Однакоже, в скором времени, опять обращены были на патриарший двор все иски на лица духовного звания, и, по представлению Митрополита Стефана, вновь открыт был приказ церковный, для наблюдения за благочестием священнослужителей.

С уничтожением разряда, Государь восстановил также, в полной силе, приказ монастырский, утвержденный уложением отца его, и, отделив совершенно от духовного приказа, вверил управлению боярина Мусина Пушкина. Его ведению, суду и расправе подлежали патриаршие и архиерейские приказные люди и многочисленные волости, также и богатые имущества монастырей, которые были все переписаны. Они не управлялись более келарями и старцами, но стольниками царскими, независимо от воевод и наместников, и относились прямо в приказ монастырский, куда стекались все их доходы. Ограничено было и число монашествующих обоего пола в

каждой обители, и выведены бельцы и белицы, жившие праздно без пострижения, для коего определены известные годы, не ранее сорока для монахинь, и тридцати для монахов. Безбедное содержание назначено каждому иноку, по десяти рублей в год и десяти четвертей хлеба, вместо прежних богатых доходов, кои обратились частью на нужды государственные, частью на устройство больниц и пропитание убогих воинов, помещенных в монастыри. Однакоже те из обителей, которые по убожеству своему искони пользовались подаванием царским, удержали оное, и таким образом сохранился весь чин собственно монашествующих, весьма многолюдный в то время, хотя и лишенный избытка внешнего. Равномерно и власти духовные, по степени их сана, начали получать оклады и жалованье, взамен отчин, отписанных в приказ монастырский, и вместо церковных сборов, искони получаемых ими со всех приходов своих епархий; – такой порядок управления церковных имуществ продолжался до учреждения Св. Синода.

Так действовал Петр, по ведомству духовному, приводя также в порядок все отрасли правления государственного: умножая доходы лучшим устройством податей, уничтожая роскошь, и входя даже во все подробности жизни семенной и гражданской; заводя типографии и училища, образуя общественный язык Русский; поощряя промышленность и торговлю, учреждением ратуши, дабы сословие купеческое имело собственное управление; наконец созидавая флот и войско, в самые тяжкие годы испытаний, когда Россия стонала от нашествия Шведского.

Необходимость пристани на берегах Балтийских, для сообщения с Европою, и надменность Шведов, при воцарении юного их витязя Карла XII, побудили Петра к заключению тройственного союза, с Фридрихом Королем Датским и Августом Польским. Запылала война северная, двадцать два года тревожившая Россию. Бедственны для нас были ее начала: Карл, быстро смилив Данию, опрокинулся всеми силами на Россию и под Нарвою, осажденною нашими войсками, почти совершенно сокрушил неопытное ополчение, плод первых стараний Петровых. Но оно успело созреть в битвах, с

военачальниками Шведскими, при покорении Лифляндии и Ингерманландии; а отважный Царь, на самом поприще войны, основал новую свою столицу, покамест Карл, занявшись Польшею, поражая на каждом шагу Августа, захватил обе столицы, Варшаву и Краков и наконец, возвел на престол королевский Станислава Лещинского.

Тогда обратился опять на Россию и, отвергнув предложения мирные, двинулся с победоносным войском в пределы Украинские, где надеялся на тайную измену гетмана Мазепы. Но Карл, уподобляя себя великому Александру, не нашел в Петре Дария. Бдительно следовал он за врагом, пресекал ему сообщение с другими отрядами Шведскими, которые заблаговременно были рассеяны. Открылось предательство Мазепы, довольно вовремя, чтобы удержать от восстания Украину, и в Глухове три архиерея, Митрополит Киевский со своим Викарием и Архиепископом Черниговским, предали анафеме изменника, забывшего все благодеяния царские. С немногими приверженцами явился он в стан Короля. Войско Шведское осадило Полтаву, и на полях ее впервые сразились оба исполина севера; раненый Карл, на носилках обтекая ряды, одушевлял воинов, устаревших в брани: исполненный любви к отечеству Петр просил забыть Петра для России, – ей же навеки памятен подвиг Царя; под его ударами сокрушилось и исчезло ополчение Шведское, как бы никогда не тревожившее Россию. За степи Украинские и Татарские бежали вместе Король и Гетман и остановились только на берегах Днестра. Изменник Мазепа умер в Бендерах; гетман Скоропадский уже был назначен на его место.

Усердие Царя основало монастырь мужеский, во имя верховных Апостолов, на поприще битвы Полтавской, а на память самого дня ее сооружена, в новой столице, церковь странноприимца Сампсона. С великим торжеством встретил Государя в Киеве, у врат Софийских, Митрополит **Иоасаф Кроковский**, за год пред тем посвященный из архимандритов лавры, на место умершего Варлаама, и префект академии Феофан Прокопович произнес красноречивый панегирик Царю. Здесь впервые обратил он на себя внимание монаршее,

сладостью речи и глубоким образованием, которое получил в училищах Униатских и Римских; страсть к учению увлекала Феофана до такой степени, что он даже сделался на время отступником православия в Риме, и ту же удобопреклонность в догматах веры обнаруживал впоследствии, когда занимал высшие степени иерархии Российской. Обе столицы с не меньшим торжеством встретили победителя. Европа, дотоле оглушаемая громом побед Карла, с удивлением услышала о подвигах Петровых, и обратила живое внимание на расцветающую Россию.

Посреди подвигов ратных не забывал Петр о православных единоверцах, страдавших в Литве и Польше, от насилия Униатов, и, пользуясь правами союзника, настоятельно требовал от Августа прекращения гонений. Несмотря на условия мира 1686 года, коими обязывался Король Ян Собеский даровать свободное вероисповедание епархиям Луцкой и Галицкой, Перемышльской, Львовской и Белорусской, с утверждением их прежних привилегий, все они были непрестанно нарушаемы буйною шляхтою и самовластными магнатами Польши; они, вооруженною рукою, отнимали церкви и монастыри, ругались над святынею, мучили священнослужителей и подвергали православных такому бесчестию, какого никогда не терпели у них Евреи и Магометане. По бедственным обстоятельствам времени, самые Епископы: Иннокентий Перемышльский, Иосиф Львовский и Киприан, бывший сперва Полоцким, а потом Митрополитом отпадших, предавшись на сторону Унии, сделались в свою череду гонителями православия; на стороне его оставались только два, из коих Кирилл Луцкий принужден был бежать из своей епархии в Киев, и получил Переяславль с титулом Викария, а Могилевский Епископ, князь Сильвестр Четвертинский, едва держался на своей кафедре. Все православные монастыри взывали к Петру, как единственному защитнику, и Петр на опыте узнал истину их жалоб, ибо сам подвергся ругательствам и даже опасности от Униатских монахов, когда посетил храм их в Полоцке. Но все грамоты и убеждения Государя, и даже угрозы его Королю Августу

оставались тщетными; удовлетворение жалоб отлагалось от сейма до сейма, и православные должны были довольствоваться одними обещаниями правительства Польского о будущем улучшении их участи.

Славною битвою Полтавскою не кончилась однакоже для великого Петра борьба его с Карлом XII. В то время, как победитель, воздвигая мощною рукою Августа Польского, возобновлял опять с ним и Данией союз северный, отчаянный враг его укрепился на берегах Днестра, и оттоле не преставал возбуждать Султана расторгнуть мир с Россиею, доколе не достиг желанной цели. Никогда Петр не желал более мира, потому что, пользуясь успехом Полтавы, он начинал приводить в исполнение свои великие предприятия внутри государства. На время частых отлучек, по необъятной монархии, учредил он правительствующий Сенат (1710 г.), где должно было сосредоточиваться главное управление и стекаться все его многоразличные отрасли. Сему Сенату, составленному из высших сановников, поручил он блюсти Россию, когда сам принужден был идти в новый поход, чтобы отразить полчища Порты, двинувшиеся к Дунаю. Екатерина, новая супруга Царя, ему сопутствовала для спасения отечества. Оба княжества Молдавии и Валахии благоприятствовали России, но верным остался один Кантемир Молдавский; не изменил и ему Петр, в самую горькую минуту жизни, когда внезапно окруженный на берегах Прута многочисленными врагами, отказался выдать Туркам господаря. Екатерина склонила золотом малодушного визиря к миру, который стоил нам Азова и юношеских завоеваний Петровых, но сохранил России самого Петра. Императорская корона была наградою Екатерины. Пять лет еще беспокоил Султана враждебный Карл, доколе наконец, принужден был оставить соседство Царьграда; одиноким странником прискакал он в забытую им Швецию, изнемогавшую под ударами северного союза, в который вступили также Пруссия и Ганновер, Голландия и Англия; а между тем Ливония, Ингерманландия и часть Финляндии, в окрестностях новой столицы Русской, сделались уже ее достоянием.

Посреди непрестанной деятельности воинской продолжалось однакоже внутреннее образование России; каждый промежуток брани ознаменовывался гражданскими учреждениями, по всем частям управления, которому Петр, для большего устройства, мало-помалу старался давать формы коллегиальные; ибо он более доверял совету многих, нежели произволу одного лица. За учреждением Сената последовали коллегии, сперва иностранная, потом военная и другая, а вся Россия разделена была на восемь обширных губерний. Под громом оружия образовались не одни только флот и войско; Царь всеобъемлющим оком, проницал все источники богатств государственных и мощным словом вызывал их наружу. Распространилось также просвещение, светское и духовное, чрез умножение всякого рода училищ и путешествие юношей Русских по образованному Западу.

Ревностно содействовал Государю Митрополит Стефан, принявший на себя звание протектора академии Московской, которую расширил и образовал по примеру Киевской. Ярко светил Димитрий, до своей блаженной кончины в Ростове, занимаясь сам устроенною им семинарией. Мало-помалу, по его примеру, при всех домах архиерейских учреждались школы, для образования священнослужителей, обратившиеся впоследствии в семинарии. Иов Митрополит Новгородский, муж исполненный благочестия Христианского, вместе с богоугодными заведениями, учредил в своей епархии до четырнадцати духовных училищ, и для лучшего их успеха, вызвал из обители Ипатьевской двух давно забытых братьев, Лихудов, пятнадцать лет томившихся в заточении. Иоанникий и Софроний, как светильники, извлеченные из-под спуда, внезапно пролили образование в сих училищах. Младший Софроний, посланный в Москву за типографией, был удержан там блюстителем патриаршего престола, для устройства академии, и ему, вместе с ее знаменитым ректором Феофилактом Лопатинским, будущим страдальцем за истину, поручено было окончить исправление библии Славянской, начатое Епифанием. По смерти Иова Митрополита, Иоанникий переселился в столицу, чтобы разделить академические занятия с братом, и скоро скончался;

Софроний же, возведенный в сан архимандрита, достиг глубокой старости.

Но, вместе с образованием, неприметно проникало в отечество наше тайное зло, пустившее опасные корни. Путешественники и иностранцы занесли в Россию противное нашей Церкви учение Лютера и Кальвина, которое, пренебрежением обрядов, и произвольным суждением о таинствах религии, благоприятствовало беспечности и самолюбию. Православная Восточная Церковь не страшилась влияния Церкви Западной, ибо она боролась с нею открыто, в пределах Польских, и неистовства Унии ожесточили слишком сердца Русские против Рима, чтобы сделать его опасным. Но мы не имели никогда явной вражды с Германскими нововводителями; присоединение областей Балтийских и полезные труды иноземцев, вызванных Петром, невольно нас сближали с ними. Высшая степень их мирского образования и самое участие, какое они принимали в наших обрядах церковных, привлекали к ним неопытных, которые не умели распознать, где предел просвещения светского и где начало духовного, утаенного, по словам Христовым, от премудрых и разумных, но открытого простым и младенцам.

В окрестностях северной столицы, где наиболее стекалось иноземцев, начало распространяться их учение, и сильно восстал против него добродетельный Иов Новгородский. Он внушил ревностным братьям Лихудам вооружиться на потрясающих основы православия, и явилась книга их обличений, посвященная четверем Вселенским Патриархам, как хранителям благочестия. Не остался равнодушным зрителем и блюститель престола Московского Митрополит Стефан, потому что и в другую столицу проникла ересь, распространителем коей был стрелецкий врач, Димитрий Тверитинов. Проживая долго при одном иностранном враче, он заимствовал у него вместе с наукою и образ мыслей, и начал рассеивать хулы на иконы, мощи, литургию, на призывание святых и поминовение усопших. Многие стрельцы и ремесленники к нему пристали, и до того простерлась их дерзость, что один из хулителей цирюльник Фома Иванов ругался даже над иконою Св. Алексия

Митрополита в Чудове монастыре. Преосвященный Стефан, сперва тайно исследовав о сем деле, донес Государю, потом же, по воле его, созвал собор соседних Епископов в Москву: Игнатия Сарского, Варлаама Тверского, и Грека Иоанникия Митрополита Ставропольского. Там, в патриарших палатах, по довольном рассмотрении и увещании, нераскаянные были преданы анафеме, а начальники ереси гражданскому суду и казни. Но, недовольный единовременным исправлением, Митрополит Стефан, как истинный пастырь, отечески пекущийся о своей пастве, собрал в одну книгу все ложные мудрования, явно опровергаемые учением Церкви, и назвал книгу сию камнем веры для сокрушения врагов православия. Догматы о святых иконах и мощах, о знамении честного креста, о предании, о тайне пречистого тела и крови Христовых, о призывании Ангелов и Святых, наипаче же Пречистой Девы, и наконец о состоянии душ по смерти и о молитве за усопших, в совершенной полноте и ясности представлены были благочестию испытующих, с низложением всякого гордого мудрования, возносящегося на истинное учение Церкви. В предисловии же смиренно говорил о себе кроткий Стефан: «наше есть еже врачевати, Божие еже исцеляти: тверд есть сей камень (книгу тако нарекох) неплодствию души моей сообразно; но и от камне может воздвигнути Бог чада Аврааму и от насекомого может источить воду, напоющую в живот вечный».

Не менее ревности оказывал блюститель к прекращению другого зла, укоренившегося в России, от безнаказанности расколов и невежества их начальников. Писания его о времени пришествия Антихриста и кончин века, рассеяло нелепые толки, коварно распушенные в столице, будто уже Антихрист явился, и настала кончина. Несмотря однакоже на благоразумные меры правительства, которое воспрещало употреблять раскольников в какие-либо должности общественные, и даже облагала их двойною податью за упорство, беспокойное состояние России, посреди непрестанных войн и переворотов, давало средства злонамеренным укрываться от надзора и наказания. Границы Лифляндские и Псковские постепенно населялись

раскольниками; поморские скиты, хотя не все согласные между собою, умножались в глуши лесов и болот Олонецких, в дикой Перми и Сибири. Еще более была недоступна Ветка в пределах Польских, где в четырнадцати слободах собралось до 30,000 старообрядцев секты поповщинской. Помещики Польские благоприятствовали им из личных выгод: влияние же Ветки было чрезвычайно сильно, ибо там существовала Покровская церковь, единственная у раскольников, и оттоль разносились запасные дары по всей России, часто не без подлога: в некоторых местах старожилы хвалились даже, что имеют при себе древние дары, освященные еще до времен Никона, и святотатно разводили их в новом тесте, для приобщения неопытных. Недалеко от Ветки основались столь же многолюдные слободы Стародубовские, состояние коих сделалось более цветущим, когда за оказанное ими усердие, против изменника Мазепы, получили они в награду многие льготы и земли.

В лесах Нижегородских собрал также другое скопище, современное Ветке и Поморию, беглый ученик попа Аввакума, Онуфрий. По смерти его, диакон Александр, за несогласие в некоторых обрядах, начал сам отдельную секту, принявшую от него название **диаконовщины**; но она была слабее поповской, которая, чрез беглых иноков и стрельцов, распространилась по течению Волги и Дона. Бдительный Государь, желая поразить раскол в самом гнезде его, избрал в Епископы Нижегородские Питирима, жившего на Ветке, но обратившегося к Церкви, чтобы он своею опытностью обличил коварство лжеучителей. Преосвященный Питирим, с пастырскою заботливостью, принялся за столь трудный подвиг и сам неоднократно посещал скиты раскольничьи, рассеянные в лесах. Удовлетворительно отвечая на все вопросы заблужденных, он приводил их в недоумение, и достиг желанной цели, ибо диакон Александр и главнейшие старцы его толка, признали свое обольщение и присоединились к Церкви. Хотя же впоследствии непостоянный диакон отпал опять в прежний раскол и подвергся заслуженной казни, но его бывшие единомышленники устояли в вере. Книга Епископа Питирима, под именем **пращицы духовной**, осталась

доныне спасительным врачеванием для желающих выйти из заблуждений, вместе с **розыском** святителя Димитрия Ростовского, о вере Брынских раскольников, коим обличал он суемудрых своей епархии.

Новое путешествие Государя за границу, для скрепления северного союза, во время военных действий, ознаменовалось для него огорчениями политическими, от непостоянства союзников, и семейными, от недостойного сына. Напрасно Петр готовил себе преемника в юном Царевиче Алексее: рано обнаружилась в нем неспособность к занятиям воинским и гражданским, и ненависть ко всем преобразованиям великого отца. Память о заключении своей матери Евдокии, в стенах Суздальских, дурные советы людей мирских и духовных, которые благоприятствовали его образу мыслей, ибо надеялись видеть в нем восстановителя древнего порядка вещей, довершили нравственное расстройство Алексея. Угрожаемый лишением престола, он изъявил желание оставить свет; но не в силах будучи расстаться со своими грубыми страстями, решился искать себе спасения от строгого родителя за границу. В Голландии услышал Петр горькую весть о его бегстве и послал отыскивать сына в областях Императора Римского, сам же продолжал путь в Париж. Там знаменитая академия Сорбонская, пользуясь личным присутствием Государя, предложила ему соединение Церкви Западной с Восточною: но благоразумно отклонил он от себя дело столь важное, обещая только повелеть архиереям Российским отвечать на писание Сорбонны.

Петр поспешил возвратиться в свое государство, куда скоро привезли виновного Царевича, найденного в Неаполе; он был торжественно отрешен от престола в древней столице, и над ним открылся суд духовных и мирских сановников. Между соумышленниками нашлись лица близкие Царю и несколько духовных; опять прежняя Царица Евдокия, которая употребляла во зло оставленную ей свободу в Суздале, и благоприятствовавшие ее честолюбивым видам, Епископ Ростовский, и сестра Государева Царевна Мария, уже третья после Софьи и Марфы, восстававшая на брата. Она заключена

была в крепость Шлиссельбургскую и усилено заточение Царицы в Новоладожской обители; лишенный сана Досифей, предан казни светской с прочими сообщниками Царевича. Над ним одним медлил произнести приговор родитель, хотя уже открывший его преступные замыслы; он ожидал совершенного сознания и перенес следствие в новую столицу, но Царевич сознавался только по уликам, действуя нерешительно. Наконец Государь преодолел отца; судом гражданским и духовным изречен был смертный приговор, но одно о нем известие, так поразило Царевича, что он внезапно скончался. Прямым наследником остался малолетний сын его Петр, ибо другой младенец сего имени, рожденный Екатериною от великого Петра, предупредил его на скоротечном поприще.

Около сего времени (1719 г.) вручил Петр блюстителю патриаршего престола и бывшим при нем архиереям, пространное послание Сорбонны, в котором приводила она на память сходство обеих Церквей, в догматах, таинствах и преданиях, в поклонении честных мощей и икон, призывании святых и законах церковных. Поверхностно отзывалась она о догмате исхождения Св. Духа, стараясь изъяснить правильное Греческое изречение, о ниспослании Духа от Отца чрез Сына, неправильным Латинским прибавлением в символе, о исхождении и от Сына, и, во свидетельство своего миролюбия, предлагала пример Униатов, у коих Греческий символ остался неизменным с разрешения Папы. Еще легче говорила Сорбонна о Папе, со всеми вольностями Галликанской Церкви, называя его только первым по старшинству между равными Епископами, по свидетельству древних Отцов, и, отвергая его непогрешительность, подчиняла власти Кафолической Церкви, образуемой Вселенским собором.

Но сколь ни благовидно было сие моление мире, с должною мудростью отвечали на оное святители Русские, изъяснив и со своей стороны, желание союза, о коем непрестанно молит Церковь православная на всех богослужениях. Но они заметили Сорбонне, что дело сие, по великой его важности, не может зависеть от частного решения нескольких богословов, и что вся Церковь западная, со всею Церковью Восточною, должна

участвовать в общем согласии; а потому до времени должно довольствоваться учеными сношениями о предметах богословских, чтобы новым союзом с церковью чуждою, не нарушить древнего с четырьмя Вселенскими православными престолами. Митрополит Стефан, с двумя архиепископами, Варнавою Холмогорским и Феофаном Псковским, скрепили ответное послание, писанное сим последним, который недавно вызван был из Киева, и уже принимал большое участие в делах церковных.

Чрезвычайные способности Феофана ко всякого рода занятиям, и глубокие его познания светские и духовные, ревность к просвещению, которое не преставаля он поддерживать даже из частных доходов, устроив при доме своем большую семинарию, привлекли к нему особенное благоволение Государя, а острый ум и веселый общежительный его характер, испытанный Петром во время Турецкого похода, сердечно привязали его к спутнику своему, бывшему тогда еще ректором Киевским. Но знаменитый блюститель Церкви Российской, Митрополит Стефан, знавший в Киеве о началах Феофана, не с такою снисходительностью смотрел на сего нового сотрудника; он не доверял его учености, заимствованной на Западе, и легкости его характера, склонной к нововведениям иноверцев. Положив камень веры в претыкание их учению, великий муж Церкви почел пастырским долгом обличить избираемого в Епископы Псковские Феофана, в тех погрешительных мнениях богословских, какие преподавал он в академии Киевской, и сие обличение, не уваженное Феофаном, послужило только источником к вражде его против Стефана.

Однакоже, несмотря на частное предложение Сорбонны, о союзе церковном, никогда Уния не была столь жестока в своих гонениях на православие. Новый Митрополит Униатский, Лев Кишка, преемник Киприана, успел уже на соборе, созванном в Замостьи, открыто утвердить Унию (1720 г.) во всех епархиях, находившихся под владычеством Польши, и признать законным уничтожение всех Епископов православных; конституция сейма уполномочила сие насилие, сохранив только одну Могилевскую кафедру. Несколько уцелевших монастырей и церквей, в Литве

и на Волыни, отягощаемы были податями, лишаемы последних имуществ; духовенство терпело всякое насилие и поругание, утвари и сосуды расхищались и попираемы были св. тайны; волости монастырские страдали без защиты, а шляхта и мещане православные не допускались ни в какие должности. Сам Могилевский Епископ, князь Святополк Четвертинский Сильвестр, подвергался узам и ранам от буйства Поляков. Два Епископа Униатские, Смоленский и наипаче Перемышльский Иннокентий, делали нестерпимым в своих епархиях пребывание православных; тщетно гонимые взывали о защите. Государь вступался чрез посланника в Варшаве за единоверцев, представляя, какою свободой пользуются все исповедания в России, и требовал учреждения следственной комиссии по границам, для рассмотрения обид, наносимых православным в Литве, Белоруссии и Польше; он назначил даже со своей стороны в Могилев комиссара Рудаковского. Король Август и нунций папский в Варшаве, архиепископ Сантини, и сам Папа постепенно тревожимы были жалобными грамотами Петра великого; но строгие запрещения Августа и окружные послания нунция, даже с возложением проклятия на непокорных возмутителей спокойствия церковного, не действовали; насилие, грабежи, узы, мучения, воздвигаемые фанатизмом Римлян и Униатов, продолжали сретаться в бедствующей Литве, с неодолимою твердостью православных в вере отеческой. И все сие совершалось бесстрашно и безнаказанно, когда уже Россия, окрепшая после двадцатилетней борьбы Шведской, овладела северным поморьем, когда исчез с поприща браней грозный их возбудитель Карл, и преемник его заключил, наконец, с Россией славный для нее Нейштадский мир, упрочивший ее внешнее благосостояние.

Ограждаемая на Западе, в царствование Петрово, расширялась она к Востоку, до крайних пределов океана и вступила в постоянные сношения с Китаем. Распространялось и Христианство по необъятной Сибири: преемник Игнатия, Митрополит Тобольский Феодор, обратил в Христианство до 10,000 Остяков. Постепенно просвещались верою и южные пределы, и окрестности дальнего Иркутска, уже довольно

населенные Христианами, возымели нужду в Епископе. Иннокентий Кульчинский, назначенный начальником духовной миссии в Пекине, посвящен был первым Епископом в Иркутске и положил там благое начало, прославившись святостью жизни и нетлением по смерти. Это был третий святой современник Петра, после святителей Митрофана и Димитрия, которым свыше назначено было просиять чудесами в дни наши.

Среди бури воинской процветала и новая столица Царя, усиленно созданная им на берегах Невских; воля его победила природу и предубеждение первопрестольной Москвы. Храмы и здания, общественные и частные, росли постепенно, подле убогого жилища великого основателя и скромного собора Троицкого; уже сооружен был великолепный кафедральный собор во имя верховных Апостолов Петра и Павла; возникла и лавра Невская, поставленная наряду с двумя древними лаврами, Печерскою и Сергиевскою. Она ожидала в утверждение себе нетленных мощей Великого Князя Александра, славного воителя на тех местах, где положил ей начало другой победитель Шведов, и торжественно перешел в нее из Владимира благоверный Князь; а первый архимандрит лавры Феодосий, украшенный добродетелями пастырскими, соединил с сим званием и сан архиепископа Новгородского.

Наступило, наконец, время устроить дела церковные, долго бывшие в нерешительном состоянии, от воинских и гражданских смятений. Петр, победитель всех своих врагов, украшенный титулом Императора и Отца отечества, по собственному выражению, несуетный на совести возымел страх, да не явится неблагодарным Вышнему, если получив от него столько успеха в исправлении чина воинского и гражданского, пренебрежет исправлением чина духовного. Нельзя было долго медлить; добродетельный блюститель патриаршего престола, Митрополит Стефан, вполне достойный доверенности царской и своего высокого звания, который двадцать лет держал кормило церковное, чувствовал уже приближение старости и не в силах был следовать повсюду за деятельным Петром. Особенно тяжело было для него пребывание в новой столице, еще не представлявшей никаких удобств жизни, и наипаче для

управления Церковью. Еще в 1718 году жаловался он письменно Государю, что пребывает многие месяцы в Петербурге, в наемном доме, далеко от церкви, еще дальше от соборного правительства, которое ему вверено, и от области патриаршей, с двумя епархиями Рязанскою и Тамбовскою, лично ему подчиненными: что в таком же неустройстве обретаются митрополии Киевская, Новгородская, Ростовская и Смоленская, по смерти своих пастырей, а другие Епископы, удручаемые годами, просят на покой, все же прибегают к нему за советом, как к блюстителю патриаршего престола; а сам он, далеко от первопрестольной столицы, не имея при себе совета, не может удовлетворять всем требованиям и не знает, кого избирать на столько открывшихся кафедр.

Государь отвечал, что одно соборное правительство могло бы быть достаточно для нужд церковных, и еще более утвердился в сей коренной своей мысли, которую, в течение долгого царствования, постепенно приводил в исполнение, учреждением сената и двенадцати коллегий. Он видел на опыте, какую великую пользу принесло государству сосредоточение гражданского управления в сенате, и начал решительнее помышлять об учреждении постоянного поместного Собора, более беспристрастного и важного в своих определениях, нежели одно лицо патриаршее.

Составление регламента духовного, для руководства сему правительственному Собору, возложено было на епископа Псковского Феофана, который изложил подробно, в трех отдельных частях регламента, состав и вину такого правления, дела ему подлежащие, должность, действия и силу самих правителей, по образцу древних соборов и по правилам Св. Отец. Вместе с обязанностью Епископов, в отношении сего высшего правительства, монашествующих и мирских лиц своих епархий, обсуждены были в регламенте и средства к поправлению нравственному паствы, к назиданию ее в догматах веры, к искоренению расколов, и к обучению готовящихся на места священнические в семинариях, которые должны были учреждаться при каждом архиерейском доме, и в предполагаемой академии духовной.

Дело столь важное внимательно было рассуждаемо на соборе, созванном в новую столицу, в начале 1721 года, и весь регламент читан, в присутствии блюстителя патриаршего престола Стефана, Сильверстра митрополита Смоленского, Пахомия митрополита Воронежского, епископов Феофана Псковского, Питирима Нижегородского, Варлаама Тверского, Аарона Корельского, архимандрита Невской лавры Феодосия, пяти других архимандритов и семи важнейших сановников государства, и засвидетельствован руками всех, за скрепою царской руки: потом же еще подписан всеми архиереями и первостепенными архимандритами и игуменами Российской Церкви.

Святейший Синод

Тогда торжественно открыт был, при Высочайшем присутствии Императора Петра, сей постоянный Собор духовный, долженствовавший навсегда управлять Церковью Российской, под именем Святейшего правительствующего Синода, с возношением сего титула на всех ектеньях, где поминались Патриархи. Его ведомству подчинены были все архиерейские и монастырские вотчины, пришедшие в расстройство от управления приказа монастырского. Избрание Епископов, суд над лицами духовными, кроме дел уголовных, производившихся в разных приказах, дела о ересь и расколах, брачные и разводные, бывшие прежде в разряде патриаршем, а потом в ведении местоблюстителя Митрополита Стефана, отнесены были суждению синодальному: а сам смиренный Стефан, после столь долгого им управления Церкви соборной, почтен был званием Председателя Святейшего Синода, с голосом равным прочим членам, и еще два года подвизался на сем поприще до блаженной своей кончины. Он преставился в Рязани, где и погребен в великолепном соборе им сооруженном. Назначены были также два вице-президента, Феодосий, недавно посвященный в архиепископы Новгорода, и Феофан Псковский; прочие же члены, участвовавшие в суждениях синодальных были: Леонид архиепископ Крутицкий, архимандрит лавры Сергиевской Гавриил, архимандриты трех ставропигиальных Московских монастырей, Чудова, Новоспасского и Симонова: знаменитый Феофилакт Лопатинский, Иерофей и Петр, игумены Афанасий Толгский из Ярославля, Варлаам Угрешский из-под Москвы, один иеромонах Феофил и два протопресвитера Петербургских новых соборов: Иоанн Троицкого и Петр верховных Апостолов. Таков был начальный состав Святейшего Синода.

Обнародовано было сие соборное правительство по всей России, но еще требовалось, для вечной твердости оно, признание прочих Восточных церквей, дабы ненарушимо было единство Кафолической Церкви. Император Петр, несколько раз

в течение своего царствования, обращавшийся к престолу Константинопольскому, то о дозволении браков с иноверными, и не перекрещивании Лютеран и Кальвинов, переходивших в православие, над коими надлежало совершать одно только таинство миропомазания; то о разрешении поста воинам на брани, сам написал грамоту к Патриарху Иеремии. Извещая о нуждах Церкви Российской, побудивших его принять о ней попечение, по образу древних благочестивых Царей, и уставить с властью равнопатриаршескою духовный Синод, для ее управления, – Петр уповал, что и он, как первый Архиерей Восточной Кафолической Церкви, признает за благо сие учреждение, известит о том прочих блаженнейших Патриархов, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, и будет иметь общение со Святейшим Синодом, как с прежними Всероссийскими Патриархами.

Замечательно, что имя Патриарха, к которому обращался Петр при учреждении Синода, был **Иеремия**, точно также как Иеремиею звали Первосвятителя Константинопольского, с коим сносился Царь Феодор при установлении в России патриаршества. Странно повторились и некоторые другие обстоятельства: – в сем случае, как и тогда, всех более содействовал Государю и Цареградскому Владыке Антиохийский Патриарх, а Александрийский скончался во время совещаний. Другое важное дело занимало также Вселенских Святителей, при получении царских грамот, и слегка коснулась оно и Церковь Российская. Некто, Епископ Фиваидский, полежавший престолу Александрийскому, находясь в Великобритании за сбором милостыни, подал мысль Англиканским Епископам, о присоединении их к Церкви Вселенской, и доставил послание их Патриархам.

Блюстители православия Восточного, соборно рассудив о том, пространно ответствовали на вопросы Великобританские, излагая им, на каких только незыблемых основаниях веры отеческой, может принять их в недра свои Восточная Церковь, ибо она уже имела в минувшем столетии образец ложного присоединения Кальвином, которые обольстили Патриарха Константинопольского Кирилла Лукаря, и старались

распространить свою ересь на Восток, под его именем. Преемник Лукаря, другой Кирилл Веррийский, принужден был предать анафеме догматы, приписываемые его предместнику. А мудрый Досифей, Патриарх Иерусалимский, созвал собор в Вифлееме, и пространно изложил в восемнадцати членах все православное исповедание Кафолической Церкви, с опровержением нового учения Германского, опираясь на прежде бывшее уже исповедание Петра Могилы, признанное всею Церковью.

Между тем Епископы Великобританские, чрез протосингела Иакова Александрийского, взошли в сношение о том же предмете со Святейшим Синодом и прислали возражение свое на ответы Патриархов, прося доставить в Константинополь; но Пастыри Российские, видя какую ересью наполнено писание Англиканское, отвергавшее предания отеческие, призывание святых и поклонение икон, – поступили столь же осторожно, как и Греческие Святители, требуя соборно их совета, без коего ничего не решались предпринимать. Тогда три Вселенские Патриарха: Иеремия Константинопольский, Афанасий Антиохийский и Софроний Иерусалимский, с бывшими в Царьграде Епископами, поспешили послать Святейшему Синоду соборное исповедание Патриарха Досифея, как лучшее обличение на учение Англиканское и Кальвинское; и окружными посланием умоляли пребывать непоколеблемо в благочестивых догматах православия, ибо они уже издревле наследованы и определены Вселенскими Соборами и Святыми Отцами, соблюдаемы непрерывно служением Кафолической Церкви, и нельзя ни приложить к ним что-либо, ниже от них отнять.

В то же время Патриархи написали грамоты Святейшему Синоду о признании его всею Вселенскою Церковью, по примеру Константинопольского престола, от коего в древности зависела Митрополия Всероссийская. Такова была грамота из Царьграда:

«Иеремия, милостью Божией, Патриарх Константина града.

Мерность наша, благодатью и властью Всесвятого, животворящего и совершеннотворящего Духа, узаконяет, утверждает и провозглашает, от благочестивейшего и

тишайшего Самодержца, святого Царя, всея Московии, малыя и белыя России, и всех северных, восточных, западных и иных многих стран обладателя, Государя Петра Алексеевича, Императора, по Духу Святому нам возлюбленного и превозведенного, в Российском святом великом царстве учрежденный Синод. Есть и нарицается он нашим во Христе братом, святым и священным Синодом, от всех благочестивых и православных Христиан, священных и мирских, начальствующих и подначальных и от всякого лица сановного; и имеет власть творити и совершати, елика четыре Апостольские, святейшии Патриаршии престолы. Воспоминаем, завещаваем и уставляем ему, да хранить и содержать неколеблемы обычаи и правила священных, вселенских, святых седми Соборов и прочая елика содержит Восточная святая Церковь. И да пребывает во все веки неколебим. Божья же благодать, и молитва, и благословенье нашей мерности да будет с вами. 1723 г. сентября 23.

Иеремия, Божьею милостью, Константинопольский Патриарх, во Христе брат ваш.

Прибавление

Пришествие в Россию патриарха Иеремии

В лето от сотворения мира 7095, Рождества же Господа нашего Иисуса Христа 1587, при державе Благодетельного Царя и Великого Князя Феодора Иоанновича всея Руси, и при святительстве Иова, содержавшего престол Митрополии Московской, пришел с Востока Архиепископ Константинополя, Нового Рима, и Вселенский Патриарх Иеремия, нужд ради церковных. Это было уже второе пришествие Патриаршее в кроткое обладание Феодора.

Еще за два года прежде, Иоаким Антиохийский и всего Востока, посетил за милостынею землю Русскую, чрез пределы Астраханские и Казанские, и высоким саном своим внушил набожному Царю, услаждавшему душу благолепием обрядов церковных, желание возвеличить достоинство Митрополитов Всероссийских; ибо давно уже они превосходили могуществом и обширностью своей паствы Патриархов Вселенских, хотя и числились сами в области Цареградского. В то время Митрополитом был еще премудрый Дионисий Грамматик, и встреча его со Святителем Антиохийским едва ли не положила в душу Царя первой мысли об учреждении Патриаршества: ибо когда Патриарх, в соборе Успения Пречистыя Богоматери, приложась к святым иконам, шел приветствовать Дионисия, Митрополит сойдя с места своего, не более как на сажень, благословил его наперед, а потом уже Патриарх благословил Митрополита, и поговорил слегка, что приличнее было бы ему принять благословение прежде, да и перестал о том. – Благодетельный же Самодержец не перестал, но, помыслив со своею благоверною Христоролюбивою Царицею Ириною, советовался с боярами и говорил им:

«Изначала, от прародителей наших, Киевских и Владимирских и Московских Государей, Великих Князей и Царей благодетельных, поставлялися богомольцы наши Митрополиты Киевские, Владимирские, Московские и всея Руси от Патриархов Царьграда Вселенских: а потом, Всемогущего Бога милостью и Пречистыя Богородицы заступницы нашей, и

молитвами великих Чудотворцев всего Российского царствия, и по совету Патриархов Вселенских, начали поставляться особо Митрополиты в Московском государстве, по приговору и по избранию прародителей наших и всего освященного собора, Архиепископов и Епископов Российского царства, даже и до нашей державы. А ныне, по великой и неизреченной своей милости, велел нам Бог видеть к себе пришествие великого Патриарха Антиохийского: нам же воссылающим за сие славу Господу, испросить бы у Него еще милость, дабы явил свое милосердие и устроил в нашем государстве Московском Российского царствия Патриарха, и посоветовать бы о том со святейшим Иоакимом и с ним бы приказать, о благословении патриаршества Московского, ко всем Патриархам».

По воле Государя, шурин его, ближний боярин и конюший, Борис Феодорович Годунов, объявил царскую речь Патриарху Антиохийскому, чтобы о ней посоветовал со Вселенским, а Патриарх Царьграда с прочими, Александрийским и Иерусалимским, и со всем освященным собором Греческого царствия, да и во Святую гору и в Синайскую обослался, чтобы дал Бог такое великое дело в Российском государстве устроилось, ко благочестию веры Христианской, а помысля между собою, чтобы объявили они, как приличнее может оно состояться. Патриарх же Иоаким выслушав речь сию, говорил:

«Известно нам Патриархам и всему Христианству в Греческой земле и повсюду, что Государь ваш, благочестивый и Христолюбивый и милостивый к своему Христианскому народу, и нас в наших скорбях и угнетении, от богомерзких Агарян, призывает своею милостынею, и мы о том молим Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, и Пречистую Его Матерь и всех Святых, от века угодивших Богу, дабы даровал Господь Государю вашему все по желанию его сердца, и многолетнее здравие и на враги победу, и государство его устроил бы мирно. – А такому великому достоянию в его Российском царстве быть прилично, когда бы Бог устроил в нем Патриарха: только, не посоветовав с Цареградским и другими Патриархами и со всем освященным собором, учинить того невозможно, ибо то дело великое, всего собора: а слыша ныне такие речи от

благочестивого Царя, начнем вкупе о том советовать и во Святую и в Синайскую гору обошлемся, и усердно будем просить милости у Бога, чтобы всемогущею своею десницею сие совершил».

И Государь, наградив милостынею довольною Патриарха, отпустил с честью, а на следующий год приезжал в Москву Грек Николай с вестью, что Патриархи Цареградский и Антиохийский на словах ему приказывали о воле Государевой, как бы учинить на Руси Патриарха: что они, советовав между собою, послали за Александрийским и Иерусалимским и велели им быть в Царьграде, о том деле соборовать и с собора хотят прислать Святителя Иерусалимского, наказав ему как учинить Патриарха.

Пришествие же Святейшего Иеремии Вселенского таково было: – в июне 1588 года воевода Смоленский Князь Михаил Катырев Ростовский и боярин Князь Феодор Шестунов писали к Государю, что приехал к ним Константинопольский Патриарх, а с ним Митрополит Монеувасийский Иерофей и Елассонский Архиепископ Арсений, со многими старцами и людьми торговыми служивыми, которых остановили они до царского указа в Смоленске, и прислали грамоту патриаршую:

«Иеремия, Божией милостью, Архиепископ Константинополя, Нового Рима, и всея вселенная Патриарх, благоверному и Богоизбранному и тихомирному славному самодержцу, Царю всея земли Российския, Московскому, Казанскому, Астраханскому, Новгородскому и иных! Молим Бога, чтобы твое царствие многолетно было и мирно от всех врагов, видимых и невидимых, на похвалу и на радование всея земли, всему роду благоверному. Мы слышали о твоём царствии, ещё при жизни блаженной памяти отца твоего, и хотим и радеём придти в ваши страны, чтобы принять благодать от страны Христианской, слышали и о благоверии великого Царя отца твоего, что содержал благочестие ко всем храмам Божиим и дозировал дела царские благо, боголюбезно и достоин царствия небесного. – А меня тогда времена тяжкие не пустили; нашли на нас многие скорби и нужды и опалы, от неверного я был посажен в темницу, и все сие уже исповедано в державе твоей. Ныне же, Божией милостью, мы из опалы вышли и,

испросив себе волю, пришли из Царя града в область твоего царствия, даже до Смоленска, и пишем к тебе грамотою вскоре: произволишь ли нам быть к царствию твоему? – И здесь ожидаем ответа: нужно ли нам быть или не быть? Мы же, чтобы учинить пользу своей великой Церкви, изготовили все, что было по силе. О Боге пишем сие и ожидаем твоего царского указа; и Вседержитель Бог да сохранит твое царство многолетно и даст помощь и благословение. Аминь».

Царь Феодор Иоаннович, получив весть от воевод своих и грамоту святительскую, немедленно отправил в Смоленск, на встречу Патриарха, почетного пристава Семена Пушечникова, с указом к воеводам, чтобы отпустили с честью к Москве святейшего Иеремию и пришедших с ним, и дали бы им в дорогу почетный корм и подводы, и детей боярских из Смолян для провожания, а Епископу Сильвестру указал принять Патриарха в соборе Пресвятой Одигитрии Смоленской, с возможным благолепием, как бывает при встрече Митрополитов Всероссийских, и чтобы в церкви былолюдно и нарядно, и от себя велел послать также почетный корм к Патриарху и к Митрополиту и к Архиепископу. Но, изъявив благочестие свое, радушным приемом великого Святителя, не оставил прозорливый Самодержец принять и нужных мер предосторожности правительственной. В грамоте царской к воеводам Смоленским изъявлено неудовольствие за их оплошность, ибо узнали они о приходе патриаршем тогда только, когда пришел уже в их пристань, а от рубежа Литовского до семидесяти верст шел он, как бы чужою землею, нигде не встречая стражи, чего небывало прежде; да и не расспросили, каким обычаем проехал он чрез Литовскую землю, и с приговора ли всех Патриархов оставил Царьград? и о самой встрече не известили Государя. Расспрашивать же о том Патриарха более им не велено, но только впредь быть осторожнее и прислать на казенный двор опись всего товара и имущества, которое с ним и у людей его. И приставу дана от Государя память, как приветствовать Патриарха, и с возможною бережностью и почестью ему сопутствовать; на дороге же стараться вывести тайно от старцев его и людей, с чем идет к

Государю святейший Иеремия? и имеет ли какое слово к нему от прочих Патриархов? и кто на его месте стал в Царьграде? и где Феопитос, который прежде него был Патриархом? и кто из них двух по возвращении его будет патриаршествовать? И о том велено расспросить: послана ли куда рать Турского Султана? есть ли война с Кизилбашским Шахом, и в миру ли с Франским и с Испанским Королем и с Цесарем? А как шел Патриарх через Литовскую землю, видел ли Короля и кто там ныне, и был ли у Панов-Рады? и что ведает вестей Литовских и нет ли с ним Литовских людей? Обо всем подробно должен был он известить Государя, с пути от Можайска и еще с последнего стана под Москвою, где ждать разрешения о въезде.

После десятидневного шествия (июля 13) другой почетный пристав Григорий Нащокин встретил Патриарха у самой столицы, на перевозе Дорогомиловском чрез Москву реку, и, спросив о здоровье от лица Государева, равно Митрополита и Архиепископа, повел их лучшими местами, мимо дровяного двора, чрез слободы стрелецкие, подле города в Тверские ворота: с Тверской же улицы, житным двором мимо пушкарского двора на Рязанское подворье. Там велено устроить их с возможною почестью и до царского приема никого к ним не допускать из греков или прочих иноземцев, кроме посылаемых от бояр и властей духовных с кормами почетными: а всех людей Волошских и Литовских, с ними пришедших, отвести на Литовский гостиный двор; приставам же ведаться только с думою боярскою и ничего не предпринимать без посольского дьяка Андрея Щелкалова.

Спустя неделю (июля 21), в день воскресный, велел Государь Патриарху Цареградскому быть у себя на дворе; и Патриарх с торжеством въехал в Кремль, на осляти, и слез на рундук у собора Благовещения, а Митрополит и Архиепископ сошли с лошадей, не доезжая, в сопровождении своих приставов. Дети боярские и люди приказные, в золотом платье, стояли по ступеням высокого крыльца где ожидала первая встреча: – думный дворянин Татищев с дьяком дворцовым Тиуновым, и в проходной палате у средней лестницы, где второй раз встречали окольный Князь Петр Лобанов-

Ростовский и дьяк разрядный Сапун Иванов. – В красном углу золотой подписной палаты, на драгоценном престоле, сидел сам благоверный Государь, в венце и царской одежде, с богато изваянным скипетром в руках, имея подле себя золотую державу с изображением всей вселенной. При нем были все его бояре, и окольничие и дворяне, в золотом платье. Казначей Траханиотов явил ему пришествие патриаршее, возгласив громко: «Святейший Иеремия Патриарх Цареградский и Митрополит Монемиасский Иерофей тебе Государю ударили челом». Тогда Царь встал со своего места и за полсажени встретил Патриарха; Святитель же сперва воздал чествование святой иконе Владычицы небесной, которая сияла блеском драгоценных камней над самым престолом, из-под его богатой сени; потом же, подняв горе руки, вознес теплую молитву о здравии, многолетиц царском, о прославлении имени его на Востоке и Западе, о даровании ему благословенной отрасли, и осенил крестообразно преклоненную боговенчанную главу его.

В свою череду помолился Царь об исполнении над ним святительских обетований, и, возблагодарив его, молвил; «В час добрый святыня твоя посетила наше царство при моей державе; как миловал тебя Господь на пути?». Патриарх же отвечив: «Божией милостью и твоим Государевым жалованьем, дошел я до царствия твоего здорово, и все труды мои позабыл, когда увидел твои царские очи».

Тогда поднес Государю дары свои в благословение: панагию золотую с частями животворящего креста, ризы Господней и Богоматери внутри ее и с частью орудий Божественных страстей, копия, трости, губы, тернового венца; также и святые мощи в серебряном киоте: руку равноапостольного Царя Константина, которую взял из Сербской земли Султан Солиман и даровал некогда бывшему Патриарху Иеремии в соборный храм Богоматери, и руку Св. Иакова, одного из числа сорока мучеников Севастийских. Другая золотая панагия и мощи Святых Мучениц Соломонии и Марины Антиохийских, назначены были в благословение Христоролюбивой Царице Ирине.

Государь повелел принять священные дары сии казначею Траханиотову и, воссев на престол, указал Патриарху сесть на скамью подле себя с правой руки, поодаль же Митрополиту и Архиепископу, и казначей явил жалование царское: Патриарху двойной серебряный кубок и четыре портища разноцветного рытого бархата, камку и два сорока соболей и деньгами триста рублей; а Митрополиту отнесли на подворье кубок серебряный, три портища бархату, камки и объяри, сорок соболей и пятьдесят рублей деньгами; Элассонскому же Архиепископу не дано жалованья от Царя, ибо однажды он был уже в Москве и тогда дарована ему богатая милостыня от Царя Иоанна Васильевича; но с тех пор, проживая в земле Литовской, не возвращался он в свою церковную область.

Тогда посольский дьяк Андрей Щелкалов говорил от имени царского, что по собственному желанию Патриарха велено перемолвить с ним ближнему боярину и конюшему, шурина Государеву, наместнику Казанскому, и Астраханскому Борису Федоровичу Годунову, и что щедрый Государь посылает ему на подворье со стола своего трапезу. А святейший Иеремия, еще однажды благословив Царя, вышел со своими приставами и всеми спутниками в малую ответную палату, куда последовал за ним боярин Годунов с двумя дьяками. Там Щелкалов явил его Патриарху, и Борис Федорович, приняв благословение, спросил о здоровье святительском и внял ответу: «милостью Божией мы ехали здорово, но большее мое здоровье, то что видел светлые царские очи».

Оба сели, также и дьяки с разрешения патриаршего, Архiereев же и старцев его выслал боярин в другую проходную палату и говорил ему, что по воле Государя и собственному его желанию, изъявленному чрез приставов, послан он посоветовать с ним о некоторых делах, и просил известить о вине своего пришествия и о том кто в Царьграде Патриарх в его отсутствие? также о странствии своем чрез Литовскую землю и разговорах с Панами-Рады и Канцлером? – Патриарх отвечивал:

«Был я на патриаршестве в Царьграде, и по моим грехам и ради греха всего Христианства Греческого, возмутился Султан

Турский на Церковь Божию. Виною же всему Гречанин, бывший у меня под началом, который бежал и обусурманился и сделался капуджи у Султана; он начал наносить ему многие ложные слова на меня и возводить великие богатства и сокровища и обличать великое украшение в той церкви, где прежде меня жили Патриархи, говоря, что утвари сей нет цены и числа. К тому же стал и Феолитос подкупать Пашей, чтобы учинили его в Царьграде Патриархом, а он будет давать Султану сверх прежней дани, 2000 золотых. Я же, в старости моей, хотел уже оставить престол свой и избрать иного на мое место с согласия всех Патриархов, Митрополитов и всего освященного Собора, по прежнему обычаю. Но Турский Султан нарушил грамоты прародительские, кои даны были Патриархам при взятии Царьграда, чтобы в духовные чины ни в чем не вступаться, и велел быть Феолитосу, без нашего Собора, Патриархом. Когда же я стал о том много и жестоко говорить Пашам, чтобы не рушил грамот дедовских, Мурат Султан учинил волнение на Церковь Божию, и на меня опалу возложил, сослал на Белое море, на остров Родос, и там сидел я в опале четыре года. А в то время в Царьграде был Патриарх Феолитос: на пятый же год Султан его отставил и разграбил церковь Божию и все церковное строение, учинив в ней мечеть, а за мною прислал, чтобы мне опять быть в Патриархах. – Я приехал в Царьград, вижу, Божия церковь разорена и строят в ней мечеть, все достояние разграблено, кельи обвалились. Тогда стал присылать ко мне Султан, чтобы мне устроить патриаршескую церковь и кельи в ином месте в Царьграде; а мне строить нечем: что было казны, все расхищено, и я с приговором соборного бил челом Султану, чтобы мне позволил идти, ради милостыни на церковное строение, в Христианские государства, и он меня отпустил. – А я, слышав про такого благочестивого и Христолюбивого Государя вашего, сюда видеть его царские очи и православную веру и для ради милостыни, чтобы Государь пожаловал помог нам в наших скорбях и утеснении и ныне нет в Царьграде иного Патриарха.

Шел же я на Литву, и как пришел во Львов, посылал к канцлеру Яну Замойскому в городе Замостье, о пропускной

грамоте, и канцлер велел мне быть у себя, а в ту пору был у него лучший боярин Максимилиана Князя Австрийского, и говорил мне канцлер в разговоре: как на избрании были великие послы Государей, и паны Польские избрали себе за Короля Свейского Королевича Сигизмунда и короновали его; а ныне неизвестно, кто у них Король: Жегимонт в Кракове, а Паны Рады избрали себе другого Максимилиана Австрийского, и тот сидит в городе Красном Ставе, а по грехам их нет между ними согласия о Короле».

Патриарх еще говорил, что есть у него некоторые речи тайные, и боярин Годунов, выслушав их вкратце, обещал донести в слух Царю, и отпустил Патриарха с честью на подворье Рязанское; – благочестивый же Самодержец, помыслив со своею супругою, говорил с боярами.

«Прежде сего приходил к нам В. Государю, из Антиохии, святейший Иоаким Патриарх, и мы тогда с вами бояре советовали, чтобы нам Господь Бог свое милосердие даровал и устроил в государстве Московском Патриарха; а святейший Иоаким рекся о том посоветовать со всеми Патриархами. Ныне же, по великой и неизреченной милости Божией, пришел к нам сам пресвятейший Иеремия, Патриарх Цареградский и Вселенский, чего доселе при наших прародителях никогда не бывало, чтобы от такого великого и начального в вере Христианского места, из православного Царя града пришел Патриарх, и мы, прося у Бога милости, рассудили, чтобы Патриарху Цареградскому быть нашего государства в начальном городе Володимире». И велел Государь шурина своему посоветовать с Патриархом, возможно ли тому стать, чтобы ему быть в Российском царствии в первопрестольном Володимире.

А между тем во время царского совета протекли многие дни и недели, и святейший Иеремия начал уже просить об отпуске в Царьград, когда посетил его шурин Государев и, приняв благословение святительское, спрашивал о здоровье, от имени Царя и Царицы, и сказал ему тайную речь:

«Государь наш благоверный и Христолюбивый велел тебе святейшему Патриарху объявить свою царскую мысль.

Приказывал он с Антиохийским к тебе и другим Патриархам, чтобы все вкупе меж собою посоветовали, как бы устроить ко благочестию веры Христианской в Российском царстве Патриарха; и ныне сказывал ты, что по грехам Христианским, Султан Турский волнение на Церковь Божию учинил и на тебя гонение, и Патриаршество разграбил; Благочестивый же Самодержец молит святыню твою остаться в Российском царствии и патриаршествовать на престоле Владимирском и всея великой России, дабы таким обычаем правдиво именоваться тебе Вселенским, и обещает многое достояние тебе и твоим».

Патриарх же ответствовал: «Царю и Великому Князю и его благоверной Царице многое благодарение за их великое ко мне жалованье. Извещал смирение наше брат наш Антиохийский, о благочестивом желании Самодержца, и мы соборно приговорили, что прилично во главу Российского царствия учредить патриаршество, и сам я того не отめщуся: только мне во Владимире стать невозможно, ибо Патриарх всегда бывает при Царе, а что за патриаршество, когда жить вдали от своего Государя. Да и ко мне слезно пишут Епископы и пресвитеры и вся братия Константинопольской Церкви, чтобы к ним возвратиться. Время идти мне опять к той Церкви, которую как мать восприял, дабы хранить ее недугующую и стареющую, и поддержать многих из чад, ее покидающих без всякого утешения, не рассуждая, что от нее восприяли они все свои блага».

Великий Государь, взяв отзыв патриарший, огорчился и много раз посылал к нему шурина своего совещаться о том же и не произволил святейший Иеремия; тогда созвал Царь свою думу и говорил ей: «Помыслили мы Вселенскому Патриарху Иеремии быть у нас на престоле Владимирском и всей Великой России, а в царствующем граде Москве быть по прежнему отцу нашему и богомольцу Ионе Митрополиту: и святейший Иеремия сего не хочет, если мы не произволим ему быть на Москве у Пречистыя Богородицы: мы же рассудили, как нам такого сопрестольника великих чудотворцев Петра, Алексия, Ионы, мужа жития достохвального, святого и преподобного, от

Пречистыя Богородицы и великих чудотворцев изгнать и учинить Греческого Патриарха? А он здешнего обычая и закона не знает, и нам с ним ни о каких духовных делах без толмача беседовать нельзя. И ныне еще бы нам посоветовать, чтобы Вселенский Иеремия благословил и поставил на патриаршество Владимирское мужа Российского собора, отца нашего Митрополита Иова, по тому же чину, как поставляет Патриархов Александрийского и Иерусалимского, и чин поставления у него бы взять, чтобы впредь Патриархи поставлялись в Российском царстве от своего собора, а для того учинить бы вновь Митрополитов и прибавить Архиепископов и Епископов, в которых городах приличнее».

Боярин Борис Феодорович, вместе с дьяком Андреем Щелкаловым (13 января), ездили опять на подворье к Вселенскому Патриарху и сказывали ему царское слово: «что если святейший Иеремия сам уже не хочет быть на патриаршестве Владимирском и всея России, то хотя бы поставил, вместо себя, из Российского собора, кого Господь Бог и Пречистая Богородица и великие Чудотворцы Московские изберут: ибо изначала благочестивые прародители наши царские прияли крещение в Христианскую веру, а преосвященные Митрополиты Киевские поставление свое от Патриархов Константинопольской Церкви, и веру сию содержать твердо. Ты же пресвятейший Иеремия, по благодати Св. Духа, тоже Апостольского престола преемник, дело сие соверши». И Патриарх, много о том советовав с боярином, оказал: «поистине в благочестивом Царе Дух Святой пребывает, от Бога внушена ему мысль сия и право его начинание: поскольку ветхий Рим пал от ереси Аполлинариевой, второй же Рим, Константинополь, обладаем от безбожных Турок внуками Агарянскими; великое же Российское царство благочестием всех превзошло, собравшись воедино, и один Христианский Царь под небесами, ваш благоверный Государь именуется во вселенной, то промыслом Божиим и Пречистыя Богородицы молитвами, и ходатайством великих Чудотворцев Петра, Алексия, Ионы, и с совета царского, сие великое дело да исполнится!» Тогда благословил избрать по воле Государевой, и

чтобы впредь поставлялись Патриархи в Российском государстве, от своих Митрополитов по чину церковному; себе же просил отпуска в Царьград.

В лето 1589-е (января в 19 день) собрался в царствующем граде Москве великий духовный Собор всего Российского царства: преосвященный Иов Митрополит всея Руси, Александр Архиепископ В. Новагорода и Пскова, Иеремия Арх. Казанский и Свияжский, Варлаам Ростовский и Ярославский, Епископ Иов Суздальский и Торусский, Еп. Митрофан Рязанский и Муромский, Еп. Сильвестр Смоленский и Брянский, Еп. Захария Тверский и Кашинский, Еп. Иосиф Коломенский и Каширский, Еп. Геласий Сарский и Подонский и многие Архимандриты, Игумены и старцы соборные, и великий Государь, изложив пред ними о совещании своем с обоими Патриархами и о согласии святейшего Иеремии на поставление Патриарха в Московском государстве, указал им советовать между собою, как бы даровал Бог столь великому и славному делу устроиться в Российском царствии; и весь освященный Собор положился во всем на волю его Государеву. Царь же повелел дьяку посольскому Андрею Щелкалову, мужу опытному, искусному и уже в годах преклонных, расспросить св. Иеремию, как бывает у них поставление патриаршее, и Патриарх сказывал ему, что по тому же чину как и Митрополитов, и дал ему вкратце письменный чин избрания и наречения, по примеру великой Константинопольской Церкви, такого содержания:

«Кого Царь произволит в Патриарха, тому пошлет в келлию двух человек известить, что Царь и Патриарх хотят нарицать его, и делают втайне; а как собором отпоют вечерню, после молебна возьмет избранный свечу в руки и свиток, в коем писано благодарение Царю, Патриарху и всему Собору, к нему придет в церковь Царев ближний человек и станет со свечою против него, говоря: «святой Царь и святейший Иеремия Патриарх и весь освященный Собор велели тебе говорить: призывают тебя воссесть на престол Владимирский и Московский всея Руси». А нареченный держит тому Цареву ближнему ответ: «Коли меня грешного избрал Самодержец и Вселенский Господин Иеремия со всем освященным Собором в

такой великий чин, я о том их благодарю и на себя тот чин принимаю», да после того избранный всему Собору и народу говорит помолиться, чтобы ему соблюсти сие стадо Господне».

Но благоверный Царь Феодор Иоаннович велел еще выписать из книг уложенную грамоту блаженной памяти отца своего, на поставление Митрополита Дионисия Грамматика, и, сличив с патриаршим чином, составил свой приговор об избрании и наречении, на который, однако, послал предварительно испросить взаимное согласие св. Иеремии, от лица всего Собора, чрез Архиепископа Ростовского Варлаама и Смоленского Епископа Сильвестра, со многими Архимандритами и Игуменами.

В предназначенный день, четверток (23 января), сошелся весь освященный Собор: Архиепископы, Епископы, Архимандриты, Игумены в Апостольскую церковь Пречистой Богоматери и пели молебны великим Чудотворцам. Двое же из числа Епископов, Иов Суздальский и Митрофан Рязанский, со многими канонархами и старцами, посланы опять к святейшему Иеремии пригласить его на Собор Российской земли, и подвигся Патриарх на их моление, шествовал со звоном, Китай-городом и Кремлем, ко храму, где ожидали его три встречи: не доходя еще, Епископ Крутицкий Геласий в мантии и с ним двенадцать Архимандритов и Игуменов в полных великолепных облачениях, и на крыльце три Епископа, Смоленский, Тверский, Коломенский, с пятью другими великими начальниками обителей, и в самых дверях три Архиепископа, Новгорода, Казани и Ростова, с Архимандритом Троицкой лавры и соборными старцами. Святейший же Иеремия вошел в церковь, знаменался у святых икон и благословив великий Собор Святителей, тайно совещался с ними о избрании; потом стал на свое патриаршее место, Святители же все поднялись во главу собора, для избрания Главы Церковной, в приделе Похвалы Богородицы, что над ризницею в куполе.

Там, с молитвою воссев, совещались и написали избрание, с твердым словом и скрепою рук своих: «Изволением Господа Бога Вседержителя, безначального Отца и собезначального едиnorodного Его Сына, Господа нашего Иисуса Христа, и

Всесвятого животворящего Духа, и молитвами Пречистыя Богородицы и приснодевы Марии и святых великих Чудотворцев преосвященных Митрополитов Киевских и всея Руси, Петра, Алексия, Ионы, и повелением Боговенчанного Царя, Государя и В. Князя Феодора Иоанновича всея Руси Самодержца, и по благословению Иеремии Патриарха Вселенского, Греческий Митрополит Монеувасийский Иерофей, Архиепископ Тихон Казанский и Свияжский и проч., во всечестном храме Пречистыя Богородицы, в приделе Похвалы, в Богохранимом граде Москве, у целебных гробов великих Чудотворцев, воссели и избрали во святейшую и великую Русскую Митрополию Богоспасаемого града Москвы, к соборной и Апостольской церкви Пречистыя Богородицы, честного и славного ее Успения и Св. великих Чудотворцев Петра, Алексия, Ионы, в Патриарха: Иова Митрополита всея Руси, Александра Архиепископа великого Новгорода и Пскова, Варлаама Архиепископа Ростовского и Ярославского».

Тогда же избрали соборно трех на митрополию великого Новагорода: Архиепископа Александра с двумя старшими Архимандритами – Троицкой лавры Киприаном и Рождественского монастыря, что во Владимире, Ионою; а на Ростовскую митрополию также трех: Архиепископа Варлаама, и Архимандритов от Нового Спаса Сергия и с Чудова Феодосия.

Совершив избрание, Святители спустились из купола соборного к Патриарху, и пошли вместе с ним в палаты царские: благочестивый же Государь, встретив святейшего Иеремию в дверях золотой палаты, приял благословение и спрашивал о здравии: потом, воссев на свое царское место, указал близ себя сесть Патриарху и поодаль всему Собору. Посольский дьяк прочел вслух имена избранных в Патриарха, и на имени Иова остановился Царь, и послал трех Архиереев и боярина своего звать его к себе в палаты. Сам же возрадовался духом и, восстав, воздал хвалу Богу, пославшему ему Святителя Вселенского для исполнения желаний его сердца, и обратясь к Патриарху, благодарил за посещение Московского государства; умиленно отвечивал Патриарх: «Всепромысляющий Бог да

исполнит всегда благочестивые желания Царя и даст благословение всему, что по его кроткому сердцу».

В дверях палаты встретил опять Государь со всем Собором Митрополита Иова, и ему не велено было оставлять посоха своего, при целовании Патриарха, как равного ему отныне, если сам св. Иеремия не отдаст посоха, и Государь объявил ему речью его избрание, Вселенский же Патриарх благословил. Тогда же возгласил дьяк посольский и имена избранных в Митрополиты Новагороду и Ростову, и на прежде бывших Архиепископах остановился выбор царский.

Государь проводил до сеней обоих Патриархов; оба они взошли в соборную церковь, но там не совершился чин, предложенный Иеремиею, и не читал Иов благодарения ему и Собору о своем избрании; а только сотворили Патриархи меж собою о Христе целование и разошлись в разные двери соборные, в сопровождении Архиереев.

Такое же приглашение и такие же встречи ожидали святейшего Иеремию в следующий воскресный день (26 января), предназначенный для поставления Патриарха Московского. Три стула, покрытые парчою для Царя и черным бархатом для Патриархов, поставлены были на возвышенном амвоне среди собора, и от них, по двенадцати ступеням амвона до самого алтаря, простирались три испещренные коврами пути для шествия царского и патриаршего; скамьи стояли по сторонам для Архиереев, а пред амвоном написан был на церковном помосте орел единоголовый, имея крылья простерты и право стоящий на ногах; а под ногами его град с забрами и столпами: орел же крепко наступил на столпы, а вокруг него, стали двенадцать стрегущих, чтобы никто не наступил, кроме нареченного. И нареченный Иов твердо исповедал на орле пред лицом всего сидящего окрест Собора, и пред лицом Царя и Патриарха, воссевших на высоком амвоне в полных своих облачениях, как пред Богом и избранными его Ангелами, правую и непорочную веру Христианскую, и символ веры, и уставы вселенских семи Соборов и поместных, и Св. Отец каноны, и взойдя на амвон, принял осенение патриаршее, и целование

Епископов, и поклонясь Царю, удалился опять в верхний придел Похвалы Богоматери, до времени поставления.

Когда же наступило время, и Патриарх Вселенский, со всем Собором, взошел уже на малом входе в алтарь, и пели Трисвятую песнь, тогда протоиерей и архидиакон соборные привели нареченного Иова пред царские двери и два Митрополита ввели в алтарь, а Патриарх Вселенский, возложив на него руки и разгнув над главою евангелие, призывал Божественную благодать на нового Патриарха, и повторил над ним весь чин посвящения архиерейского, как нуждающемся в сугубой благодати для высокого своего звания. – Потом взял его с собою по обычаю на горнее место для слушания Апостола и Евангелия, и оба совершили вкупе Божественную литургию; святейший Иеремия поминал Патриархов Вселенских, а его самого – Иов Московский; лампада же и посох пред царскими дверьми во всю службу были Цареградского Патриарха.

По совершении литургии соборно возвели новопоставленного Патриарха, на высокий амвон среди храма, и трижды посадили на приготовленный ему стул с тройным многолетием. Патриарх Вселенский вручил ему священный посох Петра Митрополита Чудотворца, а благочестивый Царь от своего лица возложил на него панагию златую с драгоценными камнями и пышную шелковую мантию с источниками Веницейского шелка, унизанную жемчугом, и белый клобук, весь осыпанный перлами и алмазами, со стоящим наверху знаменiem Господа нашего, из драгоценнейших яхонтов, с надписью: дар Царя Патриарху Иову, и другой изваянный посох еще вручил ему, говоря:

«Всемогущая и животворящая Троица, дарующая нам содержание Российского царства, подает тебе сей святой и великий престол великого чудотворца Петра и патриаршество Московское всея России, рукоположением и освящением пресвятейшего Вселенского Патриарха Иеремии и святых отец Архиепископов и Епископов нашего самодержавного Российского царства; и жезл пастырский, отче, восприими и на седалище старейшинства взыди на престол великого чудотворца Петра, во имя Господа Иисуса Христа и Пречистыя

его Матери, и моли Бога и Пречистую Его Матерь, и великих чудотворцев Петра, Алексия, Иону и всех Святых, о нас и о нашей благоверной Царице; и о всем православии, что нам на пользу и всему православному Христианству душевно и телесно, и да даст тебе Господь здравие и долголетие во веки веков аминь».

На дворе, бывшем митрополичьем, а с той поры уже патриаршем, ожидали оба Первосвятителя приглашением к столу царскому, и по зову окольничего вступили всем собором в золотую подписную палату. Пришельцы Греческие изумились великолепию трапезы, уставленной златыми и серебряными сосудами, фиалами многообразными и чашами мальвазии и Кипрских вин; различные изваяния зверей из драгоценного металла нагружали трапезу: львы и единороги, медведи и волки, олени и зайцы и дикие звери, соединились вкупе, как бы в некоем потешном зверинце, также и разнородные птицы, павлины с цветными крилами и хвостами, пеликаны, орлы и дивные строфокамилы утешали зрение, и не было числа, и весу, и цены сосудам: такую красотою сияла трапеза царская.

За великим столом с Государем сели оба Патриарха; Митрополиты же и прочие Святители и Архимандриты за иной стол с боярами и послами Иверской земли, в то время бывшими на Москве, каждый по чину своему. Стольники разносили всем милостивые подачи яств, со словом царским от его трапезы; с третьих яств поднялся из-за стола святейший Иов Патриарх Московский, по чину церковному, и поехал на осляти вокруг старого Кремля и Китая, благословлять град и народ, а вел под ним осля окольничий Князь Петр Ростовский; впереди шли певчие дьяки, воспевая стихиры, и патриаршие бояре, и четыре огненника с пальмами, и возвратясь опять к Государеву двору, сел за стол по прежнему; на другой же день объехал и остальной Царев Каменный город, а тогда вел под ним коня боярин и конюший, Борис Федорович Годунов.

Когда окончилась трапеза царская, и по обычаю возвысили чин панагии, благочестивый Государь стал посреди палаты и давал каждому вкушать сыту из чаши с многолетием; казначей же его Трахониатов явил новое его жалованье: обоим

Патриархам дары равные, подобные первым, какие жалованы были вначале святейшему Иеремии, также Митрополиту его, и Архиепископу, на сей раз с прочими вместе, и всем старцам Греческим и Сербским, пришедшим с ними. Уже в темную ночь отпущены были на свое подворье Патриархи, Вселенский в сопровождении стрельцов, несших возженные факелы; а на ранней заре они же отнесли торжественно к Патриарху царские дары, явленные ему накануне.

На другой день три Епископа пришли, от имени Патриарха Московского, звать к нему на братскую трапезу Святейшего Иеремию, и, спросив о здравии его, поднялся великий Святитель вслед за Епископами, сказав: да исполнится воля брата моего Иова. Торжественная встреча Архиереев, пресвитеров и диаконов, в одеждах пышных, со свечами и кадильницами и пением стихир, ожидала на крыльце патриаршем Вселенского Владыку: в дверях же крестовой палаты приветствовал его сам Патриарх Московский, и оба, помолясь честным иконам и, прочитав достойное в честь Богородицы, целовались братски в уста по чину патриаршему и сели вместе в ожидании трапезы. Прежде же стола окольничий пригласил от имени Царя обоих Патриархов в палаты царские и Государь, встретив их по прежнему, сел на своем месте в одежде царской и Патриархам указал также сесть на своих местах. Бояре его вокруг были все в золотых платьях, и казначей являл Царю поминки от Патриарха Иова всея России, образ Пречистыя Богородицы, чеканенный, обложенный золотом, с яхонтами, и пелена атласная, сажена жемчугом, и кубок двойной серебряный, бархат и камни и сорок соболей и десять угорских червонных и такие же дары Царице. Тогда взошел окольничий от благоверной Царицы Ирины и, став посреди палаты, с низким поклоном пригласил обоих Патриархов и весь Собор в ее покои; все поднялись.

Сперва шел Государь, за ним оба Патриарха, потом Епископы и Архимандриты по чину и весь царский синклит; они вступили в Сенную палату, где собраны были жены бояр Московских, служащие Царице, все в одеждах белых снеговидных, украшенных инде золотом, инде багрянцем,

унизанных жемчугом и камнями драгоценными. Открылись золотые двери средней палаты Царицы, и от имени ее другой боярин пригласил Патриархов взойти со всем Собором. За ними последовал только один Боярин Годунов, и опять затворились двери. Чистейшим золотом сияла вся сферообразная храмина и, по хитрому устройению художника, звонко отзывались в ней тихие слова. Стены украшены были драгоценною мусиею, с изображением деяний Святых и ликов Ангельских, Мучеников, Иерархов, а над великолепным престолом ярко горела камнями драгими большая икона Пречистой Девы с Предвечным Младенцем на руках, и вокруг ее лики Св. угодников, увенчаны золотыми венцами, по коим рассыпаны жемчуг и яхонт и сапфир. Хитротканными коврами устлан помост с живым изображением соколиной ловли, и другие изваяния птиц и зверей из драгого металла сияли вокруг всей храмины; а на середине свода искусно изваянный лев, держал в пасти своей кольцом свитого змея, с которого опускались золотые лампы.

Одежда самой Царицы превосходила пышностью все, что ее окружало: монисты, поручи, ожерелье ее были тяжелого ровного жемчуга: темными изумрудами и светлыми алмазами застегивалась опушенная соболями одежда, и всеми разнородными камнями горел бесценный венец ее, возвышавшийся двенадцатью зубцами наподобие города, в память двенадцати Апостолов, и крупными каплями висели с него алмазы на светлое чело Царицы; но ангельская красота сего чела затмевала весь блеск царственных украшений. Тихо поднялась Царица со своего престола, при виде Патриархов, и встретила их посреди палаты, смиренно прося благословения. Вселенский же Святитель, осеняя ее молитвенно большим крестом, воззвал: «Радуйся благоверная и боголюбезная в Царицах Ирина, Востока и Запада и всея Руси, украшение Северных стран и утверждение веры православной!» Тогда Патриарх Московский и за ним все Митрополиты, Архиепископы, Епископы каждый в свою очередь, благословили Христоролюбивую Царицу с желанием ей всякого блага душевного и телесного.

Она же кроткими устами произнесла приветственную речь: «Великий Господин Святейший Иеремия Цареградский и Вселенский, старейший между Патриархами, многое благодарение приношу святыне твоей за подвиг, какой подъял на пути странствия в нашу державу, дабы и нам даровать утешение видеть священную главу твою, уважаемую паче всех в Христианстве православном, от коей и мы восприяли благодать ныне, и за сие воздаем хвалу Всемогущему Богу и Пресвятой его Матери и всем Святым, молитвами коих сподобились такой неизреченной радости. Воистину ничто не могло быть честнее и достохвальнее пришествия твоего, которое принесло столь великое украшение Церкви Российской, ибо отныне возвеличением достоинства ее Митрополитов в сан Патриарший, умножилась слава всего царства по вселенной. Сего искони усердно желали прародители наши, Христолюбивые Государи, Великие Князья и Цари, и не сподобились видеть исполнения своих благочестивых желаний, и ныне, на сей их вожделенный конец, чрез многие подвиги дальнего странствия, привел во дни нашей державы твою святыню всемогущий Бог».

Тогда, отступив несколько, стала около своего царского места, имея по правую руку благочестивого Царя, по левую же брата своего боярина, с непокровенною главою, а поодаль ее стояли чинно избранным жены княжеские, в одежде белой, сложив крестообразно руки и потупив глаза в землю; по манию царскому все они, одна за другою, благоговейно подходили к благословению святейших Патриархов. Благоверная же Ирина, прияв из рук старшей боярыни драгоценный златой потир, усыпанный шестью тысячами жемчужных зерен, кроме иных камней, сама вручила его Патриарху, и, воссев, указала сесть.

Боярин же Дмитрий Иванович Годунов, выступив на средину, явил обоим Патриархам другие дары Царицы: каждому по серебряному кубку и бархату черному, по две камки, две объяри и два атласа, и сорок соболей, и по сто рублей денег, являя же говорил Вселенскому:

«Великий Господин, святейший Иеремия Цареградский и Вселенский, сие тебе милостивое жалование царское, да

молишь усердно Господа за великую Государыню Царицу и Великую Княгиню Ирину и за многолетие великого Государя и о их чадородии». Патриарх же восстав, говорил:

«Господь Всемогуший, разделивший Чермное море и проводший сквозь него посуху Израиль, от мала до велика, и изсекший им во утоление жажды воду из камня, на пути в обетованную землю, и пославший Архангела своего благовестить тайну воплощения Пречистой Деве благодатной, сосуду небесной манны, горе святой, неопалимой купине, в которую вселился Христос, чтобы искупить от смерти всеродного Адама, сам подвигшись на молитвенные подвиги наши, да дарует тебе благословенный плод чрева с излиятием своей благодати».

Таким же обычаем боярин продолжал, возглашая титул и прося молитв, являть дары святейшему Иову, Архиепископу царствующего града Москвы и всех северных стран Патриарху, и преосвященному Митрополиту Иерофею именитого града Монемавасии, что в Пелопонисе, и смиренному Архиепископу Елассонскому, что из славной земли Греческой, где мудрецов слава и витий украшение, у подошвы Олимпа западного, а не восточного.

Когда же по порядку явлены были всем дары царские и взаимно дары патриаршие, тогда вздохнув из глубины сердца, благоверная Царица, с горькими слезами пролила скорбные речи свои пред всем освященным Собором: «О великий Господин, святейший Иеремия Вселенский отец отцов, и ты, святейший Иов Патриарх Московский и всея Руси, и вы все, преосвященные Митрополиты, Архиепископы и весь освященный Собор, Бога Всемогущего блаженные служители, сподобившиеся большей милости и благодати у Господа, и его Пречистой Матери и всех Святых от века угодивших Богу, и к ним непрестанно воссылающие молитвы, – молю вас и заклинаю, из глубины души моей и со стенанием сокрушенного сердца, всеми силами усердно молите Господа, за великого Государя и за меня, меньшую из дочерей ваших, дабы благоприятно внял молитву вашу и даровал нам чадородие и

благословенного наследника сего великого царства, Владимирского и Московского и всея России».

И все преклонились на жалость, вняв горькую речь Царицы, сам Государь и оба Патриарха и весь Собор и Синклит, и жены боярские: плачем их исполнилась вся храмина и из всех очей потекли жалостные слезы; Патриархи же со всем Собором единодушно возгласили: «Бог над всеми сущий, и его небесная Мать, и великий Предтеча, и все Святые, да призрят слезы твои, благотворная Царица, и наши о тебе стенания, и да исполнят желания твоего сердца. Творец всяческих, на все призирающий милостивым оком, исполнивший всеми благами земными сие великое царство, да дарует ему и наследника свыше всех сих благ!»

Тогда поднялся Собор весь из палат царских, Государь же и его благоверная Царица проводили до златой двери обоих Патриархов, прияв от них еще однажды благословение. Первосвятители возвратились на двор патриарший, где после обычной трапезы, Святитель Иов являл богатые дары свои Вселенскому брату и пришедшим с ним, святые иконы, кубки, бархат, камни и соболей, и с честью отпустил на их подворье, а на следующее утро принесены к ним дары Царицы и Патриарха.

Спустя несколько дней после своего посвящения (30 января), новый Патриарх, по благословию Вселенского, сам поставлял в Митрополиты сперва Архиепископа великого Новгорода Александра, а потом Архиепископа Ростовского Варлаама, и каждый из них на другой день своего поставления приходил к святейшему Иову с узаконенными поминками: багряным бархатом, камкою, сороком соболей, позлащенным кубком и 15 рублями денег. Пред началом великого поста Патриарх Вселенский, с разрешения Государева, ездил на поклонение в Троицкую Лавру, где почетному приставу велено было повестить архимандрита Киприана и келаря Евстафия и всех старцев соборных, чтобы приняли его чинно, как встречали самих Митрополитов всея Руси и отпустили бы дары Патриарху: образ Спасов или Пречистыя с пеленою, чеканный, который чуднее из старых, и образ Сергиева видения, обложен серебром, с венцом златым, чеканной работы, кубок и чару

серебряные, бархат, атлас, камку и обьяр, сорок соболей и сто рублей деньгами, три полотенца Троицкого изделия, братину, судки деревянные расписные для блюд, ковши и кувшины; равно и всем пришедшим с Патриархом даровали поминки Троицкой лавры, где провели они посреди братского угощения пять дней.

В неделю сырную навестил боярин Годунов Патриарха, и святейший Иеремия стал опять просить себе отпуска в Царьград, но боярин, именем царским, молил его остаться до Пасхи, ради трудного пути, и светла была в Москве неделя Пасхи сего лета, присутствием обоих Патриархов, старого Вселенского и нового Московского. Прежде же отшествия святейшего Иеремии, в Мае месяце, по воле Государя и соборному приговору, умножено было число Митрополитов, Архиепископов и Епископов, и в Митрополиты царств Казанского и Астраханского поставлен был, из Архимандритов Казанских, Преображенского монастыря Гермоген, будущий Патриарх, на место бывшего Архиепископа Тихона: Геласий же Крутицкий повышен в Митрополиты Сарские и Подонские, в качестве наместника области патриаршей. Сверх четырех митрополий, шесть новых архиепископств переименованы из прежних епископий: Вологодское, Суздальское, Низовское, Смоленское, Рязанское и Тверское, и к бывшим Епископствам, Коломенскому и Черниговскому, прибавлены еще шесть в Пскове, во Ржеве Володимировом, на Устюге, на Белоозере, и в Дмитрове. – Прозорливый Государь, для большей твердости на будущие времена, написал на пергамене все сие учреждение Митрополитов, Архиепископов и Епископов, а равно пришествие святейшего Иеремии, избрание и посвящение им Иова в Патриархи и согласие на поставление впредь Патриархов Всероссийских от своего Собора, с извещением только Вселенского. – Он укрепил грамоту сию своею государственною печатью и двумя патриаршими красного воску и семью черным прочим Архиереям, с их собственноручною подписью и за руками всего Собора, в коем, кроме святителей Греческих и Русских, участвовала большая часть Архимандритов и Игуменов обителей Русских и Архимандриты

Цареградские, от гроба Господня и от святых гор Синая и Афона.

Настала весна и время отшествия патриаршего: святейший Иеремия в последний раз приглашен был в палаты царские, еще с большим торжеством; ибо все палаты наполнены были детьми боярскими и приказными, дворянами и боярами, которые желали еще однажды приять благословение вселенского Владыки. В златых дверях подписной палаты встретил Патриарха сам Государь и, прияв благословение, взял за руку и возвел с собою на высокое седалище, прочие же все стояли в глубокой тишине и благоговении. Тогда принесли пред Царя, на златом блюде, драгоценную митру, всю осыпанную жемчугом и камнями, с деисусом на челе и распятием на вершине, и с ликами многих мучеников, иерархов (а между ними были Ангелы царские: Феодор Стратилат и мученица Ирина), и с жемчужною подписью: от Царя Патриарху.

Благочестивый Государь, восстав, принял митру и своеручно подал ее Патриарху, сказав: «прими, святейший Владыко, да навеки сохранится в патриархии твоей память моя и блаженных моих родителей». – Патриарх же, подъав к небу взоры, воззвал к Богу всемогущему о многолетии и чадородии благоверного Царя и его Царицы, вверяя их молитвам Архангелов, Пророков, Апостолов, Иерархов мучеников и всех святых!»

Тогда явлены были ему и всем пришедшим с ним другие дары, от Государя и его супруги, сходные с теми, какие жалованы при начале, с прибавлением пяти коней и шатра для пути, и никто из архимандритов, игуменов, диаконов, родственников и служителей патриарших, числом до тридцати, не был обойден щедрою милостью царскою: не только два его племянника, но и дядя сих племянников, причтен был к родству и награжден особо. Архиепископ же Элассонский смиренно молил Царя остаться в пределах, с чаянием его милости, и обнадежен обещанием области церковной. По кратком сидении и молитве, Государь проводил Патриарха до позлащенной двери своей палаты: там простились они навсегда, ибо уже не

суждено было святителю видеть более царских очей и в последний раз благословил он Государя.

Но заботы царские о священной особе своего гостя простирались и на все время его странствия в пределах государства и далее за рубеж. Двум прежним приставам велено сопровождать Патриарха Цареградского, с тридцатью детьми боярскими до Смоленска, и возможная бережность предписана им на пути, чтобы не иначе избирали станы свои и ночлеги, как по большим селам или ямских слободам, и чтобы, отсылая пасти лошадей в соседнее поле, отряжали людей для их безопасной пастбы. В Можайске, Вязьме и Дорогобуже отпускаемы были почетный корм и мед, от города до города, а воеводам Смоленским указано от Государя собрать из погребов царских и монастырских до 80 ведер разного меда и, вместе с запасом съестным, отправить на подводах до Орши, но прежде явить их на рубеже Патриарху, как последнее жалование царское в путь дальний, и написать о пропуске грамоту к державцу Оршанскому; а сыну боярскому, который повезет ее, велеть провести вестей Литовских в Орше и прибыть с ними в Москву. Когда же Патриарх проехал за Смоленск, иной посланец Роман Тушин отправлен был от Государя нагнать его даже за рубежом Литовским, чтобы вручить от его имени 1000 рублей денег на сооружение новой патриархии в Царьграде; а деньги сии велено воеводам наскоро собрать в Смоленске, где случится, и вручить Тушину во время его проезда. Он же принес к святейшему Иеремии и грамоты от Государя и боярина Годунова, и еще царскую дружелюбную грамоту к Султану для покровительства Церкви Константинопольской, такого содержания:

«Бог наш, Троица, иже прежде век сый, Отец и Сын и Св. Дух, ныне и присно и во веки веков, аминь; о нем же живем и движемся и есмы, им же Цари царствуют и сильные пишут правду!

Вседержителя Бога милостью Царь и В. Князь Феодор Иванович всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Казанский, Астраханский, Псковский, Смоленский, Тверский, Рязанский, Полоцкий, Пермский, Вятский, Болгарский и иных

многих земель Государь, и всея полунощныя Сибирския земли обладатель, и государь земли Немецкия.

Гамаюна подражателю, Мурат-Салтану, Государю Константинопольскому, Беломорскому, Черноморскому, Анатолийскому, Караманскому, Румскому и иных, брату и доброму приятелю нашему.

Приезжал к нам из твоей, брата нашего, области, Иеремия Патриарх Константинопольский, для милостыни и бил нам челом, чтобы нам к тебе брату нашему о нем отписать о всяком бережении, и мы, по твоей, брату нашему, к нам любви, о нем к тебе пишем в своей грамоте, чтобы ты брат наш Мурат Салтан Патриарха Иеремию держал в свой области и велел беречь своим Пашам, по тому же как ваши прежние прародители их держали в бережении по старине во всем; и ты бы не учинил для нас: а буде о некоторых своих делах к нам прикажешь, и мы против того к тебе, брату нашему, любовь братскую держать хотим. Писана во дворе государства нашего, града Москвы, лета от создания мира 6097, Мая месяца индикта 11, государства нашего шестое, а царств наших Российского 43, Казанского 37, Астраханского 35».

Боярин же Борис Феодорович вместе с грамотою Государевою сам так писал от себя к Патриарху:

«Пресвятейшему Иеремии, Божией милостью Архиепископу Константинополя, нового Рима, Вселенскому Патриарху, пастырю и учителю православных велений, истинному поборнику на Божии враги, крепко и благочестно поборяющему, Государю моему о Боге отцу и наставнику и учителю ко спасенному пути, Борись Годунов челом бьет.

Благодаря по премногу Вседержителя Бога, похваляя подвиги и тщание твое во всем о благочестии и премногие твои ко мне добродетели, и впредь молю твое святительство, да не забвен буду во святых твоих молитвах к Богу, да быть может милосердый Бог, ради святых молитв, сотворит надо мною по своей милости, как знает его святая воля. А нас бы твое святительство о своем спасении, как придешь на свой превеликий престол патриаршества царствующего града

Константинополя, нового Рима, без вести не держал, чтобы нам всегда про то слышав радоваться радостью духовною.

А что ты со мною говорил, чтобы доложить благочестивейшему Государю, отписать о тебе Мурат Салтану, и я твое челобитье доложил и грамота написана и список с нее к тебе послан. Государь же наш писал к Салтану коротко и про церковное разоренье не поминал, чтобы ему на тебя гневу ни в чем не было. Да поминал я Государю своему благочестивому и Христолюбивой Царице, что начали ныне в царствующем граде церковь строить, и послали они за свое здравие к тебе на сооружение церкви 1000 рублей. И ты бы Государь святейший Патриарх молил Всесильного Бога и Пречистую Богородицу о Царском и Царицыном здравии и об их чадородии.

А как будешь в Литве, проведаль бы ты Государь, про Максимилиана Цесарева брата, где ныне и каким обычаем живет в Польской земле, или отпущен с каким договором? Также бы и то проведаль, укрепился ли Свейский Королевич на короне Польской и на В. Княжестве Литовском, и на каковой мере? И что его впредь замышление с Государем нашим? А проведаль о том всем подлинно, прислал бы письмо с кем возможно тайно, закрыв свое святительское имя и мое ни в чем ни объявив, как даст Бог будешь в царствующем граде, и ты бы нам отписал, каков приезд твой и что вестей в Царьграде? и как ныне держит Мурат Салтан? и нет ли розни в Пашах и насильствия Христианству лишнего нет ли? и с кем Салтану Турскому война? и была ли вновь у него с каким-либо Государством Фряжским рать, и чего впредь чают? Или словом накажи о том, если кого пошлешь из своих верных к Царю, чтобы о всем ему было ведомо, и я тебе Государю своему много челом бью».

Патриарх же, изливая чувства своей благодарности в письме к боярину Годунову, молил Бога, чтобы сохранил для него Бориса здравие Государево и даровал ему наследника, который бы и их опростал из неверных рук; а о том что поручал ему боярин, писал, что выразумел подлинно всю его грамоту и Бог даст о всем искусно отпишет, лишь только бы приказал воеводам Смоленским и Черниговским отсылать прямо к себе

его грамоты или людей, коих пришлет: покамест же слышал он в Орше, что Максимилиана отпустили, а с Королем пили, ели и помирились, а которая харч ни сделалась, то все пропало: Король в Вильну будет, про Татар же нигде не слыхать».

Такова была последняя, прощальная грамота Патриарха к Государю с рубежа его земли:

«Богом поставленному и Богом избранному Самодержцу Царю всея России и всех благоверных Христиан, здравие с Богом венчанною и благоверною твоею Царицею Ириною, и со всем синклитом и воинством.

Язык наш притомился и нашего разума не станет изглаголать благодарение за все твои великие милости и дарования, какие прислал ко мне богомольцу твоему, не только сребра, но и корму и пития, коего станет до Волошския земли. Мы только должны молить днем и ночью Бога, да соблюдет царствие твое в долготу дней и покорит всех твоих недругов к подножию ног твоих и даст тебе Господь плод чрева, наследника твоему царству и достоин будешь царствия небесного.

– Не забудь и нас на святой молитве своей в шествующем нашем пути, да дойдем здравы до Константинограда; а милостыня твоя царская будет у тебя в царствии небесном. Благодать, милость Божья буди на царствии твоём и на благоверной твоей Царице и на всем твоём синклите и воинстве. Аминь».

Пришествие митрополита Дионисия

Два года спустя после отшествия Патриаршего, в Мае (9) 1591 г., воеводы Смоленские Князь Андрей Трубецкий и Никита Траханиотов, известили Государя, что приехал из Тырнова города Митрополит Дионисий, да с ним Архиепископ Гревенский Болгарские земли Каллистрат, со многими Архимандритами и старцами разных монастырей, от Патриархов и всего Вселенского Собора, и прислали грамоту Дионисиеву.

«Благоверному в тихомирному и Богом почтенному, святому Царю нашему и Самодержцу всея Руси, Московскому, Казанскому, Астраханскому, Новгородскому и иных. – Православный Царь, Господин Феодор Иванович! Я смиренный Митрополит Дионисий Тырновский и Ларский, Кантакузинов и Палеолог, и приятель от Патриарха с собору, меньший раб, святые державы царствия твоего, припадаю на колени и челом бью Величеству твоему и нолю Христа Бога, да умножит державу твою и укрепит царство твое и учинит тебя свыше всех царей земных! Аминь.

Исповедаю Державе твоей мое пришествие: послан я от Святейших Патриархов и от всего Собора принести царствию твоему молитву и благословение, да и за тем, что по твоему повелению поставил Патриарх Иеремия на Москве Патриарха, и он ради любви твоей и призрения, что ему учинил, созвал Собор Патриархов, Митрополитов, Архиепископов, Епископов, да совершит поставление нового Патриарха Господина Иова; и для того еще собрал всех Архиереев и Патриархов, что Александрийского не стало; всему же Вселенскому Собору стало любо, и присоборовали и написали все, да будет на Москве пятый Патриарх под Иерусалимским, и послали меня, ближнего своего приятеля, да исповедаю все истинно, да будет о нем Бога молить, как и о прочих Патриархах около всего Черного моря, да и в Мутьянской земле и в Волошской, и у Киевского Митрополита, чтобы именовался Патриархом. А я иду к подножию Царствия твоего, и грамоты везу от Собора и чиновную грамоту новому Иову Патриарху; ты же,

благоразумный и достойный Царь, сотвори о моем приходе по воле Царствия своего. По сем буди на тебе молитва и благословение, да подарует Господь мир и здравие на век долгий, а на недруги одоление видимых и невидимых. Аминь».

Государь велел воеводам своим отпустить Митрополита и Архиепископа, с пришедшими вместе с ними, из Смоленска, а навстречу им послал в Можайск пристава Михаила Протопопова и велел расспросить дорогою: каким обычаем были Патриархи на Соборе? молились ли о Государевом здравии? и Патриарха Иова поминали ли на ектениях? и ведал ли о том Салтан Турский со своими пашами? и с каких мест были на Соборе Митрополиты, Архиепископы и Епископы? Корм же на пути велел давать почетный, а (Мая 28) под Москвою, за посадом у Воробьевых гор, Патриарх Иов выслал к ним от себя на встречу, Новоспасского Архимандрита Левкия, да Богородицкого ключаря Евфимия: им повелено было вызвать сперва из колымаг Митрополита и Архиепископа для слова Патриаршего и потом уже сказать его благословение и спросить о здоровье; а для житья отведено для них Новогородское подворье на Ильинском крестце.

Прошло около месяца, когда Государь (июня 20) велел Тырновскому Митрополиту быть у себя на дворе, с Архиепископом Гревенским Каллистратом и Архимандритами; и приехав в Кремль, ожидали они его выхода в посольской палате; оттуда шли папертью мимо Архангела и Богородицы, ибо в те поры до церкви Николы Голстунского простирался дворец царский, на крыльце, уставленное детьми боярскими и людьми приказными, в среднюю золотую палату, где сидел Государь на своем месте в одежде царской, и при нем бояре его и дворяне в золотом платье.

Дьяк Андрей Щелкалов явил сперва Митрополита с Архимандритами Макарием и Евфимием, как присланных от Собора, а потом Архиепископа Болгарского с Архимандритами от Св. Горы и Св. Гроба, которые пришли за милостынею. И Государь, встав с места, принял от них благословение, а Митрополит Дионисий правил ему еще благословение от Цареградского и прочих Патриархов.

Государь спросил его: «Отца нашего и богомольца Иеремию Патриарха как Бог милует и во спасении ли пребывает?» И Дионисий отвечал: «Божией милостью и твоим Государевым жалованьем Патриарх Иеремия здоров, и молит Господа Бога о твоей святой, великой и Царской Державе», и сказал от имени его речь, что по изволению и прошению царскому Святейший Иеремия, поставив на Руси Патриарха, созвал Собор в Царьграде и утвердил сие поставление уложенною грамотою, которую подал Митрополит Царю, от всего Собора, вместе с другими грамотами частными, от Иеремии к нему и благоверной Царице; в грамоте же Соборной написано:

«Когда благоверный и тихомирный Самодержец, Царь всея земли Российские, Московский, Казанский, Астраханский, Новгородский и иных Православных Христиан, Господин Феодор Иванович, принял наше смирение телесное и показал нам приязнь, сколько имел к Богу благоверия и любви к Христовой Церкви, тогда просил у нас о достоинстве Патриаршем по избранию Соборному и по канонам, да поставим и наречем Архиепископа Московского Патриархом, как нарекаются и прочие: первый Константинопольский Вселенский Патриарх, от Святого Вселенского первого Собора почтен был достоинством, от Блаженного и Равноапостольного Царя Константина Великого, а потом Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский Православные Патриархи.

И смирение наше, собственными очами, видели и порадовались благодати, величеству и распространению данному от Бога сему Царствию, ибо один только на земле ныне Царь Великий и Православный и не пристойно было бы не учинить воли его; мы же приняв по разуму его поставили на Москве Патриарха, Господина Иова именем, и благодатью Божией дали ему Хрисовулле Патриаршую, и произволили да он, Архиепископ Московский, властвует как пятый Патриарх и будет достоинством и честью почитаться с иными Патриархами во веки. Так совершили на месте. Когда же смирение наше пришли к престолу своему в Константин град и объявили сие дело, думу и прошение благоверного Государя явственно,

прочим достохвальным Святейшим Патриархам, оно показалось им любо и благословенно.

И еще смирение наше с ними Патриархами и со всем Вселенским Собором, во единомыслии и соединении о Святом Духе, пишем и объявляем чрез сию соборную грамоту: во-первых, исповедуем и совершаем в царствующем граде Москве поставление и именование Патриаршеское Господина Иова, да и впредь почитается и именуется с нами Патриархами, и будет чин ему в молитвах после Иерусалимского, а в головах и в начале держать ему Апостольский престол Константина града, как и иные Патриархи держат; во-вторых, то дарованное ныне имя и честь Патриаршества, не только одному Господину Иову дано и утверждено неколебимо, но произволяем и по нем поставлять, Московским Собором, начальных властей в Патриархи, по правилам, как зачато от сего сослужебника нашего смирения и о Св. Духе возлюбленного брата нашего Иова, и для того сия уложенная грамота утверждена для памяти в веки. Лета 7098, месяца Мая».

А у грамоты припись руки Патриарха Вселенского Константинопольского Иеремии, Антиохийского, Иоакима, Иерусалимского, Софрония, и соборных людей 42 Митрополитов, 19 Архиепископов и 20 Епископов.

Тогда поднес Митрополит Дионисий Государю и для его супруги благословение от Патриарха, часть Святых мощей Мученика Пантелеймона и Марии Магдалины; от себя же в дар венец царский золотой с камнями драгими и жемчугом, и с такою же запоною, и другой венец Царице. Равно и Болгарский Архиепископ и четыре Архимандрита, бывшие с ними, ударили челом Государю Святыми мощами, а благочестивый Самодержец велел им сесть в лавке по правую руку под средним окном, и посидев немного, отпустил с честью на подворье, куда посланы им яства и пития с трапезы царской. Не ближе праздника первого Спаса приглашены были по воле Государя Митрополит и Архиепископ к Святейшему Иову, которого нашли они облачающегося посреди Успенского собора, дабы идти на воду, и приложась к иконам они приняли от него благословение; а Дионисий говорил речь от лица Патриарха

Вселенского, и подав грамоту его, участвовал с прочими в крестном ходе. Царь же Феодор Иванович молился в тот день на Симонове у Пречистые Богородицы.

Святейший Иеремия, извещая, соборною грамотою, Патриарха Иова, о утверждении его избрания, просил взаимных молитв и поминовения во всех церквах Российских, начиная с себя по старшинству и поставляя Иова степенью ниже Иерусалимского; он завещевал содержание единства в Церкви Апостольской, и препоручал ему Митрополита Дионисия, как сродника Царей древних Кантакузинов и Палеологов, которые прежде держали скипетр Константинопольский, а в частном своем письме просил Патриарх, пострадать об нем пред Царскою светлостью и попечаловать словом и делом о приличной помощи, какую обещал Государь при отпуске его: ибо кроме Царя Русского никто не может опять восстановить разоренной Патриархии. – В праздник же Успения Митрополит служил вместе с Первосвятителем Московским и обедал за его трапезою.

Посещение Митрополитом боярина Годунова было еще гораздо позже Патриаршего, ибо только Октября 5 числа объявил Дионисий чрез дьяка посольского Щелкалова, что имеет слово и грамоты к Борису Феодоровичу, а Годунов докладывал Государю о дозволении принять его. Толмач Свастин Дмитриев сопровождал Митрополита, который, въехав на двор Борисов, мимо соборной церкви, слез с лошади у самой лестницы на мостках. Три встречи людей боярина, в чистом платье, ожидали его у ворот, на крыльце и в сенях, а у дверей средней комнаты своих хором принял благословение Владыки сам Годунов, в цветном платье, и спрашивал о здоровье. Митрополит правил ему поклон и благословение от Вселенского Патриарха и поднес от имени его часть Св. мощей Великомученика Пантелеймона и смирну; от себя же поминки: два атласа золотных, саблю булатную, да два сосуда ценинных, и боярин, приняв Св. мощи, даров не принял, говоря: «Великий Господин Митрополит Дионисий, нам у вас даров брать не подобает, а довлеет нам вас наделять, чем нас Бог благословил».

Но Митрополит бил челом с молением, чтобы боярин его тем не оскорбил и поминки принял, а Борис Феодорович велел у него взять только два сосуда ценинных, и сев на своем месте против дверей, просил Митрополита сесть по правую от него руку в большой лавке, и посидев немного, боярин отпустил Митрополита, говоря: чтобы в том его не обмолвил, что есть не пригласил, для того что заняли его Государевы многие дела, а посылает к нему со столом на подворье. И провожал Борис Феодорович Митрополита до тех же мест, где его встретил, а в сени и на лестницу и до ворот провожали его люди.

Две грамоты вручил также Митрополит Годунову, одну соборную, почти одинакового содержания с тою, какая писана к Патриарху Иову, но с сими замечательными выражениями: что весь Собор возрадовался о поставлении Патриарха Московского, по изволению Святого Царя и по желанию его Годунова, и годно есть, чтобы в такой Христианской стране был Патриарх у Православного Царя; в частной же своей грамоте Святейший Иеремия пишет:

«Преславнейшему, светлейшему честнейшему и высочайшему, великому Вельможе и Конюшему Господину Борису Феодоровичу о Св. Духе возлюбленному сыну нашего смирения; благодать тебе Государю и мир и милость о Боге Вседержителе Господе Иисусе Христе. Мы послали о Патриаршестве Российском по достоянию уложенную соборную грамоту, и еще пишем, Архиерейским Собором, к благоверному Царю нашему, да учинит жалованье и даяние Царское сколько производит, по данной ему благодати от Бога, и пошлет нам на сооружение Патриаршества Константинопольского шесть тысяч золотых, и будет новый Ктитор, т. е. соорудитель Патриаршества. И для того пишем к Величеству твоему, да призишь и попечалуешься благоверному Царю и Царице, да будет сие дело благое совершено и устроен, и будет жить в нем Патриарх, и Архиереи убогие прославят Бога и о благоверных Царе и Царице будем Его молить, ибо они суть новые соорудители новому Патриаршеству.

А и тебе Господину, гораздо известно, что обещали благоверный Самодержец и Царица наша воздать достойную

помощь, и ныне тому время приять милость Царскую. – И для того избрали мы и послали к Святому Царю и к тебе Господину нашему мужа искусного и рода великого, от бывших Константинопольских Царей Преосвященного Митрополита Тырновского и властителя всея Булгарские земли, о Св. Духе возлюбленного брата нашего смирения и сослужебника, Господина Дионисия, и он против лица нашего Патриаршеского избран от всего Собора Архиерейского; а ты его прими также как принял наше смирение и покажи ему любовь свое и радение, какое имеешь к великой Церкви, как друг Христов и помилователь, и о чем пишем к светлости твоей, то соверши, да примешь от Бога семьдесят седмицею и моление вечное. (А речи у него есть, те он известит тебе Государю: да послал к тебе с ним благословение, мощи Св. Пантелеймона, и смирно)».

Митрополит Дионисий просил также, во время своего посещения у боярина Годунова, о дозволении поклониться Чудотворцу Сергию, в Лавре его у Живоначальные Троицы, и ходил туда с разрешения царского; а почесть ему оказана равная Патриаршей, трапеза и милостыня, как приказывал о том с приставами боярин архимандриту и келарю, и дары от них отпущены: архимандритом пять образов окладных, 40 соболей, камка багровая, чарка серебряная, 50 рублей денег и деревянная посуда Троицкого изделия, да келарем со всею братиею два образа окладных, шуба соболя, камка, объярь и ковш серебряный. Таким же образом одарены все приходившие с Митрополитом: Иеремия Архимандрит от Саввы Освященного, два Архимандрита Макарий и Евстафий, Архидиакон Архангельского монастыря Кирилл и Келарь Дамаскин; с Афона же Пантелеймонский Архимандрит Неофит и Строитель Иоаким, Хилendarский Архимандрит Григорий, Преображенский Мефодий, Метеорской горы Архимандрит Дамаскин, Душского монастыря Афанасий и Ватопедского Старец Софроний, с прочими священниками, диаконами и служителями, ибо Лавра великого Чудотворца Сергия не оскудевала милостью и не уступала щедростью дарам царским.

В исходе того года (Декабря 2), повелел Государь Митрополиту быть у себя на дворе для прощального отпуска, и

Дионисий въехав, в санях, в город, вышел на паперть дворцовую между соборами Архангела и Благовещения, и оттоле шествовал в золотую подписную палату, где ожидал его Царь Феодор Иванович с боярами, на своем царском месте.

Когда же принял благословение, дьяк Андрей Щелкалов от лица его молвил Митрополиту, что Государь жалует его быть у его царского стола; Дионисий же, ударив челом за все великое жалование благочестивого Самодержца, вышел ожидать стола в ответную набережную палату, которая украшена была золотыми полавенниками, а стол накрыт был в золотой средней палате. В тот день вместе с Митрополитом обедали у Государя Пятигорские Черкасы, Князь Янсох с товарищами, и подача яств была от Царя сперва большим боярам, а потом Митрополиту; пред ним кубки и ковши и блюда горели золотом; служившие ему стольники в золотых шубах украшены золотыми цепями, и после трапезы посланы к нему на подворье мефы царские со стольником Басмановым и сытниками дворцовыми. Сверх того на отпуске пожаловал Государь Митрополиту: портище черного Венецийского бархату, три портища камки, три атласу, серебряный двойчатый кубок и чару, два сорока соболей и три куниц, и сто рублей деньгами, всего же на 310 р., да еще образ окладный чеканный Пречистые Богородицы, и ризы камчатные с золотом, оплечье же саженое жемчугом; и от Государыни Царицы подобных даяний было на 180 рублей; одарены также и два его Архимандрита Макарий и Евфимий, и Архидиакон, и прочие Архимандриты со Св. горы и старцы и служивые люди.

Вскоре после того (19 Декабря) был приглашен Митрополит, по воле Государевой, Архимандритом и братиею Чудова монастыря и встречен ими с честью у Св. ворот, а после всенощной настоятель приветствовал его речью, в коей благодарил за все великие труды его и звал на следующее утро к обедни на братскую трапезу, во время коей наделил его обычными дарами.

Спустя более месяца после своего отпуска (12 января 1592) велел Государь быть Митрополиту Дионисию на отпуске у Патриарха Иова, в присутствии дьяка посольского Андрея Щелкалова, и Дионисий с своими Архимандритами и старцами

шел на двор патриарший чрез соборную церковь, где слушал молебен великим Чудотворцам Петру, Алексию и Ионе. Сей первый Патриарший отпуск совершен был со всевозможным торжеством, чтобы доказать величие Первосвятителя Русского Греческому пришелицу. Стрельцы стояли на дворе; в сенях и по крыльцу подьячие и патриаршие боярские дети в чистом платье; двое из них встретили на верхнем крыльце из переходов Митрополита, а в сенях у палатных дверей ожидала вторая встреча, судной палаты дьяк Афанасий Малыгин и патриарший дьяк Иван Шебаршин.

В столовой Белой палате сидел сам Патриарх Иов, на своем месте в большой лавке, а от него с сажень по левой стороне сидели в большой же лавке Митрополит Геласий Сарский и Подонский, в Архиепископ Рязанский Митрофан, и подалее старцы соборные; а от большой лавки к столбу сидели на скамье протопопы и ключари Богородицкие и Архангельские. В другой лавке по правую сторону от Патриарха сидели Архиепископы Вологодский Иона и Еласонский Арсений, Архимандриты и Игумены, а на окольном месте сидели Государевы дворяне и приказные люди и дьяки и патриаршие дети боярские сверстные, в чистом платье.

При входе Митрополита встал Патриарх и прочитав достойное, совершил молитву и благословил Дионисия, говоря: «в великой Государя нашего, благочестивого Царя Державе, в добром ли здоровья и в спасенья ли пребываешь и нет ли каких трудностей?» – Дионисий отвечив: «Божией милостью и Государевым жалованьем и вашим благословением мы здоровы и всем покойны и предовольны». После чего все Архиереи Русские и Архимандриты благословлялись у Греческого и он в свою череду у них, и по благословению Патриаршему сел от него не далеко, по правой стороне в другой лавке, и Святейший Иов встав, говорил речь, в коей рассказал Митрополиту, как все происходило от самого начала при его избрании и поставлении, и думу царскую и решение патриаршее, и наконец самый приход Дионисиев с грамотами соборными, заключив, что и ему даны будут грамоты к Патриарху и ко всему Собору.

В свою чреду пространно изъяснял Митрополит о Соборе Патриархов, как сыскали начала прежние о том, что древле благоверный Царь Константин пожелав Патриаршество в царствующем граде Новом Риме, обсылался с Папою Римским и с Александрийским Патриархом, и поставлен в Константинополе первый Патриарх Митрофан; и как, воззрев в те начала, тотчас написали укрепленную грамоту о Патриаршестве Московском, и послали его Дионисия в Волошскую землю к воеводе с вестью, чтобы его державы Архиеереи приложили также свои руки к грамоте, что учинили с радостью. Дионисий советовал также впредь о всяких делах духовных обсылаться с Патриархом Вселенским, подобно прочим Патриархам, и для ради дальнего пути избрать Святейшему Иову в свое место из Греческих Митрополитов или Архиепископов, кто на то способен и приказать ему быть всегда при Вселенском Патриархе для Соборов и духовных дел, ибо и вместо других Патриархов живут их приятели в Царьграде у Вселенского.

Но Святейший Иов на сие отозвался, что посоветует прежде с благоверным Государем и освященным Собором и учинит как будет приличнее, и благословив Митрополита панагиею отпустил, приказывая к Патриарху Вселенскому свое благословение и челобитье, и к прочим Патриархам и Собору благословение и поклон. В то же время и дьяк посольский Андрей Щелкалов от лица царского говорил Митрополиту, что пошлет к нему на подворье грамоты Государевы к Патриарху и Собору.

В половине Февраля (15 ч. 1592 г.) приказал Государь отпустить Митрополита в путь и велел его проводить боярскому сыну Нелюбу Парфеньеву до Чернигова, а с ним посланы десять человек детей боярских и двадцать стрельцов с пятидесятником, вооруженных пищальми, которые должно были смениться другими в Брянске, у воеводы Князя Звенигородского Григория, в большом количестве. В Почепе прибавлено еще 10 стрельцов к 20 прежним. Нелюбу приказано было с посадов и сел брать для них подводы: в городах по одной на двух человек, как о том предписано воеводам и головам, а корм для

двадцати лошадей Митрополичьих покупать дорогою на отпущенные для сего деньги; если же не станет, то брать безденежно по селам, записывая в книгу, которую прислать на посольский двор. А в Пафнутьев монастырь, что в Боровске, послан указ Государев, чтобы из иных обителей собрались старцы и встреча Митрополиту Тырновскому была бы нарядная, как бы Всероссийскому, и чтобы изготовлен был почетный корм и меды и отпущены ему дары приличные; ибо все Архиереи русские, бывшие в Москве при отъезде Дионисиевом и даже два игумена Кириловский и Иосифовский наделили его посильными поминками.

Из Чернигова воевода Григорий Борисов должен был послать проводить Митрополита и его Архимандритов до рубежа, со своими детьми боярскими 30 человеками и с сотнею вооруженных стрельцов. Но еще не доехал он до Чернигова, как вслед за ним послан был дворянин Матвей Проестев с грамотами и поминками к Патриархам, которые велено вручить Митрополиту, и Борис Феодорович приказал еще отдать от своего имени поминки для Иерусалимского Патриарха келарю Лавры Саввы Освященного Дамаскину, который сопровождал Дионисию вместе с своим Архимандритом и другими Афонскими настоятелями.

Государь излагал в пространной грамоте Святейшему о Бозе Пастырю Иеремии, учителю Православных велений, рачителю Евангельской проповеди, твердому столпу Православия для всех христиан и крепкому о Христе страдальцу, опять всю свою думу о учреждении Патриаршества, что грех ради наших, ветхий Рим пал Аполлинариевой ересью, и Церковь Римская и вся Италия наполнились нечестивым учением Папы Формоза и по нем Петра Гугнивого; после же того чрез Папу Христофора конечно отлучилась Церковь Римская от нашей Святой и Православной Веры: почему Святейший Сергей Патриарх Константинопольский, испытав прежде о вере злочестивого Христофора, по совету Вселенских Патриархов не велел поминать в церквах Греческих Пап Римских. Также злочестию древних последовал и Папа Евгений, составив суемысленный восьмой Собор, но нечестивое его предание

обличил Марк Митрополит Эфесский; а в нашем Всероссийском Государстве, благодатью Христовою, Святая Христианская Вера как солнце под небесами сияет и благочестия лучи испускает во всю вселенную, во всем согласуясь с четырьмя Вселенскими Патриархами, как приняли сначала от благочестивых родителей, свято почивших Великих Государей, еще со времен Равноапостольного Князя Владимира, просветившего Русскую землю, и потому прилично было для почести святой и непорочной нашей Греческой Веры в царствующем граде Москве устроить высокий престол Великих Чудотворцев, Петра, Алексия и Ионы, Патриаршим.

Далее, описывая самое исполнение своей царской мысли и избрание Иова, говорит: «поелику древле Константинопольский Вселенский Патриарх Сильвестр от Св. Вселенского Собора и от Равноапостольного Царя Константина достоинства честно почтен, то ваше Архиерейство соборно уложили вначале именоваться и в Папино место быть тебе Иеремии, Божией милостью Архиепископу Нового Рима и Вселенскому Патриарху, потом Александрийскому, потом нашего великого Государства, царствующего града Москвы Патриарху, после же Антиохийскому и Иерусалимскому»; и сие столь подробно изъяснял благочестивый Самодержец для того, что в грамотах, Московский Патриарх поставлен был ниже всех, что вероятно было причиною долгого замедления в Москве Митрополита, прежде, нежели допущен был к Святейшему Иову, ибо Царь твердо стоял за первенство своей Церкви пред Антиохийскою и Иерусалимскою, едва уступая Александрийской, поскольку ее Первосвятитель носил еще сверх имени Папы и звание Судии Вселенной».

Феодор напоминал также, как отпустил он с великим жалованьем Святейшего Иеремию в Царьград, чтобы превеликий престол Константинопольский Церкви, матери всех Церквей по Вселенной, единой Православной Веры, не остался без крепкого пастыря и словесные овцы Христова стада не поглощены были от волков зияющих и для Соборного утверждения Патриаршества Всероссийского, и чтобы во всех четырех Вселенских Патриаршествах Греческого Царствия

возносились, молитвы о здравии и чадородии Царском; а милосердый Бог ради Святительских молитв, быть может, разверзет узы неплодия в наследие рода его.

Наконец, касаясь пришествия Дионисиева, извещал, что всем Собором уложили чин поминовения Патриаршего по прежнему уставу, т. е. что Московский стоит третьим; а для будущих времен просил Святейшего Иеремию, объявить чрез писание брату своему и сослужителю новопрестольному Иову и которые по нем будут, если судом Божиим кто-либо из Святейших Патриархов, одного из великих престолов, отъидет от мимотекущего сего тленного света в оный будущий век нескончаемого блаженства, и называть по имени его преемника, что и в Российском Царствии наблюдаться будет; и преемники первопрестольного Иова известят о себе Цареградского Патриарха; дабы по всем градам и местам Греческого Царствия и во всех четырех Патриаршествах поминался Патриарх Московский равночестно с прочими Вселенскими, как и по всем Государствам Российского Царствия они поминаться будут; просил еще чтобы впредь в нашей великой Соборной Церкви иметь со Вселенскими Патриархами единый совет и согласие при избрании великих Патриархов, и соблюдать святую нашу Христианскую Веру правильную во всем вкупе и на веки по Апостольскому преданию и по канонам Св. великих и Богоносных Отец наших.

В таком же смысле написал Государь три отдельные грамоты Патриархам Александрийскому Мелетию, вновь поставленному на место умершего Сильвестра, Антиохийскому Иоакиму, прежнему своему приятелю, и Софронию Иерусалимскому; а Святейший Иов написал о том же Вселенскому Патриарху, говоря только несколько в иных выражениях о Папе, что прежде было во всем мире пять Патриархов, а Папа Римский, старейший начальник, отпал от благочестия и возлюбил тьму паче света и к отпадшему чину Ангелов приложился; но также настоятельно говорил Иов о степенях Патриарших, поставляя себя третьим после Александрийского, в чем ссылался на Уложение Соборное и просил о поминовении взаимном повсеместно, и о единстве

совета, воли, хотения и согласия между Патриархами, о святой непорочной Вере Православной, дабы иметь единое тщание и промысл о Святых Божиих Церквах и воссылать в них единое моление к Богу, содержа крепко поведенное преданием Апостольским и седми Вселенскими Соборами и неподвижно на веки. Он извещает также Святейшего Иеремию, что ходатайствовал пред Царем и Царицею об украшении и строении его Патриаршей церкви, и заповедуя, да молится об их наследствии, желал его честной Архиерейской главе явиться превыше всех посреди иноплеменных языков, да тихо и покойно совершить течение житейское и получить вышнее наследие с неизглаголанною радостью в пристанище Божиим. – В конце же грамоты кланялся ему сороком соболей.

Касательно же строения церковного, благочестивый Государь писал Патриарху Иеремии особо: «Ваше Святейшее Архиерейство и весь Собор Архиерейский, в просительном молении извещали нас, что старое Патриаршество от ваших рук взято, да и кельи, которые соорудили Православные Цари, взяты и разорены и для того вы приискали церковь и хоромы Христианские, великие палаты, дав за них 6000 золотых и в том стали должны и просили Наше Царское Величество учинить помощь новой Патриархии заплатить дом, который для нее вновь куплен, чтобы нам быть Строителем Божественной церкви. – И мы вашего, Святейшего Архиерейства не презрели, и на сооружение церкви Божией и устройство Патриаршего дома послали к вам с Митрополитом Дионисием омофор сажен жемчугом, да чару золотую для Святой воды, да убрусец с жемчугом дробным, для украшения Апостольской церкви и твоего Архиерейства, на сооружение же сорок сороков соболей, 30 сороков куниц, десятерыми горностайные, и пятнадцать пудов рыбьего зуба; ты же Вселенский Патриарх от нас такую милостыню приняв, с прилежанием устрой дом Пресвятыне Богородицы и Патриарший; да с Митрополитом же послали мы для Александрийского Патриарха Мелетия шапку служебную Святительскую, для Святой воды чару золотую, и убрусец низан жемчугом дробным и четыре сорока соболей, то же для Антиохийского и Иерусалимского, и ты бы Святейший Иеремия

ту нашу посылку и грамоты разослал к Патриархам. А что ты писал нашему Величеству о многих скорбях, какие приемлют от безбожных Агарян мнихи, пребывающие во Святом монастыре в Святогорской горе, чтобы призрели на них светлостью своею и учинили помощь, да избавятся от таких нужд, и мы для вашего прошения прияли их милостиво и, пожаловав нашим Царским жалованьем, к вам отпустили».

Так и на Афонские монастыри простерлась милость щедрого Царя: он писал к Проту, т. е. старейшему Архимандриту великой Лавры на Святой горе, извещая, что с Архимандритом Неофитом Пантелеймонова монастыря послано им за упокой души блаженного родителя 500 р. деньгами и ризы богатые для сооружения сего монастыря, и чтобы наблюдал Прот за строением, если же не явится с рухлядью Неофит, то поручил бы строение Пантелеймона Архимандриту Хиландарской Обители Григорию, а деньги вновь пришлет на церковное устройство, также и утварь, когда известят об успехе здания. Архимандриту же Неофиту и другому Иерусалимскому Архимандриту Христофору, от пустынной Лавры Саввы Освященного, дал на свое имя Государь приезжие грамоты, чтоб и впредь вольно им было проезжать чрез рубеж для сбора подаяния.

Со своей стороны боярин Годунов уведомлял Патриарха Вселенского о жаловании Царском и просил молитв о чадородии сестры своей Царицы Ирины, «дабы многоросленная ветвь их Царского корня процвела в надежду великим Государствам Российского Царствия и всем верным Христианам повсюду, и благодарил за многие труды его при учреждении Патриаршества Московского. – Исчислив же дары Царские прочим Патриархам, кланялся он от своего лица великому Господину и Государю отцу своему и наставнику о спасителю души своей, сороком соболей, да от жены своей Марии бил челом ему ширинкою, от сына Феодора кубком серебряным золоченным с покрывшкою, и просил не забывать в святых молитвах, чтобы милосердый Бог сотворил над ними как весть Его святая воля.

Равным образом писал боярин к Пресвятейшему Софронию: Божией милостью Патриарху Великому Града Иерусалима, предстоятелю Живоносного Гроба Господа нашего Иисуса Христа и святого Его Воскресения, Пастырю и Учителю Православных велений, истинному поборнику на Божиих врагов, крепко поборяющему за благочестие, и уведомлял от себя об учреждении Патриаршества в России, и о милостыни Царской, прося обычных молитв о чадородии; потом же говорил, что послал от себя с келарем старцем Дамаскиным Живоносному Гробу Христову и Его Воскресению потир хрустальный, обложен золотом, с яхонтами и ладами и изумрудами, да три блюда золотые, и елей к Господню Гробу золотой, с яхонтами и изумрудами, и кадило золотое, да в елей (т. е. кадило) на масло четыре сорока соболей, чтобы не оскудел маслом елейник; дондеже Бог изволит. С Дамаскиным же посылал к Пречистой Богородице в Гефсиманию сосуды церковные, потир и дискос и кадило серебряные, да на сооружение пятьсот золотых, чтобы купить на те деньги виноград или село и впредь бы устроите у Пречистый Богородицы в Гефсимании вседневную службу и свечу неугасимую. «И мы велели Дамаскину тебя спрашиваться во всем, как бы святое место устроить и службу и свечу. Если же село или виноград больше той цены будут стоить, ты, Пресвятейший Господин и Государь отец мой и учитель, отпиши, что к тому придать золотых и я тотчас пришлю. С ним же послал я в тебе сорок соболей от себя, и жена моя Мария тебе великому Господину челом бьет ширинку, сын мой Феодор кубок золоченый, дочь моя Оксинья, икону, Спасов образ да ширинку, и ты бы то от нас принял в любовь, чтобы ради святых твоих молитв, сотворил над нами Господь по милости своей, как весть Его святая воля».

Замечательна грамота боярина к келарю Архангельской Обители Св. Саввы Дамаскину, месяца Марта 1592. Исчисляя ему все вклады свои и дары Патриарху, он пишет: «мы велели то все отдать тебе великому старцу перед Дионисием Митрополитом, да на сооружение Гефсимании дано тебе 500 золотых, и ты те золотые Митрополиту объяви же; а что опричь того тебе великому старцу дано, и ты бы того не объявляя

держал у себя и тем Пречистой Богородицы дом строил бы, как я тебе сам наказывал».

Не было ли в сем тайном наказе какого-либо тайного поминовения, по душе Царевича, ибо Боярин не поручал сих денег ни Митрополиту Дионисию, ни Архимандриту Лавры Христофору, ни самому Патриарху Иерусалимскому, а велел только отдать ему оклады и дары и с ним советовать о сооружении Гефсимании, для покупки села, в случае же недостатка обещал еще денег. – И так данное им келарю имело сверх сего еще особое некое назначение.

Так совершилось великое посольство Митрополита Тырновского от Собора Вселенских Патриархов для утверждения Патриаршества Московского и всея Руси.

Примечания

¹ - Далее в скобках по тексту указана боковая сноска на оригинале (прим ред.).